

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЛИПЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ П.П. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО»

На правах рукописи

Казанцева Вероника Алексеевна

ОБРАЗ ЯПОНИИ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

10.02.01 – русский язык

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор
Попова Елена Александровна

Липецк – 2021

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Теоретические основы изучения проблем формирования образа <i>другого этноса</i> как стереотипа языкового сознания в контексте русской языковой картины мира	15
§1. Антропоцентризм как ведущий принцип современной науки о языке.....	15
§2. Языковая картина мира и категория ментальности как понятия лингвистики антропоцентризма.....	20
§3. Этностереотип как фрагмент языковой картины мира.....	29
§4. Лингвистическая имагология в свете новых научных тенденций изучения стереотипных этнических особенностей восприятия чужих народов и культур.....	35
Выводы по первой главе.....	40
Глава 2. Образ Японии в языковом сознании носителей русского языка	42
§1. Японизмы как один из аспектов репрезентации образа Японии в русской языковой картине мира.....	42
§2. Фразеологические единицы русского языка с этнонимическим компонентом <i>японец, японский(-ая)</i>	65
§3. Образ Японии в современном сознании носителя русского языка (на материалах «Русского ассоциативного словаря»).....	73
§4. Образ Японии по результатам направленного ассоциативного эксперимента.....	80
Выводы по второй главе.....	90

Глава 3. Лексико-семантическая репрезентация образа Японии как объективация стереотипов сознания русского народа и их отражение в текстах различных литературных направлений и жанров.....	92
§1. Репрезентация образа Японии в русском языковом сознании на основе анализа текстов периода XIX–XX вв.....	92
§2. Образ Японии и японца в русском языковом сознании, сложившийся в период русско-японских военных конфликтов	109
§3. Особенности восприятия коммуникативного поведения японцев в сознании носителей русского языка как одна из составляющих целостного образа Японии.....	121
Выводы по третьей главе.....	132
Заключение.....	135
Список источников и литературы.....	141

Введение

В современной лингвистике активно развивается антропоцентрическое направление, в рамках которого язык изучается в тесной взаимосвязи с этногенезом, обществом, национальной культурой. Язык рассматривается как источник сохраненной и накопленной определенным этническим коллективом информации об особом способе мировоззрения его носителей, своеобразии национально-культурных представлений и образов.

Одним из центральных понятий современной лингвистики является понятие языковой картины мира (ЯКМ). В ней отражены национально детерминированные знания и представления носителей языка об объектах окружающей действительности, которые закреплены в человеческом сознании и в самом языке в виде смысловых образований.

По отношению к ЯКМ эти смысловые образования представляют собой ее отдельные образы, фрагменты. Изучение особенностей мышления и восприятия действительности, сложившихся в этническом коллективе, посредством расшифровки языковых образов как проекции этноментального сознания и фокусирования этнокультурных особенностей заявлено в современной антропологической лингвистике как ее приоритетная задача.

Поскольку любой народ живет в системе координат «свой – чужой», противопоставляя себя другим этносам, важную роль для любой этнической лингвокультурной модели мира играет оппозиционность лингвокультурной пары *свой – чужой*. *Этническое*, или *национальное самосознание*, любого этноса выстраивается на двух составляющих этого феномена: с одной стороны, осознание себя как отдельной самостоятельной нации («МЫ», «СВОИ») и отношение к своему этносу, с другой – понимание наличия других этносов («ОНИ», «ЧУЖИЕ») и отношение к этим этносам. Эти отношения находят свое отражение в языке и могут быть проанализированы как фрагмент языковой картины мира определенной лингвокультурной общности. Жизнь того или иного этноса, «чуждого» носителям

определенного языка, зафиксированная в художественных и иных текстах, лексических и фразеологических единицах, чрезвычайно интересна и многообразна. Образ «другого» народа и страны складывается с течением времени, претерпевая влияние многообразных исторических факторов, и порой имеет неоднозначную оценку в различные периоды, что объясняется историей и характером взаимоотношений между нациями. Но так или иначе образ «чужого» народа запечатлен в языке, который является вербальной проекцией этнического мирозерцания носителей и образует собой *стереотип национального представления о «другом», или этнический стереотип*. Своеобразие *этностереотипов*, зафиксированное в языке, в свою очередь определяет эклектичность и неповторимость мировосприятия и мировоззрения его представителей и позволяет выявить те стороны национального сознания, которые оказываются малодоступны анализу вне кросс-культурных оппозиций. Исследование одного из таких образов – *образа Японии*, его фиксация в языковой картине мира русской лингвокультурной общности находится в центре внимания в данной диссертации.

В качестве **гипотезы исследования** нами выдвинут следующий тезис: анализ языковых данных (материалов лингвистических словарей, текстов русской литературы XIX–XX вв., результатов эксперимента и др.) позволяет реконструировать образ Японии в русской языковой картине мира как крайне обобщенный и мифологизированный, базирующийся на ряде стереотипов: «страна восходящего солнца и сакуры», «страна гейш и самураев», «родина восточных единоборств», «страна рыбы (суши и роллов)», «страна высоких технологий».

Актуальность исследования объясняется тем, что в современной лингвистике наблюдается устойчивый интерес к проблемам языка и этноса, языковой картины мира и отраженной в ней ментальности, национальной специфике различных языков. Кроме того, в современных социокультурных условиях изучение исторического прошлого народа, его духовной культуры

через язык, являющийся главным признаком любого этноса, способствует поискам путей сопряжения разных наций в политических, культурологических, дидактических и других целях. Следствием этих исследований в конечном итоге должно стать взаимопонимание народов, потому что каждый из них перестанет быть для другого «*terraincognita*». В современной филологической науке пока еще не достаточно практик, позволяющих выявить на основе языковых данных стереотипные представления носителей языка о других этносах. Наша работа является первым исследованием, систематизирующим способы языковой репрезентации образа Японии в русской языковой картине мира на основе полученных контекстуальных, экстралингвистических и экспериментальных данных.

Цель настоящей работы – семантическая реконструкция образа Японии и японца как фрагмента русской языковой картины мира на основе обобщения его репрезентаций в современном русском языке с опорой на идеи и методологию современной антрополингвистики.

Поставленная цель достигается решением следующих **задач**:

1. Сформулировать главные методологические принципы, проблематику исследования образа Японии в русской языковой картине мира.

2. На основе лексического анализа заимствований из японского языка сформировать лексико-семантические группы, детерминирующие основные черты репрезентации языкового образа Японии в русской языковой картине мира.

3. Проанализировать фразеологизмы русского языка с этнонимическим компонентом *японец* и производными от него *японский (-ая)*.

4. Представить образ Японии на основе экспериментальных исследований.

5. Выявить основные особенности объективации образа Японии в русском языковом сознании на основе анализа художественных и публицистических текстов русской литературы различных периодов. Провести семантический анализ отобранных репрезентативных лексических единиц.

6. Рассмотреть коммуникативное поведение японцев как составной компонент образа Японии в языковом сознании носителей русского языка.

7. Исследовать динамику формирования и изменения образа Японии в русском языке.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что впервые всесторонне исследуется образ Японии как фрагмент языковой картины мира русского народа и русской лингвокультуры в целом.

Объект исследования – лексико-семантические репрезентации образа Японии и японца в русской языковой картине мира, рассмотренные с точки зрения синхронии и диахронии.

Предмет исследования – основные черты языкового отражения образа Японии и японца как стереотипа русского языкового сознания, объективированные в языке (в значениях заимствований из японского языка, фразеологизмах с этнонимическим компонентом *японец, японский(-ая)*, текстах русской литературы различных стилей и жанров, экспериментальных данных и др.) в их единстве и взаимодействии с экстралингвистическими факторами.

Личный вклад заключается в отборе материала лексикографических источников, изучении художественных и публицистических произведений, в проведении и оценке результатов направленного ассоциативного эксперимента с целью сбора информации по теме диссертационного исследования, разработке плана исследования и подборе исследовательских методов; в подготовке публикаций и выступлений с целью апробации результатов на научных конференциях как в России, так и за рубежом.

Материалом для исследования послужили лексикографические данные различных словарей (толковых, этимологических, фразеологических, ассоциативных, словарей иностранных слов, субстандартной лексики и др.); тексты русской литературы различных стилей и жанров (произведения художественной литературы XIX–XX веков, дневниковые записи, путевые заметки, песенное творчество советских авторов, поэтические произведения Серебряного века, тексты СМИ (П.И. Мельникова (Андрея Печерского), В.В. Головнина, И.А. Гончарова, А.П. Чехова, святителя Николая Японского, К. Бальмонта, А. Белого, П. Бутурлина, А. Дебуа, В. Ключевой, Л.Н. Андреева, А.И. Куприна, А.С. Новикова-Прибоя, Вс. Овчинникова, Л.Е. Улицкой, Б. Акунина, А. Гениса, П. Вайля и др.); фрагменты «Национального корпуса русского языка»; экспериментальные данные (результаты направленного ассоциативного эксперимента). В тексте диссертации использовано около двух тысяч примеров.

Методологическая база исследования включает следующие методы и приемы:

1) общенаучные методы наблюдения и описания, сущность которых состоит в создании эмпирического базиса как основы для дальнейших обобщений и классификаций;

2) семантико-когнитивный метод, суть которого заключается в семантизации образного содержания лексических единиц в языковом сознании;

3) дискурсивный анализ, заключающийся в выявлении взаимосвязи языковых единиц и стоящих за ними социальных процессов, исследование взаимосвязи языка и социума;

4) лингвокультурологический анализ, заключающийся в системном описании фактов языка и культуры;

5) экспериментальный метод (направленный ассоциативный эксперимент), сущность которого состоит в выявлении вербальных ассоциаций с позиции национально-специфичных культурных особенностей

той или иной страны, отношения респондентов к определенной культуре страны через призму национальной языковой картины мира.

Теоретическую основу настоящего исследования составили:

- труды отечественных и зарубежных ученых, отражающие антропоцентрический взгляд на язык и науку о языке: В. фон Гумбольдта, Э. Бенвениста, Е.С. Кубряковой, Е.А. Поповой и др.;

- работы лингвистов, касающиеся проблем языковой картины мира, ментальности: В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, Л. Вайсгербера, Э. Сепира, В.В. Колесова, Ю.Д. Апресяна, О.А. Корнилова, В.А. Масловой, Н.Ю. Шведовой и др.;

- исследования, в которых рассматриваются вопросы стереотипа и этностереотипа как проблемы лингвистического изучения: У. Липмана, Е. Бартминского, Ю.А. Сорокина, Л.П. Крысина, Г.И. Исиной и др.

- труды современных лингвистов по проблемам семантической категории чуждости и лингвистической имагологии: А.Б. Пеньковского, А.В. Зеленина, Ю.С. Степанова и др.

- исследования в области коммуникативного поведения: И.А. Стернина, Ю.Е. Прохорова.

- труды ученых по разработке теории и практики лингвистического эксперимента: А.Н. Леонтьева, Ю.Н. Караулова, И.А. Стернина, О.Е. Виноградовой и др.

Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в том, что данные, полученные нами, вносят определенный вклад в развитие лингвистики антропоцентризма, в частности такого нового направления современной лингвистики, как лингвистическая имагология, в разработку проблем изучения русской языковой картины мира, ментальности, межкультурной коммуникации.

Практическая значимость работы состоит в том, что материалы и выводы диссертационного исследования могут быть использованы в практике вузовского преподавания различных лингвистических дисциплин,

связанных с проблемами русской языковой картины мира, ментальности, коммуникативного поведения, лингвистической имагологии, межкультурной коммуникации, в руководстве научно-исследовательскими работами студентов и магистрантов. Данные диссертации могут найти применение в лексикографической практике: при составлении лингвокультурологических словарей русского языка. На основе полученных данных могут разрабатываться сценарии общения дипломатов, журналистов-международников и представителей других специальностей с носителями иных языков, в этом случае диалог с представителями той или иной лингвокультуры будет носить более целенаправленный и продуктивный характер.

Положения, выносимые на защиту:

1. Анализ и соотнесение данных лексикографических источников, текстов, фразеологических единиц и результатов направленного ассоциативного эксперимента с экстралингвистическими детерминантами позволяет выявить семантически-репрезентативные единицы *образа Японии* в русской языковой картине мира.

2. С помощью лексико-семантического и количественного анализа японизмов установлено стереотипное представление о Японии, сложившееся в русском языковом сознании преимущественно как о «*стране – родине восточных единоборств*», «*стране рыбы (суши и роллов)*», «*стране гейш и самураев*».

3. Семантическое наполнение фразеологических единиц с этническим компонентом *японец* и производными от него *японский(-ая)* (*япона мама, японский городской, японский бог, чума японская, японский разведчик, танго японское, грамота японская* и др.) детерминировано событиями Русско-японской войны и созвучием первых звуков представленных этнонимов с рядом табуированных выражений русского языка, отражает сложившееся в русском языковом сознании восприятие Японии как далекого, экзотического мира.

4. Результаты направленного ассоциативного эксперимента и анализ данных «Русского ассоциативного словаря» (2002) служат интерпретации существующего на сегодня образа Японии как стереотипа русского языкового сознания, репрезентованого в следующей лексико-семантической цепочке: *«страна – родина восточных единоборств», «страна рыбы (суши и роллов)», «страна гейш и самураев», «страна высоких технологий и экономического чуда».*

5. Анализ текстов различных стилей и жанров позволил установить лексико-семантические репрезентанты *образа Японии и японца* в русском языковом сознании как *недостижимой, малодоступной страны; чудной, странной, страны-мечты*; данный лексико-семантический ряд может быть дополнен языковыми единицами с отрицательной семантической наполняющей, выражающей презрение к японской нации: *япошки, макаки, мартышки, косоглазые черти* и др.

6. Установленные различия коммуникативного поведения японцев и русских на основе текстового анализа позволяют выявить заложенное в русском коммуникативном сознании негативное восприятие таких особенностей коммуникации японцев, как церемонность и излишняя нормированность, формализм и сдержанность эмоций, стремление к компромиссу в решении спорных вопросов и медленный темп переговоров.

Апробация работы осуществлялась в виде докладов на научных конференциях различного уровня: X Международном форуме «Задонские Свято-Тихоновские чтения “Любовью и единением спасемся”» (г. Липецк – Задонск, ЛГПУ, 2014 г.), XI Международном форуме «Задонские Свято-Тихоновские чтения “...Где дух Господень, там и свобода”» (г. Липецк – Задонск, ЛГПУ, ноябрь, 2015 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Малая родина – большая литература: проблемы развития современной филологии» (Липецк, ЛИРО, апрель 2015 г.), Всероссийской научной конференции «Первые Щеулинские чтения» (Липецк, ЛГПУ, март 2016 г.), Всероссийской научной конференции XV «Барышниковские чтения

«Русская классика: проблемы понимания и языкового своеобразия» (Липецк, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, ноябрь 2016 г.), «XII Региональной конференции российских соотечественников стран Азиатско-Тихоокеанского региона» и проводимой в ее рамках тематической конференции «Положение русского языка в странах АТР» (Япония, Осака, май 2018 г.), XIV Международном форуме «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения “Святитель Тихон Задонский на перекрестке традиций (Афон – Валаам – Задонск – Оптина Пустынь – Соловки)”» (г. Липецк – Задонск, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, май 2018 г.), IX Международной научно-практической конференции «Запад и Восток в диалоге культур» (Липецк, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, апрель 2019 г.), XVI Международном форуме «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения “Хотят ли русские войны?”» (г. Липецк – Задонск, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, ноябрь 2020 г.), X Международной научно-практической конференции «Запад и Восток в диалоге культур» (Липецк, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, апрель 2021 г.), Всероссийской конференции – XVI Барышниковские чтения «“Война и мир” Л.Н. Толстого: духовные константы и социальные переменные» (Липецк, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, октябрь 2019 г.), Пятой региональной конференции студентов и школьников «Россия и Европа: диалог культур» (Липецк, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, декабрь 2017 г.), научно-практических конференциях студентов, аспирантов и соискателей ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк, 2013–2019 гг.). По теме диссертации опубликовано 12 работ, четыре из которых опубликованы в изданиях, включенных в перечень ВАК.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и списка источников. Текст изложен на 161 страницах рукописи.

Введение диссертации содержит обоснование актуальности проведенного исследования, формулировку цели работы и круга

сопутствующих задач, характеристику языкового материала, оценку научной новизны и личного вклада автора в изучаемую проблему, теоретическую и практическую значимость диссертации, описание объекта и предмета исследования, особенности методологии, основные положения, выносимые на защиту и сведения об апробации результатов исследования.

В первой главе «Теоретические основы изучения проблем формирования образа *другого этноса* как стереотипа национального сознания в контексте русской языковой картины мира» рассматривается проблематика современной антропологической лингвистики, проблемы языковой картины мира и ментальности в трудах зарубежных и отечественных ученых, характеризуются современные направления лингвистики в изучении взаимосвязи языка и ментальности. Представляется новое лингвистическое направление – лингвоимагология (лингвистическая имагология) и ее основные категории: стереотип, имидж, образ.

Вторая глава «Образ Японии в языковом сознании носителей русского языка» посвящена анализу языковых данных, таких как: японские заимствования и фразеологизмы с этнонимическим компонентом *японец* и его производными *японский(-ая)*, на основе которого выявляются основные черты образа *Японии* в русской языковой картине мира. В нее также включен анализ материалов «Русского ассоциативного словаря» и данных, полученных в результате проведенного нами направленного ассоциативного эксперимента на слова-стимулы *Япония, японский, японец*.

Третья глава «Лексико-семантическая репрезентация образа Японии как объективация стереотипов сознания русского народа и их отражение в текстах различных литературных направлений и жанров» посвящена исследованию особенностей репрезентации образа *Японии* и *японца* в художественных и публицистических текстах русской литературы разных периодов. В данной главе рассматривается также коммуникативное поведение японцев как составной компонент образа *Японии* в языковом сознании носителей русского языка.

В заключении диссертационного исследования подводятся итоги, формулируются выводы, полученные в результате лингвоималогического анализа образа *Японии* и *японца*, намечаются перспективы дальнейшего исследования проблемы.

Глава 1. Теоретические основы изучения проблем формирования образа *другого этноса* как стереотипа языкового сознания в контексте русской языковой картины мира

§1. Антропоцентризм как ведущий принцип современной науки о языке

Современная лингвистика развивается под знаком антропоцентризма, основывающегося на постулате, что и в центре человеческого мирозерцания, и в центре системы языка стоит человек. С помощью языка человек осознает самого себя и свое место в мире, посредством языка он живет, мыслит, творит. «Сегодня мы уже с трудом представляем себе тот период развития лингвистики, когда язык изучался без учета человеческого фактора, а лингвистика была “бесчеловечной”» [Щеулин, Попова 2002, с. 3].

Первым, кто выдвинул и разработал проект создания лингвистики на антропологических началах, был В. фон Гумбольдт. Как отмечал ученый, язык – это важнейший антропологический фактор: «Человек думает, чувствует и живет только в языке, он должен сначала сформироваться посредством языка <...>» [Гумбольдт 1985, с. 378]. Сегодня Гумбольдт – *personagrate* в языкознании, которое проявляет большой интерес к его идеям, прежде всего тем, которые связаны с антропоцентрической проблематикой.

На всем протяжении XX века антропоцентрический принцип получал у лингвистов, принадлежащих к разным школам и направлениям, различную формулировку. Исходный же тезис лингвистики антропоцентризма был сформулирован французским ученым Э. Бенвенистом: «Невозможно отобразить человека без языка и изобретающего себе язык. В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, необходимо принадлежит самому определению человека. Именно в языке и благодаря языку человек конституируется как субъект» [Бенвенист 1974, с. 293]. Опираясь на идеи

французского ученого, Ю.С. Степанов еще в 70-е годы XX века отнес антропоцентризм к числу главных принципов современной лингвистики: «...Язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться» [Степанов 1974, с. 15].

С конца 80-х – начала 90-х годов прошлого столетия в отечественном языкознании активно исследуются проблемы взаимосвязи языка и человека. В этот период выходят фундаментальные монографические работы, в которых с позиций антропоцентризма решаются конкретные проблемы науки о языке: языка и личности [Караулов 1987; Язык и личность 1989], языка и картины мира [Роль человеческого фактора в языке 1988; Яковлева 1994], языка и мышления [Серебренников 1988], языка и порождения речи [Человеческий фактор в языке... 1991а], языковых механизмов экспрессивности [Человеческий фактор в языке... 1991б], коммуникации, модальности, дейксиса [Человеческий фактор в языке ... 1992; Винокур 1993] и т.д.

Антропоцентризм как особый принцип исследования, по замечанию В.И. Постоваловой, «предполагает рассмотрение предмета лингвистики включения в него таких важных моментов бытия языка, как его участие в процессах человеческого сознания, мышления, культуры» [Постовалова 1988, с. 9]. В рамках антропоцентрической парадигмы лингвисты ведут поиск решений вопросов, связанных с проблемами взаимосвязи человеческого фактора применительно к языку и речи, а также рассматривают влияние языка на формирование особенностей человека как личности, обусловленных языковыми особенностями представителей различных этнических коллективов. В ряде работ особое внимание уделено сущности значения языкового знака в тексте и дискурсе, закономерностям концептуализации нового опыта, отражению мыслительной, языковой и дискурсивной деятельности человека [Антропология... 2012; Вендина 2002; Гринев-Гриневиц и др. 2005]. Использование методов когнитивной

лингвистики в рамках данного подхода позволяет установить связи языка и мышления, выявить их особенности в пределах этнической группы и универсальные составляющие в восприятии окружающей действительности [Кубрякова 1994; Попова, Стернин 2007]. В многочисленных исследованиях освещаются проблемы языковой картины мира; вопросы, связанные со своеобразием национального отображения явлений действительности в том или ином языке, языковой личности представителя определенного этноязыкового и социокультурного коллектива [Вежбицкая 1997; Колесов 2004; Маслова 2004; Караулов 1987; Леонтович 2007].

Одним из важных составляющих в системе терминов современной лингвистики является термин «антропоцентрический подход». В.М. Алпатов в работе «Об антропоцентрическом и системоцентрическом подходах к языку» отмечает, «что именно антропоцентрический подход исторически первичен и заключается в том, что исследователь изучает язык как его носитель и опирается при этом на осмысление и описание своих представлений носителя языка, часто именуемых лингвистической интуицией» [Алпатов 1993, с. 15]. Говоря о системоцентрическом подходе к анализу языка, этот автор указывает на то, что при данном подходе язык, функционирующий независимо от индивида, изучается методами, подобными методам естественных наук: «любое исследование языка глубинно антропоцентрично, надо только отдавать себе отчет, на каких этапах анализа мы основываемся на интуиции, а на каких мы используем строгие методы, поддающиеся проверке» [Алпатов 1993, с. 21]. В рамках антропологического подхода «учитываются одновременно и человеческий фактор в языке, и роль языка в жизни человека, то есть природные и социальные явления, в основе которых лежит связь “язык – человек”» [Омельченко 2012, с. 77].

Обращаясь к высказыванию В.И. Постоваловой, С.Р. Омельченко утверждает, что приведенный В.И. Постоваловой перечень дисциплин, «имеющих отношение к человеку и его языку», таких как лингвосociология,

лингвopsихология, лингвобихевириология и т.д. [см. Постовалова 1988, с. 9], «показывает широкое “функциональное измерение” антропологического подхода, основной принцип которого (“человек является мерой всего того, что есть в языке”) может служить фактором для утверждения его в качестве доминирующей методологии современного языкознания» [Омельченко 2012, с. 81].

Психоллингвистика, социоллингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология, этнопсихоллингвистика, когнитивная лингвистика и другие более частные исследовательские направления определяют конструктивную траекторию развития современной лингвистической науки как лингвистики антропоцентризма, так как на первый план изучения вынесены не столько субстанциональные свойства языковой системы и вербальной коммуникации, сколько те неязыковые области, явления, с которыми язык вступает в непосредственные или опосредованные отношения.

Принципы лингвистики, определяющие идеологию современного языкознания как науки о человеке были выдвинуты и обоснованы Е.С. Кубряковой в середине 90-х годов прошлого века: «Таких установочно-познавательных принципов в лингвистике, а соответственно и главных параметров современной лингвистики, мы можем выделить четыре, это: экспансионизм, антропоцентризм, функционализм, или, скорее, неофункционализм, и, наконец, экспланаторность» [Кубрякова 1994, с. 5]. Понятие экспансионизма как тенденция в развитии современной науки о языке, по мнению исследователя, включает в себе смысл расширения границ науки, возникновение новых «сдвоенных» наук (психоллингвистики, антропололингвистики, социоллингвистики, психосемантики и др.) и даже выходы в смежные и несмежные дисциплины (биология, медицина, нейронаука, теория информации и др.), а также существенное расширение эмпирической базы лингвистики. Экспансионизм тесно связан с такими характеристиками науки о языке, как экспланаторность (стремление найти

каждому языковому явлению разумное объяснение) и антропоцентризмом и функционализмом как стремлениями искать подобные объяснения в роли человеческого фактора в языке и выполнении языком определенных функций [Там же, с. 14].

Антропоцентризм современной лингвистики, по мнению автора, проявляется главным образом в том, что язык рассматривается прежде всего в диаде «язык – человек». С антропоцентризмом связан и еще один важный принцип – это функционализм или неофункционализм. Определяющими ведущие функции языка на современном этапе лингвистических исследований являются, с одной стороны, когнитивное направление, ориентированное на познание ментальной деятельности человека и установление роли языка в процессах получения, обработки, хранения и использования информации, а с другой – коммуникативное, в фокусе которого оказываются проблемы общения с помощью языка и передачи информации в коммуникативных актах, проблемы воздействия языка на человека и т.д. «В недрах этих направлений и рождаются, собственно, объяснения, даваемые тем или иным явлениям языка и базирующиеся на рассмотрении этих явлений с когнитивной или же коммуникативной точек зрения» [Там же, с. 14-15]. Все принципы современной лингвистики тесно связаны между собой, взаимозависимы и определяющей роли человеческого фактора в языке.

Таким образом, в центре современной науки признано господство антропоцентрического подхода. На сегодняшний день проблемы человека освещены в большом количестве исследований гуманитарного цикла по философии, социологии, психологии и др. В языкознании мы также можем констатировать явное преобладание работ, в которых язык рассматривается в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовной и практической деятельностью. В научных изысканиях, выполненных в рамках антропоцентрического подхода, затрагиваются проблемы языковой картины мира и вопросы национального своеобразия языкового отражения

мира, одной из важнейших задач в данной связи становится описание межкультурных отношений, сложившихся образов и стереотипов, их фиксация в языке и отражение в актах коммуникации представителей различных этносов и культур.

§2. Языковая картина мира и категория ментальности как понятия лингвистики антропоцентризма

Понятие языковой картины мира имплицитно может быть отнесено к идеям В. фон Гумбольдта и неогумбольдианцев о внутренней форме языка. Нельзя не учитывать и значительный вклад в теоретическую разработку проблематики, связанной с языковой картиной мира внесенный американской этнолингвистикой, в частности роль и значение гипотезы лингвистической относительности Сепира – Уорфа.

В. фон Гумбольдт в работе «Лаций и Эллада» писал о громадном значении изучения языка как инструмента, раскрывающего национальные особенности, выражаясь языком ученого «душу нации», следующее: «Большая часть обстоятельств, сопровождающих жизнь нации, – места обитания, климат, религия, государственное устройство, нравы и обычаи, – от самой нации могут быть в известной степени отделены, возможно, они могут быть обособлены. И только одно явление совсем иной природы – дыхание, сама душа нации – язык – возникает одновременно с ней. <...> Всякое изучение национального своеобразия, не использующее язык как вспомогательное средство, было бы напрасным, поскольку только в языке запечатлен весь национальный характер, а также в нем как в средстве общения данного народа исчезают индивидуальности с тем, чтобы появилось всеобщее» [Гумбольдт 1984, с. 303]. По В. фон Гумбольдту, «язык – орган, образующий мысль, следовательно, в становлении человеческой личности, в образовании у нее системы понятий, в присвоении ей накопленного поколениями опыта языку принадлежит ведущая роль» [Гумбольдт 1985,

с. 78]. Все языки мира содержат в своей языковой системе определенный комплекс понятий и ценностей, особенности и несходство которых определяется своеобразием духовного облика народа. По мысли ученого, «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия» [Гумбольдт 1985, с. 324].

Русский ученый А.А. Потебня, являясь сторонником и продолжателем идей В. фон Гумбольдта, высказывал сходные мысли: «Язык можно сравнить со зрением. Подобно тому, как малейшее изменение в устройстве глаза и деятельности зрительных нервов неизбежно дает другие восприятия и этим влияет на все мирозерцание человека, так каждая мелочь в устройстве языка должна давать без нашего ведома свои особые комбинации элементов мысли. Влияние всякой мелочи языка на мысль в своем роде единственно и ничем незаменимо» [Потебня 1993, с. 73]. Эти мысли разделял и великий русский педагог К.Д. Ушинский: «Язык народа – лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни, начинающейся далеко за границами истории. В языке одухотворяется весь народ и вся его родина; в нем претворяется творческой силой народного духа в мысль, в картину и звук небо отчизны, ее воздух, ее физические явления, ее климат, ее поля, горы и долины, ее леса и реки, ее бури и грозы – весь тот глубокий, полный мысли и чувства голос родной природы, который говорит так громко о любви человека к его иногда суровой родине, который высказывается так ясно в родной песне и родных напевах, в устах народных поэтов. Но в светлых, прозрачных глубинах народного языка отражается не одна природа родной страны, но и вся история духовной жизни народа... Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое живое целое. Он не только выражает собою жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь. Когда исчезает народный язык – народа нет более!» [Ушинский 1999, с. 14].

Большую роль в развитии понятия «языковая картина мира» внесли неогумбольтианцы. Среди них особое место занимает Л. Вайсгербер. Ученый ввел понятие «языковая картина мира» в лингвистическую терминосистему.

ЯКМ, по Л. Вайсгерберу, – это система, которая включает в себя как духовное содержание, определяющее своеобразие культуры и менталитета данной языковой общности, так и языковое содержание, обуславливающее существование и функционирование самого языка; ЯКМ формируется вследствие исторического развития этноса и языка и одновременно является катализатором выделения этнического своеобразия дальнейшего пути ее развития; ЯКМ определяет суммарное коммуникативное поведение и языковую систему; ЯКМ не статична, в ней средствами языка запечатлены особое этническое мировоззрение, правила поведения и образ жизни; ЯКМ есть общекультурное достояние ее языковой общности [см. Вайсгербер 2004].

Значительный вклад в разработку понятия «языковая картина мира» был внесен американскими учеными Э. Сепиром и Б. Уорфом, утверждавшими, что «представление о том, что человек ориентируется во внешнем мире, по существу, без помощи языка и что язык является всего лишь случайным средством решения специфических задач мышления и коммуникации, – это всего лишь иллюзия. В действительности «реальный мир» в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы» [Сепир 1993, с. 123]. Своими исследованиями ученые заложили основы для теории лингвистической относительности, которая послужила стремительному развитию лингвистики и определила ее основные направления исследований на современном этапе.

На сегодняшний день ЯКМ мыслится как важнейшая категория лингвокультурологии и смежных с ней дисциплин. Язык рассматривается как факт культуры, составная часть культуры, которую мы наследуем, и

одновременно ее орудие. «Культура народа вербализуется в языке, именно язык аккумулирует ключевые концепты культуры, транслируя их в знаковом воплощении – словах [Сукаленко 1992, с. 164]. В ЯКМ находит отображение «субъективный образ объективного мира, она несет в себе черты человеческого способа миропостижения» [Там же]. В.А. Маслова в этой связи высказывает следующие мысли: «Языковая картина мира – это общекультурное достояние нации, она структурирована, многоуровневая. Именно языковая картина мира обуславливает коммуникативное поведение, понимание внешнего мира и внутреннего мира человека. Она отражает способ речемыслительной деятельности, характерной для той или иной эпохи, с ее духовными, культурными и национальными ценностями» [Маслова 2004, с. 68].

О.А. Корнилов формирование категории «языковая картина мира» связывает с императивами, культурологическим, лингвистическим и лингво-философским [Корнилов 2011].

Суть культурологического императива заключается в том, что язык представляет собой важную и неотъемлемую составляющую народной культуры. Именно в нем запечатлено этническое мирозерцание, поэтому мы, по словам ученого, «проникаем в образ мышления нации, в ее способ видения мира, понимаем особенности менталитета носителей данной культуры и данного языка, только познав план содержания языка...» [Там же, с. 78]. Через анализ семантики языковых единиц возможно овладеть языковой картиной мира национального языка как системой видения мира его носителей.

Вторым лингвистическим императивом, составившим базис для возникновения рассматриваемого термина, является тезис, в основе которого заложена мысль о том, что «каждый язык имеет уникальное единое и непрерывное семантическое пространство» [Там же, с. 93], оно составляет основу неповторимости и исключительности любого языка: систему образности, концепты.

Лингво-философский императив имеет своим обоснованием попытку «материализовать культурно-философскую ипостась языка и представить его не как знаковую систему и орудие общения и познания, но как “дом духа” народа, в котором запечатлены и национальный характер, и национальное мировоззрение в широком понимании этого слова, и конкретные факты истории и культуры народа» [Там же, с. 139].

О.Н. Чарыкова, рассматривая понятие ЯКМ, особое внимание уделяет лингвистическим средствам, с помощью которых создается ЯКМ. Наиболее важными из этих средств, по нашему мнению, являются следующие:

– номинативные средства языка – это прежде всего лексемы и фразеологизмы, обеспечивающие специфическое отражение национальной действительности;

– грамматические средства языка;

– функциональные средства языка;

– образные средства;

– фоносемантика языка;

– дискурсивные средства языка [Чарыкова 2000, с. 10].

В вопросе рассмотрения закономерности отображения реальности в ЯКМ следует отличать научный и наивный взгляд на объекты действительности. По мысли Ю.Д. Апресяна, наивная языковая картина мира соотносится с научной языковой картиной мира, исходя из следующего принципа: ЯКМ «представляет отраженные в естественном языке способы восприятия и концептуализации мира, когда основные концепты языка складываются в единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка.<...> Языковая картина мира является «наивной» в том смысле, что во многих существенных отношениях она отличается от «научной» картины. При этом отраженные в языке наивные представления отнюдь не примитивны: во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Таковы, например, представления о внутреннем мире человека,

которые отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир» [Апресян 1995, с. 41]. Научная картина мира, существующая в любой культуре, характеризуется набором взаимосвязанных универсальных понятий, к которым относятся такие, как время, пространство, измерение, число, отношение частей к целому. Эти категории образуют общую систему миропредставления.

В силу того, что у разных народов формируются свои, отличные, культурные и иные факторы, оказывающие влияние на целостное этническое восприятие действительности, целесообразно говорить о национальной языковой картине мира: «В отличие от универсальных принципов мировидения любого человека, национальная специфика существует как особый способ восприятия и представления мира реальной действительности. Она обусловлена национально-этническим своеобразием культур, регионов, социально-культурных общностей и отражается в системе основных существующих в этносе представлений, в особых стереотипах мышления, в наличии национально-специфичных понятий, в специфичных формах отображения действительности – эмоциональных, эстетических, чувственных, в национальной специфике семантики» [Анохина 2002, с. 19-20].

В картинах мира разных этносов членение одного и того же фрагмента внеязыковой реальности может строиться на разных основаниях, являясь носителем определенного языка с обращенной на него в этой связи системой культурно-ценностного содержания ЯКМ, человек, можно сказать, «вписывает» себя в рамки национальной культуры. А.Д. Шмелев пишет, что «с одной стороны, в языке находят отражение те черты внеязыковой действительности, которые представляются релевантными для представителей культуры, пользующейся этим языком, с другой стороны, овладевая языком и, в частности, значениями слов, человек начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком, и сживается с

концептуализацией мира, характерной для соответствующей культуры» [Шмелев 2002, с. 12].

С языковой картиной мира сопряжена ментальная структура общества, и, как следствие данного факта, нам следует углубиться в толкование такого понятия, как *ментальность*. Ряд авторов понимает «ментальность как психофизическую силу, почти брутально расположенную в социальном организме народа» [Колесов 1999, с. 80]. Существует понимание менталитета как «специфического способа восприятия и понимания действительности, порождаемого совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для конкретной личности, социальной страты или этнической группы людей» [Прохоров, Стернин 2002, с. 91], предложенное в книге «Русские: коммуникативное поведение» Ю.А. Прохорова, И.А. Стернина. При этом И.А. Стернин предлагает разграничивать такие понятия, как «национальный характер» и «национальный менталитет». Под национальным характером он предлагает понимать «совокупность эмоционально-психических качеств нации, определяющих поведение ее членов в стандартных ситуациях» [Стернин 2001, с. 161]. В.Д. Грищенко приходит к выводу о том, что национальный менталитет является базой для формирования национального характера: «национальный характер обнаруживается в том, что люди одной национально-культурной общности имеют тенденцию вести себя в сходных ситуациях сходным образом, а менталитет заставляет людей думать сходным образом» [Грищенко 2012, с. 46].

В.В. Колесовым в работе «Жизнь происходит от слова...» наиболее точно, на наш взгляд, было дано определение рассматриваемого понятия: «ментальность есть мирозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющие в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [Колесов 1999, с. 80]. Исследователь утверждает, что язык воплощает и национальный характер, и национальную идею, и национальные идеалы, которые в

значительном их виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры. Эту точку зрения разделяет В.А. Маслова: по ее мнению, «язык – единственное средство, способное помочь нам проникнуть в скрытую от нас сферу ментальности, ибо он определяет способ членения мира в той или иной культуре. Он рассказывает нам о человеке такие вещи, о которых сам человек и не догадывается» [Маслова 2001, с. 114]. Об этом же говорит В.М. Шаклеин: «Одна из наиболее актуальных тем в мировой и отечественной лингвистике – проблема отношения к языку как к системе, моделирующей мир в сознании отдельного человека, этноса, субэтноса и составляющих его социальных групп» [Шаклеин 2000, с. 73].

Говоря о ЯКМ, нельзя не отметить и тот факт, что это понятие всецело отражает антропоцентричность современных лингвистических исследований, таким образом, является одним из центральных понятий антропоцентрической парадигмы. ЯКМ, по мнению Н.Ю. Шведовой, – «это выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, в своем строении и осмысляемых языком связях представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность, и, во-вторых, все то, что его окружает, среду и условия его существования: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум. Такая картина мира предстает как развернутое полотно с изображенной на нем вершиной и с обращенными к ней участками, компоненты которых располагаются по принципу ступенчатого сужения. В вершине этого изображения стоит человек, к этой вершине обращены две главенствующие ветки “сам человек, его жизнедеятельность и ее плоды” и “его окружение, сфера его существования”; именно такое первичное членение соответствует восприятию человеком самого себя и того, что существует вокруг него и для него. В первой ветви это само бытие человека, его тело и его дух, его виды (существующие генетически или образованные в процессе его жизни), его

действия и поступки, разнообразные плоды и результаты его трудов и занятий, его человеческое окружение и контакты; во второй ветви это пространство и время, живая и неживая природа, мир созданных человеком мифов и социум – общество, созданное человеком, его окружающее и регулирующее его социальное поведение. Каждый из названных участков далее членится на множество фрагментов, предсказанных строением соответствующей лексической ветви» [Шведова 1999, с. 15].

В настоящее время ЯКМ изучается в связи с широким кругом поставленных лингвистикой задач. Прежде всего ведутся исследования в направлении отдельных характерных для данного языка концептов, лингвокультурных изоглос. Ю.Д. Апресян отмечает: «Это прежде всего “стереотипы” языкового и более широкого культурного сознания; ср. типично русские концепты *душа, тоска, судьба, задушевность, удаль, воля(вольная), поле(чистое), даль, авось*. <...> специфические коннотации неспецифичных концептов; ср., например, многократно описанную символику цветообозначений в разных культурах. <...> Развивая метафору лингвистической географии, можно было бы сказать, что исследуются не отдельные изоглоссы или пучки изоглосс, а диалект в целом. Хотя национальная специфика и здесь учитывается со всей возможной полнотой, акцент ставится именно на цельной языковой картине мира» [Апресян 1995, с. 41]. Помимо этого, изучение ЯКМ в качестве основной категории лингвокультурологии охватывает спектр таких направлений, как: 1) исследование лингвокультурологических особенностей русской грамматики [Попова 2013; Токарев 2008]; 2) исследование национально-культурной специфики речевого этикета и коммуникативного поведения народа [Стернин 2000; 2008, с. 104-153; Прохоров, Стернин 2002; Балакай 2000; Веревкина 2009]; 3) изучение того, как отражается национальная ментальность, присущий народу взгляд на мир в идиостиле того или иного писателя-классика [Арутюнова 1996; Караулов 2014; Бокова 2015] и др. Важным аспектом рассмотрения является изучение этностереотипов как

константно-закрепленных речевых представлений о представителях других культур и наций, в контексте русской ЯКМ.

§3. Этностереотип как фрагмент языковой картины мира

У каждого народа есть свое собственное видение мира, каждый народ по-особому концептуализирует явления окружающей действительности; в соответствии с определенными своей этнокультурой нормами воспринимает представителей других культур.

Человек живет в мире общественных норм, зафиксированных в виде устойчивых с семантической или формальной точки зрения языковых конструкций, каковыми являются стереотипы. Стереотипы усваиваются еще в детстве. Принадлежность к конкретной культуре определяется именно наличием базового стереотипного ядра знаний, повторяющегося в процессе социализации личности в конкретном обществе. Говоря о стереотипах, необходимо учитывать то, что это не только ментальный образ, но и его вербальное воплощение, стереотипы находят выражение в языке, в его лексике, в паремиологическом фонде.

Стереотипизация не ограничивается людьми, этническими, региональными, профессиональными группами, она охватывает также разнородные социальные ситуации, положения, типы поведения, элементы ближайшего окружения человека, то есть все то, что человек познает и осваивает для своих целей, создавая себе определенную картину мира и сценарий своего существования в нем. Эта картина мира выводится из семантики слов.

Стереотипы, существующие в сознании, фиксируются в языке, таким образом вместе с тем они могут быть собственно языковыми. Е. Бартминьский пишет: «С точки зрения лингвистики, стереотипы можно исследовать и описывать как устойчивые, а не возникающие случайно сообщения, которые закрепляются в коллективной памяти на уровне

конкретики, соответствующей лексемам» [Бартминьский 2009, с. 13]. Часто лингвисты в своих исследованиях ставят знак равенства между понятиями «стереотип» и «языковой стереотип», имея в виду, что объектом исследования в этих работах является язык как средство человеческого общения.

В современной филологической традиции языковой стереотип мыслится составной частью языковой картины мира. Г.И. Исина отмечает: «Вторжение стереотипов в языковую среду часто приобретает самые неожиданные формы, затрудняющие восприятие информации представителями различных этнических обществ. И причина этого – национальное мышление, национальная стереотипность сознания, нашли свое воплощение в лексической системе языка» [Исина 2008, с. 6].

Научная проработка понятия «стереотип» берет свое начало от работ американского психолога У. Липмана. Сразу после того, как У. Липман ввел термин «стереотип» в 1922 году в научное обращение [Липман 2004], в западной (прежде всего в американской) социальной психологии начался «бум», связанный с эмпирическим изучением явления социальной стереотипизации. Это вполне объяснимо с исторической точки зрения: XX век ознаменовался вовлечением в общественные процессы все более широких масс, что поставило на повестку дня углубленный анализ процессов и явлений массового сознания. В изучении социальных стереотипов буржуазные идеологи увидели возможность понять процессы, происходящие в сознании «человека с улицы» [Сукаленко 1992, с. 162], и манипулировать этими процессами.

Обратимся к определению стереотипа. Слово «стереотип» происходит от двух греческих слов «stereos» – твердый, «typos» – отпечаток. «Стереотип – механизм формирования поведенческих штампов, шаблонов, стереотипов. В социальной «адаптации индивида сфера стереотипа поведенческой регуляции имеет не менее существенное значение, чем сознательное поведение» [Еникеев 1982, с. 27-28].

«Совокупность ментальных стереотипов этноса известна каждому его представителю, а использование конкретного как раз и связано с условиями контакта с объектом или явлением, которые реализуются через данный стереотип, причем поиск этого места может производиться как путем соотнесения со своим, уже означенным, так и “от противного”» [Леонтьев 1962, с. 114-127].

Стереотипы формируются в любой области человеческого знания. «С помощью стереотипов накапливаемая информация представляется не просто как сумма полезных знаний, но как определенным образом организованный опыт, который благодаря своей структурированности может быть передан следующим поколениям» [Садохин, Грушевицкая 2000, с. 193-194]. Стереотип – это весомый элемент языковой системы, он играет важную роль в процессе культурного кодирования.

Анализ языковых данных позволяет реконструировать устойчивые представления людей (стереотипы) и установить, как человек интерпретирует действительность [Бартминьский 2005, с. 171]. Стереотипизация охватывает всю картину мира. Е. Бартминьский соотносит ментальный (мыслительный) стереотип с наивной картиной мира, а языковой стереотип – с языковой картиной мира. Языковой стереотип в работах ученого понимается исходя из связи данного феномена с языковой картиной мира: это «суждение или несколько суждений, относящихся к определению внеязыкового мира, субъективно детерминированное представление предмета, в котором сосуществуют описательные и оценочные признаки и которое является результатом истолкования действительности в рамках социально выработанных познавательных моделей» [Там же, с. 168].

Стереотипы, их происхождение и функционирование, всегда связаны с языковой деятельностью, они вербальны, поскольку всегда выступают как содержание некоторого слова или выражения. Стереотипы получают языковое выражение в виде слов, словосочетаний, фразеологически или

синтаксически обусловленных конструкций. Для лингвистического изучения стереотипа особенно важными представляются такие аспекты, как стереотип и его языковой знак, стереотип и значение слова (стереотип и когнитивная семантика), когнитивная структура стереотипа, способы концептуализации языковой действительности. Стереотип понимается также как «субъективно детерминированное представление предмета, в котором сосуществуют описательные и оценочные признаки и которое является результатом истолкования действительности в рамках социально выработанных познавательных моделей» [Белова 2006, с. 6]. Более широкое определение языкового стереотипа дает В.А. Маслова: «...любое устойчивое выражение, состоящее из нескольких слов, например, устойчивое сравнение, клише и так далее: лицо кавказской национальности, седой как лунь, новый русский» [Маслова 2001, с. 109].

К другим характеристикам стереотипа относится их неэластичность, т.е. сопротивляемость изменениям и их повторяемость на протяжении длительного времени, иногда нескольких поколений.

Несомненно, владение стереотипными компонентами облегчает и упрощает общение в рамках одной лингвокультуры, экономит силы коммуникантов. Сложность возникает при взаимодействии носителей разных языков, то есть представителей различных культур, если они не знакомы со стереотипами, бытующими в другой культуре, которые находят непременно выражение в языке.

По мнению Л.П. Крысина, «в настоящее время выделяются различные виды стереотипов: социальные, этнические (этнокультурные), языковые, ментальные, стереотипы общения, возраста, гендерные стереотипы и другие» [Крысин 2005, с. 450]. «В каждом обществе возникают этнические стереотипные представления – как относительно самих себя, относительно поведения и традиций в пределах своего культурного пространства (автостереотипы), так и относительно представителей другого языкового и

культурного пространства (гетеростереотипы)» [Трусов, Филлипов 1984, с. 64].

В современной этнографии, культурологии и социальной психологии тема этностереотипов весьма популярна, в лингвистике же описанию этностереотипов посвящено весьма незначительное количество работ, хотя, по нашему мнению, эта проблематика актуализируется в последнее время все больше и больше в виду мировых процессов глобализации и расширения контактов между народами. Л.П. Крысин справедливо отмечает, что в процессе лингвистического описания этностереотипов, важно понимание того, «какие сферы жизни того или иного народа, личностные свойства людей, составляющих его, их интеллектуальные, психические, антропологические особенности становятся объектами оценки. Очевидно, что это разного рода отличия, то, что «не похоже», что выделяет данную национальную культуру среди других. Повторяемость отрицательных или положительных оценок, их массовость (среди представителей данного этноса) и устойчивость во времени – условия формирования этностереотипов. Объектами оценки, в частности, могут быть национальные традиции и обычаи, модели повседневного поведения, черты национального характера, особенности анатомии, физических движений, походки, речи и др.» [Крысин 2005, с. 450]. Так, ученый проводит анализ существующего в русском языковом сознании стереотипного представления о грузинах, пишет: «Это человек заметный, шумный, пестро, часто безвкусно, но всегда “богато” одетый. Больше всего на свете грузин озабочен тем, что у него чего-то нет, он очень любит прихвастнуть, показать свое реальное или мнимое богатство... Грузины в русских анекдотах – люди гостеприимные, любящие компанию, застолье, тосты; щедрые, иногда слишком щедрые... Грузины преувеличенно мужественны, но при этом отношение к женщине у них «восточное», как к низшему существу...» [Крысин 2005, с. 452].

Л.П. Крысин обращает внимание и на те языковые средства, с помощью которых обозначают языковые стереотипы. Это могут быть

фразеологизмы *уйти по-английски*; оценочные слова *чурка* – о жителе Средней Азии, *жид*; атрибутивные словосочетания, где определение – прилагательное, образованное от этнонима, а определяемое – имя какого-либо свойства человека *английская чопорность, немецкая аккуратность, русский размах, немецкая аккуратность*; сравнительные обороты *точен, как немец*; пословицы, поговорки и крылатые выражения, включающие этнонимы.

Для языкового выражения этностереотипов характерны обобщение и гиперболизация тех или иных свойств представителей других наций. Встречаются и приемы переносного употребления некоторых этнонимов или слов, обозначающих представителей какой-либо расы (*Нашел себе негра: ишачь на него, а он будет деньги огребать!*). В основе переносных употреблений лежат, как правило, определенные представления о менталитете и культурных традициях тех или иных народов (*африканские страсти, китайские церемонии* и др.).

Следует обратить внимание и на речевое поведение. Этнические особенности речевого поведения целесообразно включать в лингвистический анализ этностереотипов. *Стереотип речевого поведения*, как составляющий элемент этностереотипа представляет собою «социокультурную маркированную единицу ментально-лингвального комплекса представителя определенной этнокультуры, реализуемую в речевом общении в виде нормативной локальной ассоциации к стандартной для данной культуры ситуации общения» [Прохоров 1996, с. 21] Стереотипизация речевого поведения (общения) подразумевает восприятие и оценку как *своего*, так и *другого* поведения – как представителя своей этнической группы, так и другой, т.е. поведения представителей другого этноса.

Необходимость изучения этностереотипов в лингвистике, как и в других смежных отраслях знания, обусловлена потребностью получения данных об этнических особенностях разных народов с целью выработки

конкретных рекомендаций по смягчению самых напряженных национальных противоречий.

Таким образом, мы можем говорить о связи этнических стереотипов с языковой картиной мира. ЯКМ – это мир, увиденный сквозь призму языка, область широко понимаемой семантики, которая, наряду с категориальными признаками значения учитывает также признаки, относящиеся традиционно к сфере коннотации. Языковая картина мира, социальная по своей природе, в актах культурной коммуникации приспособливается к потребностям человека, подвергается определенной модификации, в зависимости от его точки зрения. Эта картина вмещает в себя то, что социально закрепились в форме стереотипов.

§4. Лингвистическая имагология в свете новых научных тенденций изучения стереотипных этнических особенностей восприятия чужих народов и культур

Еще с давних времен человека удивляло все непривычное, незнакомое и пробуждало к познанию и оценке всякой «чужой», «другой» культуры. Вопрос о путях возникновения стереотипов и образов «другой» нации, этноса, культуры и его представителях – «чужестранцах», о путях их трансформации и развития в массовом сознании является очень актуальным и в наше время. «Известно, что одним из фундаментальных семиотических принципов с глубокой древности является членение универсума на два мира – “свой” и “чужой”, противопоставление которых имеет множественную интерпретацию и реализуется в оппозициях типа “мы – они”, “этот – тот”, “здесь – там”, “близкое – далекое” и мн. др. Типичной является также интерпретация основного (базового) противопоставления в аксиологическом, ценностном плане – в виде оппозиции “хороший – плохой”, – с резко отрицательной оценкой всего того, что принадлежит “чужому миру”» [Пеньковский 2004, с. 13].

На основе наблюдений о том, что вышеуказанный семиотический принцип характерен для восприятия человеком окружающей действительности и находит свое отражение в сказках, былинах, литературном творчестве и искусстве, А.Б. Пеньковский выдвигает предположения об отражении его в языке – в его системе, категориях и механизмах. Исследователем была разработана гипотеза о существовании «семантической категории чуждости» (“отчуждения”, “алиенации”), которая сопрягается с категорией отрицательной оценки (“чужое – плохое”) и имеет специальные средства языкового выражения, на разных его уровнях и структуре языка» [Там же].

Определяя концепт «свой – чужой» Ю.С. Степанов пишет, что это «противопоставление, которое в различных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения, в том числе, конечно, и русского <...> Принцип “свои-чужие” разделяет семьи – нас и наших соседей, роды и кланы более архаичных обществ, религиозные секты. И уже вполне концептуально отличает “свой народ” от “не своего”, “другого”, “чужого”» [Степанов 1997, с. 472]. А.В. Зеленин, рассуждая на эту тему, подчеркивает: «“Свое”, родное (например, русское, российское) служит отправной точкой в восприятии и оценке всякого “другого”, “чужого”. Эта универсальная оппозиция как бы пересекается с другой оценочной характеристикой “плохое-хорошее”, представляющей своеобразный психологический способ адаптации *образа другого* в массовом сознании и – как результата – его принятия или отторжения» [Зеленин 2013, с. 65].

В этой связи обратимся к совершенно новой отрасли лингвистического знания, в основу которой положена категориальная модель, представляющая собою фрагмент образа мира в сознании определенной лингвокультурной общности – бинарная оппозиция «свой – чужой», *лингвистической имагологии*.

Понятие «имагология» является новым направлением филологических исследований. *Имагология* (от лат. *imago* – изображение, образ, отражение) – дисциплина, изучающая образы «других», «чужих» наций, стран, культур, инородных для воспринимающего субъекта, закрепленных в языке художественной литературы, драматургии, поэзии, эссеистике, путевых заметках и т.п., отражающих коллективные (в форме мифов, стереотипов), групповые или индивидуальные представления.

«Образ «чужого» изучается в лингвистической имагологии как *стереотип национального сознания*, т.е. как устойчивое, эмоционально-насыщенное, обобщенно-образное представление о «чужом», сформировавшееся в конкретной социально-исторической среде и закрепленном в словесном творчестве, изобразительном искусстве, в СМИ, в Интернете и т.п. Имагология не только раскрывает образ «чужого», но также, в связи с процессами рецепции и оценки, характеризует и сам воспринимающий субъект, т.е. отражает национальное самосознание и собственную систему ценностей» [Там же, с. 64].

Лингвоимагология исследует имаготипические структуры, т.е. те ментальные модели, которые служат основой национальной идентичности и самоидентификации той или иной нации, их объективирование в языке то, что находится на подсознательном уровне каждого носителя того или иного языка – *стереотипы, имиджи, образы*. По мнению В.Б. Земского, следует разграничивать понятия *стереотип, имидж и образ*.

«*Стереотип* – одно из наиболее важных средств в формировании образа “другого”, наиболее древний способ имагологического культуротворчества. Стереотипы, действующие сегодня в культурах древнего происхождения в отношении других/чужих, восходят к ранним периодам формирования этносов, этнического сознания и, более того, невидимыми путями – к архаическим формам «культурного различия», таким, как *мы/они, свой/чужой*, то есть к родоплеменным уровням, когда основой восприятия другого/чужого были незнание, непонимание, страх,

вражда. Древняя основа и поныне живущих в сознании различных культур этнических стереотипов подтверждается эпическим фольклором, который является хранилищем форм восприятия и оценок различных и уже исчезнувших, и ныне существующих народов. Это очевидно из анализа таких, например, стереотипических связок, как “русский медведь” или «немецкий волк» – они явно имеют тотемную привязку» [Земсков 2006, электронный ресурс].

В лингвистической имагологии существует и такой специфический имагологический инструмент, как «имидж». Имидж выполняет «функцию создания политпропагандистского стереотипа, специально вырабатываемого в целях идеологической, геополитической борьбы на международной арене» [Там же]. В исторической ретроспективе стереотипы-имиджи можно рассматривать как отдельную структуру с периода нового времени, когда начинается конкурентная борьба за колонии (Испания создает «розовую легенду» о своей роли в Новом Свете в ответ на «черную легенду», пропагандировавшуюся Англией), но по-настоящему пропагандистские компании разворачиваются со второй половины XIX века, когда имиджмейкеры, полит-технологи, устраивающие пиар-акции, становятся важнейшими фигурами борьбы на международной арене. С развитием виртуальных технологий, Интернета, телевидения пиаракции становятся все более совершенными, а имиджы-стереотипы являются мощнейшим орудием политических противостояний в борьбе за мировое лидерство между государствами. «Вырабатываются специальные методы суггестии (внушения), зомбирования массового сознания. Имиджи могут опираться на стереотипы “классические”, трансформировать их в современных целях, могут создаваться заново (например, блуждающие стереотипы современных пропагандистских компаний “империя зла”, “страна-изгой” и т.д.)» [Там же].

Такая имаготипическая структура, как образ, в данном разделе диссертации будет рассмотрен как категория поэтологическая, т.е. в нашем внимании будут находиться те образы, которые создаются литературой,

искусством слова. В отличие от стереотипа образ неоднозначен, он может быть многозначным и многомерным. «Это мир многоаспектный, целостный, но одновременно дифференцированный, в отличие от неразложимых стереотипов. Есть особая категория так называемых «вечных образов» (Дон Кихот, Фауст и др.), которые становятся образами-стереотипами, характеризующими страну, ее культуру» [Там же]. Культура играет очень существенную роль в рецепции страны, народа, создавая другой ряд характеристик. Русская культура XIX – первой половины XX вв. стала своеобразным маркером в восприятии России за рубежом. Имена того периода: Пушкин, Достоевский и Толстой, Чехов и Шаляпин, Стравинский, Дягилев, Малевич – стали символами таланта русских поэтов и художников, мыслителей и просветителей, в совокупности символизируя богатейшую русскую культуру.

Лингвоимагология, формирующаяся в наши дни, тесно связана с такими науками, как лингвокультурология, этнолингвистика, этносемиотика, культурная семантика, лингвоаксиология и т.д. Все они относятся к кругу антропоцентрических в современной лингвистике.

В исследовании межкультурного взаимодействия особое место занимает история знаковых для этой темы концептов, а также их современная интерпретация и деконструкция. Важную роль для выстраивания любой этнической лингвокультурной модели мира играет оппозиционность лингвокультурной пары *свой – чужой*.

Таким образом, лингвистическая имагология представляет собой новое лингвистическое направление, предметом изучения которой является «образ другого народа как стереотипа национального сознания, т.е. как устойчивое, эмоционально-насыщенное, обобщенно-образное представление о «чужом», сформировавшееся и оформившееся в лингвокультурном сознании носителей русского языка и отраженное в словесном творчестве, в СМИ, в Интернете и т.п. Данный подход не только раскрывает образ “чужого”, но также, в связи с процессами рецепции и оценки, характеризует и сам

воспринимающий субъект, т.е. отражает национальное самосознание и собственную систему ценностей объективированную в языке» [Зеленин 2013, с. 65].

Выводы по первой главе

1. Антропологическая лингвистика третьего тысячелетия рассматривает язык как воплощение ментально-ценностного континуума этноса, его практической и духовной жизнедеятельности, культуры и мировоззрения. В рамках антропоцентрического подхода изучается взаимовлияние и взаимосвязь человека и языка.

2. Одно из центральных понятий лингвокультурологии – языковая картина мира – фиксирует все многообразие этнических особенностей восприятия окружающей действительности, ментальных структур и стереотипы национального сознания в значениях языковых единиц. Национальные стереотипы всегда связаны с языковой деятельностью, они вербальны, поскольку всегда выступают как содержание некоторого слова или выражения.

3. Языковая картина мира, социальная по своей природе, в актах культурной коммуникации приспособливается к потребностям человека, подвергается определенной модификации, в зависимости от его точки зрения, с одной стороны. С другой же стороны, являясь носителем определенного языка с обращенной на него в этой связи системой культурно-ценностного содержания языковой картины мира, человек «вписывает» себя в рамки своей национальной культуры.

4. Важную роль для выстраивания любой этнической лингвокультурной модели мира играет оппозиционность лингвокультурной пары *свой – чужой*. Бинарная оппозиция «свой – чужой» представляет собою фрагмент образа мира в сознании определенной лингвокультурной общности и является предметом анализа лингвистической имагологии.

5. Образ «другого» в лингвистической имагологии изучается как обобщенно-образное представление о «чужом», сформировавшееся и оформившееся в лингвокультурном сознании носителей русского языка как *стереотип национального сознания*, или *этностереотип*. Этностереотип представляет собою один из разновидностей стереотипов сознания и выявляет связь непосредственно с языковой картиной мира, т.е. отражает национальное самосознание и собственную систему ценностей.

Глава 2. Образ Японии в языковом сознании носителей русского языка

§1. Японизмы как один из аспектов репрезентации образа Японии в русской языковой картине мира

Материалом для нашего исследования стали заимствования из японского языка (японизмы). Японизмы в русском языке зачастую используются в речи носителей как экзотизмы, которые выступают в качестве номинаций предметов и явлений из жизни другого этноса, в данном случае обозначают предметы и явления жизни Японии. Заимствования из японского языка встречаются в текстах художественных и публицистических произведений, авторы которых прибегают к их использованию для создания колорита в описаниях, связанных с японской культурой и традициями, а также в текстах специализированных изданий, как правило, посвященных японскому спорту и японской кухне.

Термин *экзотизмы* (*экзотическая лексика*) окончательно утверждается в лингвистике в связи с появлением в конце 50-х годов XX в. статьи А.Е. Супруна «Экзотическая лексика» [Супрун 1958, с. 51-54], который считает закономерным и необходимым появлением в любом языке слов, служащих для описания жизни других народов.

Словарь заимствующего языка пополняется словами, необходимыми для восприятия его носителями особенностей чужой жизни и культуры. Термин «экзотизмы» признается более удобным по сравнению с описательными конструкциями в силу того, что он короче и может быть истолкован как слово, которое является а) чуждым, необычным для данной местности; б) причудливым, характеризующимся своей странностью. Оба толкования одинаково справедливы применительно к любому экзотизму.

В лингвистических исследованиях иноязычной лексики до сих пор не сложилось строгого разделения соответствующих понятий. По

существующему мнению, «заимствование – это элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т.п.), перенесенный из одного языка в другой, а также сам процесс перехода элементов из одного языка в другой» [Добродомов 1998, с. 158]. В более узком понимании к заимствованиям относятся основные типы иноязычных слов: экзотизмы, варваризмы, иноязычные вкрапления и др.

Мы остановимся в своем исследовании на экзотизмах. Данный термин, по мнению, С.А. Беляевой, «характеризует лексику с точки зрения предметно-понятийной и стилистической соотнесенности, употребляется для создания «иностранный колорита» и может быть давним формально освоенным заимствованием» [Беляева 1979, с. 34, 11].

Если говорить о японских заимствованиях в связи с их ролью в процессе реконструкции образа Японии в русской языковой картине мира как стереотипа национального сознания, то наиболее весомыми сведениями для заключений и выводов по данному вопросу будут являться для нас не столько прямое значение лексических единиц и процесс их ассимиляции в русском языке, сколько процесс развития у них дополнительных значений в языке-реципиенте и их употребление в сопряжении с детерминирующими эти процессы факторами экстралингвистического характера, а также те семантико-тематические группы и их количественный состав, которые они образуют в русском языке.

Количественный состав японских заимствований в русском языке не велик. В последние годы наблюдается тенденция к пополнению корпуса японских заимствований в лексической системе русского языка, расширились и сферы их использования, они охватывают не только искусство, культуру, спорт, как прежде, но и быт, кулинарию, бизнес и экономику.

Мы, прежде всего, исследовали японизмы, отраженные в «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина [Крысин 1998]. Выбор данного словаря объясняется тем, что он охватывает достаточно большое количество

японских заимствований, толкование значений которых сопровождается этимологическими сведениями. В русском языке заимствования из японского языка являются одними из самых незначительных по своему количеству по сравнению с заимствованиями из других языков (английского и его американского варианта, немецкого, французского, греческого, латинского, итальянского, тюркских и др.). В результате сплошной выборки мы обнаружили в указанном словаре двадцать три языковые единицы, заимствованные из японского языка: *банзай, бонсай, гейша, го, дзайбацу, дзюдо, иваси, иена, икебана, кабуки, кавасаки, камикадзе, карате, кимоно, микадо, ниндзя, нунчаки, сакура, самурай, синтоизм, сямисэн, татами, харакири*. Для сопоставления также нами привлекались данные ряда других лингвистических словарей (иностранных слов, толковых словарей, словарей неологизмов и др.) [Комлев 1999; Словарь русского языка 1999; Лопатин 2000; Ефремова 2000; Новые слова и значения 2009–2014]. Общее количество проанализированных японизмов составляет тридцать восемь единиц.

Иноязычная лексика, заимствованная из японского языка, с точки зрения семантики была распределена нами на следующие лексико-семантические группы (ЛСГ): **«боевые искусства», «культура и искусство Японии», «кулинария», «экономика и денежные единицы», «рыбный промысел», «военные и общественные явления Японии».**

Первая ЛСГ **«боевые искусства»** включает лексемы *дзюдо, карате, нунчаки* и *татами*. Япония является родиной многих боевых искусств, и в восприятии носителей русского языка эта составляющая образа страны играет значительную роль.

Японские боевые искусства прочно ассоциируются в сознании носителя русского языка с Японией. **«КАРАТЕ**[тэ], нескл, с. [яп. *kara-te* букв. пустая рука]. 1. Японская система самозащиты без оружия, основанная на ударах руками и ногами по наиболее чувствительным местам тела

противника. Ср. джиу-джитсу. 2. Вид спортивной борьбы, использующий приемы этой системы» [Крысин 1998, с. 304])

Другим не менее известным видом японских боевых искусств является «ДЗЮДО, нескл. с. [яп. judo < ju благородный, нежный do искусство]. Вид спортивной борьбы, основанный на приемах джиу-джицу системы» [Крысин 1998, с. 225].

Основанное мастером Дзигоро Кано в 1880-х годах дзюдо очень популярно не только в Японии, но и во всем мире и является с 1964 года олимпийским видом спорта. Собственно говоря, спортивное (не боевое) самбо (данное слово представляет собой аббревиатуру, восходящую к словосочетанию «самооборона без оружия») является советским вариантом дзюдо, заимствовав из него практически весь технический арсенал и отличаясь только формой спортивной одежды.

Лексемы *дзюдо* и *карате* имеют производные в русском языке, такие как *дзюдоист* и *каратист*, то есть достаточно освоены в лексическом и семантическом аспектах. Об их освоенности говорит и тот факт, что, помимо «Толкового словаря иноязычных слов» Л.П. Крысина, они нашли свое отражение и в других словарях русского языка. Толкование этих спортивных терминов есть в «Словаре иностранных слов» Н.Г. Комлева [Комлев 1999, с. 161], в «Словаре русского языка» в 4-х томах под ред. А.П. Евгеньевой [Словарь русского языка 1999, т. 1, 2], в «Новом словаре русского языка. Толково-словообразовательном» Т.Ф. Ефремовой [Ефремова 2000, т. 1] и др. Лексема *дзюдо* отражена в следующих лексикографических изданиях: «Словарь иностранных слов» Н.Г. Комлева [Комлев 1999, с. 114], «Словарь русского языка» в 4-х т. под ред. А.П. Евгеньевой [Словарь русского языка 1999, т. 1, с. 396], «Русский толковый словарь» В.В. Лопатина [Лопатин 2000] и др.

Лексема *нунчаки* также была отнесена нами к лексико-семантической группе «боевые искусства».

«**НУНЧАКИ** род. нунчак, мн. [яп. *nunchaku*] спорт. Боевое оружие в виде двух коротких палок, соединенных друг с другом при помощи ремня или цепи, используемое в некоторых видах восточных единоборств (карате и др.)» [Крысин 1998, с. 475].

Многие считают, что нунчаки ведут свое происхождение от цепа для обмолотки риса (уцу), но это ошибочное мнение. Настоящий японский цеп имеет совсем иную конфигурацию. Поэтому версия о происхождении нунчак от цепа совершенно несостоятельна. Причиной такого рода заблуждений является конструктивное сходство нунчак и цепа, а также и то, что в арсенал окинавского кобудзюцу входит другое оружие – боевой цеп (утибо), – действительно являющееся модификацией крестьянского цепа. Наиболее верной является версия о том, что нунчаки в оригинале представляют собою удила – часть конской упряжки. Изначально палки были изогнуты, позднее стал применяться вариант с прямыми ручками.

Лексемы *карате*, *дзюдо*, *нунчаки* в ряде лексикографических изданий даны с пометой *спорт. (спортивное)*, то есть их употребление ограничено определенной сферой, это спортивные термины. Но степень освоенности лексем *карате* и *дзюдо* достаточно высока. Они зафиксированы в большинстве словарей русского языка, и с их значением знакомы практически все носители нашего языка, так как эти виды спорта имеют широкое распространение в России. Эти наименования часто употребляются в средствах массовой информации. Поэтому представление о *карате* и *дзюдо* имеет практически каждый носитель русского языка. Что же касается лексемы *нунчаки*, как и множество специальных спортивных терминов, эта лексема ограничена употреблением в узкой сфере специалистов, она встречается в текстах учебников по восточным единоборствам и специализированных спортивных изданиях и не имеет широкого распространения среди носителей языка, однако входит в пласт спортивной терминологии современного русского языка.

Мир японских боевых искусств не ограничивается вышеуказанными направлениями, следовательно, и количество лексем для их обозначения гораздо больше перечисленных нами. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века «Новые слова и значения» в 3-х томах (составители Т.Н. Бурцева, Е.Н. Геккина и др.) зафиксировал ряд лексем японской спортивной терминологии, которые функционируют в современном русском языке. К числу этих лексем относятся следующие: *айкидоист (айкидока)* – «тот, кто занимается восточным единоборством айкидо» [Новые слова и значения... 2009, т. 1, с. 44], *кобудо* – «вид восточных единоборств – боевое искусство владения холодным оружием и подручными предметами для самозащиты» [Новые слова и значения... 2014, т. 2, с. 88], *кекушинкай* – «контактный стиль, местная разновидность карате (вобрал в себя приемы японской, китайской и корейской борьбы)» [Новые слова и значения... 2009, т. 1, с. 774] и другие термины этой сферы, например, *кю* – «один из нескольких ученических разрядов в японских видах боевых искусств (каратэ, айкидо, дзю-до), каждому из которых соответствует пояс спортсмена определенного цвета» [Новые слова и значения... 2014, т. 2, с. 407], *ката* – «комплекс упражнений в каратэ, имитирующий бой с одним или несколькими воображаемыми противниками; вид соревнования по такой технике боя» [Новые слова и значения... 2009, т. 1, с. 758]. Специализированные названия спортивного инвентаря и обозначения отдельных спортивных элементов рассматриваемых нами боевых искусств также дополнили лексический состав русского языка японизмами. Примером может служить лексема *татами* – «спорт. Площадка со специальным покрытием, на которой проводятся схватки в нек-рых видах спортивной борьбы» [Крысин 1998, с. 687].

Вторая лексико-семантическая группа, выделенная нами, «*культура Японии*» объединяет языковые единицы, обозначающие своеобразные

японские явления культуры и быта: *бонсай, гейша, го, икебана, кабуки, кимоно, сакура, синтоизм, сямисэн.*

«**САКУРА**, ы, ж. [яп. sakura]. Японское вишневое дерево (часто служит символом Японии)» [Крысин 1998, с. 621].

Цветение вишни для японцев – это метафора жизни. Оно ассоциируется в культуре Японии с быстротечностью жизни человека, с началом новой жизни, возрождением и началом начал. Время цветения японской вишни совпадает с началом посевных работ, поэтому сакура является еще и символом урожая.

В сознании носителей русского языка лексема *сакура* выступает одним из центральных компонентов репрезентации образа Японии, о чем говорит анализ ассоциативного ряда реакций слова-стимула *Япония* в «Русском ассоциативном словаре», который мы подробно рассмотрели далее.

«**СИНТОИЗМ, ШИНТОИЗМ**, а, мн. нет, м. [*яп. Shinto < кит. shin tao* путь богов]. Средневековая религия японцев, впоследствии принявшая форму обожествления императорской династии, а с 1868 по 1946 гг. являвшаяся государственной религией Японии» [Крысин 1998, с. 644].

В русском языке имеются производные *синтоист* (*последователь синтоизма*) и *синтоистский* (*относящийся к синтоизму*). Синтоизм представляет собою традиционную религию Японии. Основана она на анимистических верованиях древних японцев, объектами поклонения являются многочисленные божества и духи умерших, испытала в своем развитии значительное влияние буддизма.

Лексема *бонсай* вошла в русский язык еще на рубеже XIX–XX столетий, в связи с появлением в России первых карликовых растений, именуемых *бонсай*: «**БОНСАЙ**, нескл., м. [яп. bonsai < bon горшок + sai выращивать]. 1. Карликовое дерево, выращенное в горшке. 2. Искусство выращивания таких деревьев (возникшее в Японии и распространившееся по всему миру)» [Крысин 1998, с. 123]. Первые бонсай появились еще в дореволюционной России. В Санкт-Петербурге, в Ботаническом саду

Ботанического института, бывшем до революции главным ботаническим садом Российской Империи, в начале XX века была коллекция бонсай. Самое раннее упоминание о бонсай датировано 1917 годом, когда «удалось получить... коллекцию от владельца частных оранжерей П.П. Дурново, в том числе карликовые японские хвойные» [Городской портал. Москва, электронный ресурс].

Но более широкую известность деревья бонсай получили уже в Советском Союзе. В 1976 году супруга японского посла госпожа Сигемицу передала в Главный ботанический сад Академии наук СССР около пятидесяти деревьев. В языковом сознании носителя русского языка бонсай ассоциируется с миром японской культуры: «Сегодня во всем мире известны дзен-буддизм, карате и бусидо, **бонсай** и икебана, суси и рамэн» (Павел Бурмистров. Чудо японское // «Русский репортер», 2012; НКРЯ); «Передо мной стояла сильно уменьшенная копия старого советского холодильника – эдакий «Зил» – **бонсай** в сорок сантиметров» (Виктор Пелевин. Бэтман Аполло, 2013; НКРЯ).

«**ИКЕБАНА**, ы, мн. нет, ж. [яп. ikebana]. 1. Искусство составления букетов, распространенное в Японии. 2. Букет, составленный с использованием приемов этого искусства» [Крысин 1998, с. 264]. По замечанию Вс. Овчинникова, «для японского понятия **икебана** в зарубежных языках до сих пор не найдено точного перевода. <...> **Икебана** – это вид искусства, созданный нацией, которая веками воспитывала в себе умение обращаться к природе как к сокровищнице прекрасного» (Вс. Овчинников. «Ветка сакуры. Рассказ о том, что за люди японцы»).

Некоторые заимствования на почве аналогий со свойствами японских явлений стали служить номинациями для предметов жизни и быта российской действительности. Примером может быть лексема *кимоно*: «Она подняла вверх костлявую кисть, рукав ее старого драгоценного **кимоно** упал, и обнажилась сухая кость, которая, если верить Иезекиилю, должна была со временем одеться новой плотью» (Людмила Улицкая. «Пиковая

дама»; НКРЯ). Первоначальное значение слова *кимоно* – «японская мужская и женская одежда наподобие халата с очень широкими рукавами» [Крысин 1998, с. 321] – в ходе употребления в русском языке приобретает еще два дополнительных значения. «Словарь русского языка» в 4-х томах под редакцией А.П. Евгеньевой зафиксировал дополнительное значение лексемы *кимоно* – «Разг. и спец. Особый покрой рукава женского платья» [Словарь русского языка 1999, т. 2, с. 48]. Лексема *кимоно* используется также в номинации одежды для занятий восточными единоборствами, таких как айкидо, дзюдо, карате и других: «Ей так нравились занятия, что она даже дома тренировалась не в обычной спортивной одежде, а в **кимоно**» (Александра Маринина. «Последний рассвет»). Но в японском языке одежда, используемая во время тренировок и соревнований, называется *кейкоги* («тренировочный костюм») или *доги*. Данные заимствования известны в узкой сфере профессионалов, занимающихся боевыми искусствами, а среди любителей ошибочно употребляется слово «кимоно». Это значение слова «кимоно» пока не зафиксировано словарями.

Таким образом, данное японское заимствование в силу ряда экстралингвистических факторов в русском языке, помимо прямого значения «японская мужская и женская одежда наподобие халата с очень широкими рукавами» [Крысин 1998, с. 321], получила употребление еще в двух дополнительных значениях: «особый покрой рукава женского платья» [Словарь русского языка 1999, т. 2, с. 48], «одежда для занятий японскими единоборствами» (данное значение не зафиксировано в лексикографических изданиях).

Лексема *гейша*, помимо своего прямого значения «в Японии: женщина, обученная музыке, танцам, умению вести светскую беседу и приглашаемая на роль гостеприимной хозяйки на приемы, банкеты и т.п. || Ср. гетера» [Крысин 1998, с. 165], обрела дополнительное значение по аналогии со схожестью с одеждой, которую носит гейша (т.е. *кимоно*), стала наименованием «рода широкой женской одежды» [Толковый словарь

русского языка 1996, т. 1, стб. 547], но это значение уже в 30-е гг. XX в. было устаревшим, о чем свидетельствует помета *устар.* в «Толковом словаре русского языка» в 4-х томах под ред. Д.Н. Ушакова. В первом значении данная лексема употребляется в русском языке в следующем отрывке: «*Вот когда японская гейша танцует свой священный танец, когда на согнутых коленях она идет неслышными шажками и замирает в самой невозможной, нелепой, на ваш взгляд, позе, она солидарна с тем, что делает*» (А.Г. Колмогоров Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой; НКРЯ).

В «Толковом словаре русского языка» в 4-х томах под ред. Д.Н. Ушакова содержится, помимо прямого значения, еще одно значение рассматриваемой лексемы: «Род широкой женской одежды (устар.)» [Толковый словарь русского языка 1996, т. 1, стб. 547]. Однако надо отметить, что второе значение содержит помету «устаревшее», на основании чего можно сделать вывод, что на определенном этапе развития русского языка оно было актуально как лексико-семантический вариант лексемы *гейша*, однако в настоящее время рассматриваемая языковая единица не встречается в речи носителей русского языка в этом значении.

Еще ряд лексем, которые употребляются современными носителями русского языка крайне редко, исключительно в целях наименования экзотических явлений японской культуры, – это *сямисэн*, *го* и *кабуки*.

«**СЯМИСЭН**, а, м. [яп. *samisen* < кит. *sānhhsien* букв. три струны]. Японский струнный щипковый музыкальный инструмент с тремя струнами. | Ср. арфа, банджо, бандура, гитара, домбра, домра, кифара, кобза, лира, мандолина, танбур (тамбур), цитра» [Крысин 1998, с. 679]. «*Сямисэн берет низкие ноты, певец хрипит от гнева, на сцене происходит шабаш феодальных страстей*» (Константин Симонов. «Рассказы о японском искусстве»; НКРЯ); «*Одна гейша взяла в руки сямисэн, а другая стала петь*» (Константин Симонов. «Япония»; НКРЯ).

«**ГО**, нескл., с. [*< яп.*]. Игра черными и белыми камнями (клубками) на доске, пересеченной горизонтальными и вертикальными линиями в 361 точке. Г. возникло в Др. Китае, распространено в современной Японии» [Крысин 1998, с. 191].

«**КАБУКИ**, нескл., м. [*яп. kabuki* букв. искусство танца и пения]. Один из видов классического театра Японии, основу которого составляют танцы и музыка» [Крысин 1998, с. 291]. «*Неизвестно, что они там собирались показать Альберту, возможно, пантомиму театра Кабуки*» (Алексей Моторов. «Преступление доктора Паровозова» (2013); НКРЯ); «*Их участниками были балет Кировского театра из Санкт-Петербурга, Шекспировский театр из Англии, театр Кабуки из Японии*» (В.В. Овчинников. «Своими глазами»; НКРЯ).

Лексические заимствования из жизни Японии не ограничены наименованиями традиционных видов явлений культуры страны восходящего солнца, сфера городской культуры также пополнилась таким интереснейшим японизмом, как *караоке*. Данная лексема употребляется в современном русском языке в ряде значений: «**КАРАОКЕ, КАРАОКЭ** и **КАРА-ОКЭ**, неизм., ср. 1. Музыкальная фонограмма песни, позже ее музыкальное сопровождение с заменой с помощью технических средств партии солиста на голос другого поющего; воспроизведение такой фонограммы. *Буквальный перевод «караоке» – «оркестр без голоса», с помощью микрофона и микширующего стереоусилителя звук вашего голоса накладывается на воспроизводимую запись.* КПр 25.3.94. 2. Исполнение песни под такую фонограмму, иногда сопровождаемую видеоизображением (во многих странах и в России); такое исполнение (иногда также с танцами) как концерт, вид развлечений в ресторане, баре и т. п. *Современное «караокэ» шагнуло далеко вперед: кроме пения теперь наслаждаются и видеорядом, записанным вместе с музыкальным сопровождением на большие лазерные диски. Живая картинка.. соответствует.. сюжету песни, создавая определенный настрой. Издатели уважаемого американского*

словаря вряд ли решились бы на включение этого термина., если бы не быстрое распространение «караокэ» в самих Соединенных Штатах, а также в некоторых странах – с тем только отличием, что помещения там намного просторнее японских и дают возможность еще и потанцевать. ТР 18.6.93» [Новые слова и значения... 2009, т. 1, с. 736-737]. Есть еще ряд вариантов значений у этой лексемы, такие как: «техническое оснащение», в значении прилагательного «оснащенный таким оборудованием», «заведение», «бар», например караоке-бар.

Лексеко-семантическая группа **«японская кулинария»**, по данным «Толкового словаря иноязычных слов» Л.П. Крысина, представлена лексемой *иваси*.

«ИВАСИ [*<* яп.]. 1. нескл., ж., одуш. Сорт некрупной дальневосточной сельди (иначе называемой дальневосточная сардина)» [Крысин 1998, с. 259]. В русском языке на основе существительного образуется прилагательное *ивасевый*: *ивасёвый* (разг.) – «относящийся к и. 2. неизм. Относящийся к такой сельди. Сельдь сорта и.» [Крысин 1998, с. 259].

Вхождение в русский язык данной лексемы обусловлено ее широким употреблением в связи с получившим в русской культуре питания популярность данного сорта сельди в консервированном виде: *«Опережая время трудятся селёдочных дел мастера из объединения «Дальрыба». На этот отрадный факт обращает наше внимание житель города Павлово-на-Оке К. Веселкин, Первого марта текущего года он купил банку рыбных консервов с этикеткой: «Сельдь иваси. Пряная, жирная специального посола». Посол оказался настолько специальным, что на банке проставлена дата выпуска: «23.03.88» (Опережая время // «Труд», 1988.04.01; НКРЯ).* Почему именно японское название данного сорта рыбы получило широкое распространение в употреблении носителей русского языка, точно сказать невозможно. Но можно предположить, что русское расчлененное название «дальневосточная сардина» было вытеснено заимствованием *иваси*, исходя из закона языковой (речевой) экономии, так как японское название состоит

из одной языковой единицы, а русское содержит два компонента. Лексема *иваси* в достаточной степени освоена русским языком (толкование ее значения зафиксировано в ряде толковых словарей русского языка, например, в «Толковом словаре русского языка» в 4-х т. под ред. Д.Н. Ушакова, в «Новом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой, у лексем *иваси* есть производное *ивасевый*). Возможно встретить ее употребление в качестве номинации явлений российской действительности, при этом данное слово становится именем собственным и употребляется в переносном значении. Например: «Ее бывший напарник по дуэту “Академия” Александр Цекало стал исполнительным продюсером “Норд-оста”. Музыка к “Норд-осту” написали Иващенко и Васильев (дуэт “Иваси”), а аранжировал – клавишник “Несчастливого случая” Сергей Чекрыжов» (Алексей Мунипов. «Шумный балаган. Краткие итоги музыкального сезона» // «Известия», 2002.07.15; НКРЯ).

В связи с возросшим интересом к Японии и ее культуре в частности, к японской национальной кухне (об этом свидетельствуют такие факты, как открытие специализированных ресторанов японской кухни, сетей доставки японских блюд на дом, разработка специализированных диет, на основе японских продуктов, популяризация японского образа питания в связи с расхожим мнением о высокой продолжительности жизни жителей Страны восходящего солнца и т.д.), за последние десять лет в лексиконе носителей русского языка все чаще встречаются наименования японских продуктов питания и блюд национальной кухни. Их активное употребление в современной разговорной речи носителей русского языка отмечено и авторами словаря «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века»[2009–2014]. Языковые единицы *васаби*, *сашими*, *суши* (*суси*), *ролли* производные от них *суши-бар*, *суши-мен*, *суши-ролли* (*суши-роллс*) и др. были отмечены в качестве неологизмов русского языка, вхождение которых в употребление носителей нашего языка свидетельствует о проникновении традиций

японской кухни в жизнь русского народа и дает нам право говорить о необходимости включения в наш анализ этих языковых единиц для более полного отображения той культурной константы образа Японии, которая связана со сферой кулинарных традиций.

«ВАСАБИ, неизм., м. Японский хрен; острая зеленая паста из него, используемая в японской кухне как приправа к суши (см.) и другим блюдам. *Без «васаби», в принципе, не обходится ни одно японское сырое рыбное блюдо... «Васаби» изумрудно зеленого цвета, в хороших ресторанах натирается через терку вручную, а вообще-то продается в тюбиках в любом магазине. «Васаби» либо разводится в соевом соусе по вкусу, либо полоской упрятывается в рис. Изв 22.10.94. Такое ассорти нужно есть, обмакивая каждый кусочек в васаби (зеленый японский хрен) и соевый соус. Дом, 1996, 35. В знач. прил. Хрен васаби. Дзару-соба подается со сложным соевым соусом, налитым в чашку, отдельно на маленькой тарелочке подается японский зеленый хрен васаби и лук. СС 11.9.97»[Новые слова и значения... 2009, т. 1, с. 257].*

«САШИМИ и СУШИМИ, неизм., ср. Блюдо японской кухни – нарезанные определенным образом кусочки сырых или ошпаренных морепродуктов с различными специями. *Сладкий, свежий, тонкий, ни с чем не сравнимый вкус этого блюда зависит только от качества продуктов: каковы креветки – таково «сашими». Ком-Д 24.1.95. В «Джусто» работают повара из ресторана «Сумо-сан»., а это своеобразный гарант качества подаваемых суши и сашими. Ком-Д 11.12.99.*

– С а ш и м и: Двадцать два, 1979, 6–10 (свежее с.); Ком-Д 20.1.93 (больше, чем с., люблю тэмпора), 4.2.93 (у них – с., у нас – лапша), 12.2.94 («с.» подавалось в виде ассорти из сырой рыбы и даров моря); ИК, 1999, 10 (с каким соусом есть суши и с. в японском ресторане); Кар, 1999, 11 (девушек теперь принято приглашать в суши-бар, пить сакэ, закусывать с.); КПр 30.11.99 (заказывают по Сети с.); с у ш и м и: Вер, 1999, 46

(справляется с японскими палочками, необходимыми для поедания всяческих суши и с.). – Яп. **Sashimi**» [Новые слова и значения... 2014, т. 3, с. 678].

«**СУШИ** и **СУСИ**, неизм., мн. и ср. Блюдо японской национальной кухни – комки из холодного вареного риса с сырой рыбой или морепродуктами. *Ох, как люблю «суши» – специально приготовленную сырую рыбу по-японски.* ВМ 30.7.98. *Японцы делают лучшее «суси» – известное на весь мир блюдо из сырой рыбы.* Гуд 2.6.99. *С у ш и какие (какое). Собравшиеся запивали фирменные суши «Монолита» шампанским «Мозт и Шандон».* Проф, 1999, 42. *Пока телеведущая Лидия Иванова и поэт-песенник Михаил Шабров пытались наощупь отличить японское суши от грузинских чурчхелл, ...вокруг выставочного стенда «Фестиваль ресторанов» собралась толпа зевак.* ВМ 3.12.99.

– С у ш и : Ком-Д 26.12.95 (с. подавалось с австралийским шардоне); МЭ, 1996, 6 (всем понравилось это самое «с.»); Дом, 1997, 42 (с. шагнуло к людям); МК 1.4.97 (в меню эти... с.); И, 1998, 6 (кормили японскими деликатесами – с. и тэмпура); ВКл 10.9.98 (Куросава сам делал с.); Дом, 1997, 45 (с. ассорти (сырая рыба на рисе)); Изв. 10.7.98 (японские с. – комочки вареного риса с сырой рыбой – стали новомосковской закуской); НГ-ЕЛ 9.12.99; 48 (японское с.); с у с и : Церковные ведомости, 1908, 21 (ящичек с «с.» – походный японский обед); С. А. Арутюнов, Современный быт японцев, 1968 (с. нигири-мэси – холодная закуска из катышков риса); Ж. Винкельноффер, В. Винкельноферова, Сто взглядов на Японию, 1968 (с. бывают нескольких видов); Ю. Семенов, Отчет по командировкам, 1986 (поел мои любимые с.); Ком-Д 18.11.92 (попробовать знаменитые с.); РГ 17.3.94 (с., тэмпура, другие типичные блюда); Изв 22.10.94 (знаменитые с. (ломтики сырой рыбы, «посаженные» на рис)); Кур 22.2.96 (заказали себе «с.» – рыбу по-японски); ЛГ, 1997, 1 (с. лепились голыми руками); Аф, 1999, 13 (два «с.» с пятнистой сельдью и осьминогом); МНов, 1999, 35 (что-то наподобие с.); Ком-Д 25.2.93 (японские с.), 9.12.93 (японское «с.» настолько

красиво, что его страшно есть). – Яп. **Sushi**» [Новые слова и значения... 2014, т. 3, с. 1047].

Как видно из вышеприведенных примеров, в современном русском языке встречаются различные написания лексемы *сашими*, *суши* и др. Это говорит о неосвоенности японизмов, так как это заимствования последних лет.

В русском языке на основе лексемы *суши* образован ряд производных *суши-бар* (*суси-бар*), *суши-мен* (*суси-мен*), *суши-роллы* (*суши-роллс*, *суси-роллс*) также зафиксированные в вышепредставленном словаре.

«**РО́ЛЛ**, а, м. Блюдо японской кухни, разновидность суши (суси) (*см.*) – разрезанный на кусочки рулет из риса и прессованных водорослей с какой-л. начинкой. *Ролл полагается брать палочками и окунать в смешанный с соевым соусом японский хрен – васаби.* И, 1998, 35.» [Новые слова и значения... 2014, т. 3, с. 599].

Одним из атрибутов японской традиционной кулинарной культуры является национальный напиток, приготовленный из риса *саке*. Об этом традиционном напитке упоминается еще в XIX веке в «Записках флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах»: «*Японцы из сороченского пшена выгоняют еще род крепкой водки, или вина, и делают слабый напиток, саги называемый*» (Василий Головнин. «Записки флота капитана Головнина о приключениях в плену у японцев»). «**САКЕ** [яп.] – японская рисовая водка» [Комлев 1999, с. 313]. В текстах лексема графически выглядит как *сакэ* или *саке*: *Обычай обмахивать новобрачных зеленой ветвью, девять глотков сакэ, которые по очереди пьют жених и невеста, – все это очень древний ритуал* (Вс. Овчинников. «Ветка сакуры»). Ср. *Опять же бесплатное сакэ, тоже неплохо* (Б. Акунин. «Алмазная колесница»).

Существующий интерес к блюдам японской кухни не ограничен составом употребляемых в пищу продуктов, он расширяется и до специфических атрибутов, используемых для приема пищи. Об этом

свидетельствует процесс заимствований языковых единиц из этой сферы. В «Словаре иностранных слов» Н.Г. Комлева зафиксирована лексема *хаси*.

«**ХАСИ** [яп.] – В Китае, Японии, странах Юго-Восточной Азии: палочки для приема пищи, заменяющие вилку. В китайском варианте – *куайцзы*» [Комлев 1999, с. 396].

Лексема *хаси* – это варваризм, так как в русском языке есть название «палочки», которая употребляется чаще своего иноязычного аналога. Однако фиксация данного варваризма в лексикографическом источнике может обозначать тенденцию к вытеснению им русского названия, причиной чего является более экзотичное и колоритное звучание варваризма в речи носителей русского языка.

Лексико-семантическая группа «**денежные единицы и экономическая действительность Японии**» включает лексемы *йена* и *дзайбацу*.

«**ЙЕНА**, ж. Денежная единица в Японии» [Крысин 1998, с. 261]. Эта лексема встречается в литературных произведениях, описывающих японские реалии: «Показательно, что даже теперь на солдатский паек отпускается лишь 4 тысячи йен (то есть 10 рублей) в месяц, хотя армия, укомплектованная из добровольцев, питается лучше, чем народ в целом» (Вс. Овчинников) или «Если повезет, можно пол-йены заработать, это по-нашему рублишко» (Б. Акунин).

Термин *дзайбацу*, обозначающий «крупнейшие концерны, финансово-экономические группы Японии» [Крысин 1998, с. 225], встречается в текстах при упоминании данного явления японской действительности: «Одновременно американцы начали расчленять старые концерны *дзайбацу*, которые считали главными виновниками войны» (Павел Бурмистров. Чудо японское // «Русский репортер», 2012; НКРЯ).

Ряд лексем мы объединили как ЛСГ «**военные и сословные понятия Японии**»: *самурай*, *ниндзя*, *камикадзе*, *микадо*, *банзай* и *харакири*.

В процессе употребления в русском языке лексема *самурай* претерпела ряд изменений в семантическом объеме. «**САМУРАЙ** я, м., одуш. [< яп.

samurai стражник, рыцарь]. Член привилегированной военной касты в феодальной Японии. Самурайский – относящийся к самураю, самураям» [Крысин 1998, с. 622]. Помимо прямого значения сословной принадлежности («САМУРАЙ, я, м. [японск. samurai – стражник, рыцарь]. Член привилегированной феодальной военной касты Японии (истор.)» [Толковый словарь русского языка 1996, т. 4, стб. 45]), за время двух войн между Россией и Японией лексема *самурай(и)* приобрела новое, дополнительное уже к имеющемуся («военное сословие японских дворян») значение – «японская военщина», содержащее несколько элементов коннотации: эмоциональность (пренебрежительный, презрительный компонент значения), отрицательную оценочность, сниженную стилистическую окраску. В современном употреблении лексемы *самурай* ее негативный заряд заметно ослабел, данная лексема функционирует в русском языке в качестве этнической номинации: *«Остров стартапствующих самураев: Волна молодых предпринимателей занимает все “Старбаксы” Японии».*

Подобным образом в русском языке употребляется и лексема *ниндзя*. В своем прямом значении она функционирует как культурный неологизм, о чем свидетельствует помета в словарной статье: «Представитель своеобразной касты профессиональных шпионов, которых в средневековой Японии нанимали для выполнения особо сложных заданий, связанных с проникновением в труднодоступные места. | Культ н. возрожден в современном западном кино» [Крысин 1998, с. 473]. В этом значении лексема употребляется в современных публицистических текстах: *«В то же время Древний Китай в глазах гонконгцев отнюдь не является парадизом блаженных предков: его города, леса и пустыни представляются опаснейшим пространством, где все рубились со всеми – кланы с кланами, японские ниндзя с монахами Шаолиня, посланцы императора с повстанцами, бандиты с крестьянами, а наемные убийцы с героями»* (Анжелика Артюх. Император и герой (2003) // «Искусство кино», 2003.06.30; НКРЯ).

Лексема *ниндзя* в современном русском языке часто используется и в переносном значении – в качестве номинации по отношению к человеку, который обладает такими качествами, как ловкость, способность незаметно проникать в труднодоступные места и выполнять сложные задания. Чаше употребление данной лексемы можно встретить с оттенком иронии. Например: *«Г.К. Жуков вспоминал, как на реке Халхин-Гол сдались без боя натасканные японские диверсанты (чуть ли не ниндзя), не выдержавшие во время засады в камышах комариных “атак”»* (В горах – без снаряжения и спецподготовки... // «Солдат удачи», 2004.10.06; НКРЯ).

«**МИКАДО**, нескл., м., одуш. [яп. mikado < mi благородный, знатный + kado путь, ворота]. Титул японского императора, а также тот, кто носит этот титул» [Крысин 1998, с. 436].

«К сожалению, Б.В. Адамович, несмотря на общение с пленными японцами и вопреки очевидности, не избежал свойственной подавляющему большинству гвардейских офицеров пренебрежительной и оттого ошибочной и несправедливой оценки упорства и стойкости воинов микадо» (А.Г. Колмогоров. Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой; НКРЯ).

Термин *микадо*, как и другой термин *камикадзе*, вошел в употребление носителей русского языка в связи с военным противостоянием России и Японии в начале XX века. Однако история функционирования и последней лексемы представляет большой интерес.

«**КАМИКАДЗЕ**, нескл., м., одуш. [яп. kamikaze букв. божественный ветер < kami бог + kaze ветер]. 1. Летчик-смертник в японской армии периода Второй мировой войны (1939–1945), погибавший вместе с атакующим цель самолетом. 2. перен. Безрассудный смельчак, жертвующий собой» [Крысин 1998, с. 297].

Со второй половины XX века слово «камикадзе» использовалось для обозначения японских пилотов-смертников: *«И еще двадцать – в течение второго... По сути, пилоты малых кораблей – все смертники, камикадзе»*

(Максим Черепанов. Космос, истребитель, девушка (2014); НКРЯ). В японском языке *камикадзе* является частью более широкого японского термина *тэйсинтай*, которым обозначали всех добровольцев-смертников (не только летчиков). Японцы называли подобные действия токубэцу ко: гэки тай (яп. 特別攻撃隊) – «специальный ударный отряд» или аббревиатурой токко: тай (яп. 特攻隊). Подразделения летчиков-самоубийц назывались симпу токубэцу ко: гэки тай (яп. 神風特別攻撃隊) – «специальные ударные отряды “божественный ветер”». В английском языке термин «камикадзе» (кунное чтение иероглифов 神風) закрепился с подачи японцев-эмигрантов, служивших в американской армии. Вскоре войска союзников начали использовать слово «камикадзе» для наименования всех видов самоубийственных атак, применяемых японцами. Позже термин распространился на весь мир, включая немецких зельбстопфер (нем. «Selbstopfermänner», «люди, готовые к самопожертвованию») и послевоенный суицидальный терроризм, такой, как атака на США 11 сентября 2001 года. В наши дни чтение иероглифов 神風 как «камикадзе» вернулось в Японию и допускается в качестве самоубийц-летчиков. Второе, дополнительное значение в русском языке эта лексема получила в связи с распространением мирового терроризма во всем мире, в том числе и в России.

В русском языке второе переносное значения анализируемого слова встречается не менее редко: «*Маринка лихо, как **камикадзе**, гоняла на своей «восьмерке», держала дома несметное количество зверей, дымила как паровоз и была при этом очень толковым врачом*» (Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013); НКРЯ).

История заимствования междометия *банзай* («междом. [*яп. ban zai* десять тысяч – из формулы приветствия, обращенного к японскому императору и означавшего «живите десять тысяч лет!»]. Да здравствует! Ура! | Возглас б. встречается в текстах, посвященных описанию Японии в

прошлом, жизни, быту и военным действиям японских самураев и т. п. || Ср. виват» [Крысин 1998, с. 102]) также связана с периодом военно-политического конфликта между Россией и Японией – Русско-японской войной 1904–1905 гг., но на современном этапе своего функционирования в русском языке данное слово практически исчерпало негативный заряд периода военных конфликтов. В обыденной жизни носителей русского языка лексема *банзай* встречается в названиях ресторанов японской кухни: «СУШИ-БАР БАНЗАЙ», ресторан «Банзай» в Москве и т.д.; как интернет-прозвища «Дед Банзай»; как название футбольного клуба «Банзай» и пр. В ряде случаев употребления в коннотации этой лексемы можно обнаружить такие компоненты, как ирония или саркастическое отношение к объекту номинации, например, в следующем выражении: «Суши из кролика – только в ресторане “Дед Банзай”». Надо отметить, что в употреблении носителей языка отсутствуют прямые связи с лексическим значением данной языковой единицы – ввиду этого возможен переход из одной морфологической категории русского языка в другую (из разряда междометий в разряд существительных). В текстах современных литературных произведений также можно проследить тенденцию к утрате связи лексического содержания лексемы *банзай* и ее употреблению в качестве символа Японии: *«Над головой мужественного бусивы ведено было стилизованным под иероглифическую тушь шрифтом: ПРАЗДНИК ЖИВОТА. И ниже совсем мелко: «ресторан японской кухни и развлекательный комплекс Банзай». Развлекательно закомплексованный ресторан был один из самых дорогих в городе и имел репутацию бандитского. Бандиты – наиболее солидные и статусные – любили разрулять в его отделенных раздвижными стенками-фусума кабинетах, за чаркой сакэ и плоской суши, непростые бандитские проблемы»* (Александр Гаррос, Алексей Евдокимов. Головоломка; НКРЯ).

Японский термин *харакири* («У японских самураев: самоубийство путем вспарывания живота» [Крысин 1998, с. 769]) связан в употреблении носителей русского языка с бытующим мнением о жестоких нравах японцев:

«Рассказывая о случившемся, все телеканалы восхищались адмиралом, который героически руководил тушением пожара. Однако, вернувшись в свой кабинет, бывший моряк адмиральским кортиком сделал себе **харакири**. В предсмертном письме сыну он написал, что решил уйти из жизни, считая себя ответственным за гибель двух подчиненных. Впрочем, нынче из жизни добровольно уходят не только руководители, облеченные властью и ответственностью» (Вс. Овчинников. «Размышления странника»; НКРЯ).

Лексема *кавасаки* не была объединена нами ни с одной из выделенных ЛСГ по причине отсутствия близких по семантике единиц.

«**КАВАСАКИ**, нескл., м. [яп. *kawasaki*]. мор. Парусно-моторный бот с высоко поднятым носом и широкой кормой, применяемый в качестве рыболовного судна в дальневосточных водах» [Крысин 1998, с. 921]. «Кончается сезон, люди уезжают, уходят рыболовные **кавасаки**, буксиры утаскивают цистерны с пресной водой, и жизнь замирает снова до осенней путины» (И. Семенов. «Лев Берг» выходит в море // «Спортсмен-подводник»; НКРЯ).

Морской промысел в Японии занимает первое место в структуре хозяйственной деятельности этой страны. Неудивительно, что технологические достижения в этой области являются несоизмеримо высокими. Однако стоит отметить и то, что это заимствование ограничено в своем использовании в определенной профессиональной сфере. Об этом говорит помета *морское* в вышеприведенном толковании значения.

Появление в русском языке рассмотренных выше языковых единиц, кроме *банзай*, объясняется потребностью в номинациях предметов и явлений японской действительности в процессе их проникновения в российскую действительность, что связано с межкультурным взаимодействием между Россией и Японией. Все они представляют собой имена существительные (лексема *банзай* является междометием). Тематическая направленность заимствований ограничена сферой культуры и спорта. Ряд существительных

имеет форму множественного числа (*самурай – самураи, гейша – гейши, цена – цены* и др.).

Семантическое освоение заимствованной лексики происходит гораздо медленнее грамматического или графического. В отношении японизмов можно отметить ряд лексем, семантическое наполнение которых расширилось за счет появления новых значений и фиксации в словарях русского языка этих дополнительных значений, к ним относятся – *кимоно, гейша, самурай, камикадзе*.

Таким образом, мы провели анализ заимствований из японского языка. Их тематический состав, сферы употребления и количество подтверждают предположения о том, что образ Японии в языковом сознании носителей русского языка имеет достаточно фрагментарный характер и больше основывается на предположениях, нежели на реальных представлениях носителей русского языка об этой стране. Реконструкцию целостного образа Японии мы продолжим в последующих главах диссертации.

Резюмируя результат нашего исследования – на основе анализа специально отобранных японизмов в русском языке в совокупности с детерминантами процесса их заимствования экстралингвистического порядка (межкультурного взаимодействия, контактов народов, военных и политических конфликтов и др.), можно говорить о том, что образ Японии, репрезентуемый в русском языке посредством заимствований, представляет некий набор стереотипов сознания носителей, основными из которых будут следующие: *«страна – родина восточных единоборств», «страна рыбы (суши и роллов)», «страна гейш и самураев»*.

§2. Фразеологические единицы русского языка с этнонимическим компонентом *японец, японский(-ая)*

Одним из проявлений богатств русского языка служит его фразеологический состав. «В русском языке, как и в других языках, существует целый ряд устойчивых словосочетаний с этнонимическим компонентом, указывающим на национальную принадлежность определенных предметов и явлений, которая обычно “присваивается” какому-либо предмету или явлению не самой этой национальной общностью, а чаще всего инонациональным, инокультурным, иноязычным социумом, то есть речь в данном случае идет об отраженном в языке определении национальной принадлежности отдельных предметов и явлений в процессе межкультурной и межъязыковой коммуникации» [Баранова 2003, с. 335].

Как было нами отмечено в статье «Фразеологизмы с этнонимическим компонентом “японский” в русском языке», «русские фразеологизмы, в состав которых входят этнонимы, называющие чужие этносы (аллоэтнонимы), сформировались как результат видения и понимания носителями русского языка “чужих” культур и этносов, как результат проекции значимого знания о “чужом” на формальную генетическую структуру определенной нации. Под “чужим” подразумевается одна из сторон интеркультурного взаимодействия, которая включает все, что связано с нерусским этносом, языком и с другой культурой» [Казанцева 2016, с. 92-93].

Предметом нашего исследования стали фразеологизмы с этническим компонентом *японец* и производными от него *японский (-ая)*, такие как *японамама (мать)*, *японский бог*, *японский городской* и др. Наш интерес к подобным фраземам продиктован современными тенденциями, можно даже сказать и модой, на употребление как в устной, так и в письменной русской речи устойчивых сочетаний, имеющих экзотическое звучание и

соответственно придающих всему высказыванию дополнительный экзотический смысловой оттенок, который во многом и приобретает за счет использования в своем составе этнонима *японец* и производных от него.

С чем же в речи среднего носителя русского языка ассоциируются фразеологизмы с этнонимическими компонентами *японский*, *японская* в наши дни и какую трансформацию претерпели эти ассоциации с момента их появления в русской речи? Попробуем ответить на эти вопросы.

«В нормативных словарях русского литературного языка фразеологизмы с этнонимическими компонентами *японский*, *японская* нами обнаружены не были, подобные фразеологизмы (*япона мама (мать)*, *японский бог*, *японский городской* и др.) представлены в словарях субстандартной лексики, главным образом, как выражения и восклицания междометного характера, эвфемизмы. Например, в “Словаре эвфемизмов русского языка” Е.П. Сеничкиной зафиксирован фразеологизм *япона мама*: “**Япона мама** – вместо грубого ругательства. Эвфемизм возник на основе звукового сходства. Простор. ирон., в литературной речи – дезэф.” [Сеничкина 2008, с. 457]. В “Толковом словаре русского сленга” В.С. Елистратова есть фразеологизм *япона мать*, имеющий междометный характер: “**Япона мать** – выражает любую эмоцию. Возможно из анекдота. Ср. *япониуть*”. “**Япониуть**, межд. Выражает любую эмоцию. Аллюзия к нецензурному” [Елистратов 2010, с. 494-495]» [Казанцева 2016, с. 94].

В художественных произведениях и разговорной речи восклицания подобного рода чаще произносятся в ироническом контексте: «*Все, самурай, мы расстаемся. Катитесь к вашей японской матери*» (Б. Акунин. «Алмазная колесница»). Употребление компонента *мать* в составе коммуникатива объясняется при сопоставлении данного выражения с этнокультурными единицами *мать честная*, *показать кому-либо кузькину мать*, *узнать кузькину мать*, *вашу мать*, *мать вашу за ногу*.

Толкование устойчивых выражений *японский бог* и *японский городской* находим в “Большом словаре русских поговорок” В.М. Мокиенко,

Т.Г. Никитиной: «**Японский бог!** Жарг. мол. 1. Выражение досады, раздражения, негодования. 2. Выражение восторга, восхищения» [Мокиенко 2008, с. 47]. «**Японский городской!** Жарг. мол. Бран. эвфем. Восклицание, выражающее досаду, раздражение, негодование» [Там же, с. 156]. В «Толковом словаре русского сленга» В.С. Елистратова этот фразеологизм представлен вариантно: «**Японский бог! (или городской!)** – употребляется как восклицание для выражения любой эмоции» [Елистратов 2010, с. 495]. Это восклицание, как и *япона мама (мать)*, является эвфемизмом.

Русско-японская война 1904–1905 гг. стала крайне важным событием в истории развития взаимоотношений двух стран, именно в этот период вошли в употребление фразеологизмы с этнонимическим компонентом *японский (-ая)*, что оказало влияние на процесс формирования в русском языковом сознании образа восточного соседа как вражеского этноса, причем в первую очередь в «народной» аудитории, поскольку именно из нее по большей части мобилизовались солдаты. Негативный заряд войны уже почти растаял в дымке лет, но оставил свой след в языке.

Таким образом, посылом к появлению данных эвфемизмов стало стечение двух факторов – исторического события, такого как Русско-японская война с сопутствующим развитием негативных настроений по отношению к японской нации, и созвучие первых звуков представленных этнонимов, которые по случайности в русском языке созвучны начальным звукам ряда табуированных выражений.

Интересный комментарий о происхождении фразеологизма *японский городской* содержит «Фразеологический словарь русского языка» (составители А.А. Легостаев, С.В. Логинов):

«Это восклицание родилось в конце XIX века, а именно весной 1891 года, когда цесаревич Николай, будущий царь Николай Второй, совершал путешествие по странам Востока. Цесаревич прибыл в Японию на борту фрегата “Память Азова” в рамках путешествия на Восток, организованного по указанию его отца, Александра Третьего. До этого Николай уже посетил

Грецию, Египет, Индию, Сингапур, Яву, Китай и целый ряд других стран. Встречали его пышно. Ведь до этого члены царствующих европейских домов еще никогда не посещали Японию. Визит льстил самолюбию японцев, и они всячески старались угодить наследнику и его свите. Для него строили арки с надписью “Добро пожаловать” на русском языке, повсюду вывешивали русские флаги, исполняли традиционные самурайские танцы и т.п. Николай катался на рикше, покупал сувениры и произведения искусства, посещал буддийские храмы, наслаждался блюдами изысканной японской кухни. По примеру русских морских офицеров с кораблей, стоявших в японских портах, он даже захотел обзавестись временной женой. Такие браки “по контракту” были распространены в ту пору в Японии. К тому же он только что прочитал душещипательный роман Пьера Лоти “Мадам Хризантема” про “любовь по-японски”. Но наступившая Страстная неделя помешала исполнению желания наследника, которому было тогда всего 23 года. Однако некоторые шалости он себе все же позволил. На “Память Азова” тайно пригласили двух японских мастеров татуировки. Только в Японии владели тогда секретами цветных рисунков на коже. И будущий император России украсил свою правую руку красивым изображением дракона с красным брюхом и зелеными лапками. Впрочем, до него такую же вольность позволили себе побывавшие в Японии английские принцы Альберт и Джордж. 11 мая Николай отправился в город Оцу, около самого большого в Японии озера Биву. На всем пути его коляску усиленно охраняли. Полицейские стояли через каждые 18 метров. Однако охранять кортеж было в японских условиях непросто. Этикет запрещал поворачиваться к августейшим особам спиной, и полицейские не могли следить за толпой. А потому никто сразу не смог помешать, когда один из полицейских неожиданно подскочил к коляске и ударил Николая саблей. Она скользнула по полям котелка и задела лоб. Второй удар тоже пришелся по касательной. Наследник выскочил из коляски и побежал. Только тогда нападавшего скрутили. Японцы ужасно перепугались. Они опасались, что

Россия в отместку за покушение на будущего императора сразу объявит им войну. Раздавались даже призывы переименовать город Оцу, поскольку его название было опозорено. Вокруг гостиницы, куда поместили раненого Николая, все ходили на цыпочках. Впрочем, рана оказалась несерьезной, хотя позднее Николай часто страдал головными болями. Никаких требований о компенсации Россия не выдвинула, хотя не исключено, что инцидент потом сказался на отношении царя к японцам. По свидетельству Витте, Николай в годы войны 1905 года часто называл японцев “макаками”. Полицейского, который напал на наследника, звали Цуда Сандзо. Выяснилось, что у него было не все в порядке с психикой, что не помешало дать обидчику русского наследника пожизненный приговор. Отсидеть его он не успел и подозрительно быстро умер за решеткой. А вот двум рикшам, которые спасали Николая, повезло: Россия назначила им пожизненную пенсию в размере тысячи иен, что равнялось годовой зарплате члена парламента. В Петербурге тоже очень огорчились, когда узнали о покушении. В храмах молились за здоровье цесаревича, а поэт Апухтин даже сочинил стихи: Ночь опустилась. Все тихо: ни криков, ни шума... Не дремлет царевич, гнетет его горькая дума: “Боже, за что посылаешь мне эти страданья? В путь я пустился с горячею жаждою знанья: Новые страны увидеть и нравы чужие... О, неужели в поля не вернусь я родные? Ты мои помыслы видишь, оправедный Боже! Зла никому я не сделал... За что же, за что же?” И даже известен факт о том, что Церковь Богоявления на Гутуевском острове (Санкт-Петербург, ул. Двинская, 2) была построена в 1881–1899 г. в память о чудесном спасении цесаревича Николая» [Фразеологический... 2003, с. 49].

Это неллицеприятный факт из русско-японских отношений, однако именно после этого инцидента в русском языке, по мнению А.А. Легостаева и С.В. Логинова, возникло устойчивое выражение *японский городской*.

Существует и другая версия появления этого выражения, согласно которой причиной его активного употребления в речи русских людей стала

вовсе не история с полицейским Сандзо, а рассказ Николая Лейкина (1841–1906) «Случай в Киото», опубликованном в журнале «Осколки» в 1905 г. Герой рассказа, японский полицейский, ждет распоряжения начальства, в то время как в реке тонет маленький ребенок. По некоторым чертам в японском полицейском угадывается черты русского городского (сабля, которую японские полицейские никогда не носили, свисток, усы, которые почти не растут у японцев и т.п.).

Вначале рассказ был воспринят цензурой как сатира на японские порядки, которой были полны российские издания периода Русско-японской войны (1904–1905 гг.), уже использовавшие историческую фигуру «японского городского» Цуда Сандзо, совершившего покушение на жизнь будущего императора Николая II в Японии. Но после огромного успеха рассказа у публики, эзопов язык которого не помешал понять, против кого направлена сатира, рассказ был запрещен. Цензор Святковский докладывал: «Статья эта принадлежит к числу тех, в которых описываются уродливые общественные формы, являющиеся вследствие усиленного наблюдения полиции. По резкости преувеличения вреда от такого наблюдения статья не может быть дозволена». Комитет определил «Статью к напечатанию не допускать» (Бурносков Ю. «Революция. Японский городской»).

В результате устойчивое словосочетание *японский городской* стало очень употребительным в названии проявления солдафонства, чиновничьего произвола в России в начале XX в. Например, Леонид Андреев в 1916 г. в письме актрисе Н.А. Антоновой так характеризует одного из цензоров: «Что за пародия на человека, этот N! Это унтер Пришибеев наших дней, этот японский городской» (URL: <https://www.tver.kp.ru/daily/26526.3/3542923/>).

Любопытной оказалась не только история возникновения фразеологизма *японский городской*, но и его нынешнее употребление носителями русского языка. Сейчас это выражение является стилистически сниженным и употребляется в жаргонах, сленге как междометие, эвфемизм.

Фразеологизмы *япона мама*, *японский бог*, *японский городской* получили свое второе рождение и сейчас активно употребляются в речи русского человека не только в качестве эвфемизмов, но и как символ Японии и всего японского. Связано это с возросшей популярностью японской культуры, а в особенности японской кухни, как по всему миру, так и в России. Почти в каждом крупном городе нашей страны мы можем встретить ресторан или что-то вроде кулинарии с доставкой еды на дом с такими названиями, как ресторан «Японский городской» в Москве, суши-бар «Японамама» в Твери, ресторан «Япона мама» в Усть-Илимске и т.д. Такой своеобразный прием имиджмейкеров и рестораторов, в котором используется сочетание давно известного выражения (фразеологизма) с господствующей экзотичностью современного образа Японии в сознании среднего носителя русского языка, дает свои результаты, и учреждения общественного питания с «благозвучным» названием «Япона мама» или даже возможны варианты «Япона папа» (В ближайшее время ожидается открытие еще одного ресторана из японской семьи – «Япона Папа», я туда обязательно пойду, потому что, несмотря на модные тенденции, восточная кухня мне продолжает нравиться ([URL:http://cooking.ru/eat/restaurants/](http://cooking.ru/eat/restaurants/))) активно увеличивают свое число и занимают не последние места по темпам развития сетей общественного питания в России.

Как было установлено в ряде наших работ, «жаргонный характер имеют и другие фразеологизмы, содержащие в своем составе этноним *японец* и его производные. Например, в “Толковом словаре русского сленга” В.С. Елистратова зафиксированы, кроме уже названных, фразеологизмы *японский разведчик (шпион)*, *чума японская*. Первый фразеологизм имеет варианты: “**Китайский (японский) разведчик (шпион)** – хитрый, загадочный человек; излишне бдительные отец или мать (в речи подростков)” [Елистратов 2010, с. 174]. На возникновение этого фразеологизма повлияли политические процессы 30-40-х гг. XX в., когда людей осуждали по политическим статьям как иностранных шпионов, в том

числе японских. Еще один фразеологизм, отраженный в этом словаре, – *чума японская*. Этот фразеологизм тоже имеет варианты компонентного состава: “**Чума (или чума японская, чума на лыжах и т.п.)**. 1. Сумасшедший; слишком энергичный, непоседливый человек. 2. В знач. межд. и сказ. Выражает любую эмоцию. Опять на работу, ~ ! (не хочу). Фильм – ~ ! (очень хороший или очень плохой, в зависимости от ситуации). 3. Наркотик; реже – спиртное” [Елистратов 2010, с. 470]» [Попова, Казанцева 2017, с. 60].

«Большой словарь русских поговорок» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной включает в свой состав выражение *На японце майку съем!*: «Жарг. мол. Клятва в истинности сказанного, в нерушимости данного слова» [Мокиенко 2008, с. 774]. По нашему предположению, экзотический смысловой оттенок, имеющийся в русском языковом сознании в этнониме *японец*, послужил поводом для его возникновения.

В «Словаре тысячелетнего русского арго» М.А. Грачева зафиксированы жаргонные фразеологизмы *танго японское* («название карточной игры» [Грачев 2003, с. 894]), *грамота японская* («тайнопись преступников» [Там же, с. 213]). Включение слова *японская* в состав последнего фразеологизма можно объяснить непонятностью японского письма для русских.

Анализ языкового материала и экстралингвистических фактов позволяет нам сделать следующие выводы: «Круг предметов, называемых японскими в русской фразеологии, весьма обширен. Устойчивые выражения с этническим компонентом *японец* и производными от него активно употребляются в современной русской речи как жаргонизмы, в том числе жаргонные эвфемизмы. В этих фраземах, называющих реалии русской жизни, отражено, главным образом опосредованно, восприятие носителями русского языка Японии и ее жителей как далекого, экзотического мира» [Попова, Казанцева 2017, с. 60].

§3. Образ Японии в современном сознании носителя русского языка (на материалах «Русского ассоциативного словаря»)

Важным компонентом в процессе описания национально-культурной специфики языкового сознания является анализ данных ассоциативных словарей русского языка, в которых отражены представления среднестатистического носителя о явлениях окружающей действительности.

По словам А.В. Кирилиной, «ассоциативные словари представляют собою словари дескриптивного типа (описательные), они относятся к антропоцентрированным лексикографическим источникам» [Кирилина 1993, с.10-11].

А.А. Леонтьев отмечает, что методом, «с наибольшей объективностью позволяющим вскрыть “культурную” специфику словарных единиц, вскрыть те побочные, непосредственно не релевантные для общения семантические связи, которые имеет данное слово, его семантические “обертоны”», является «ассоциативный эксперимент, а ближайшим источником данных на этот счет – словарь ассоциативных норм» [Леонтьев 1977, с. 14]. Ассоциативные словари представляют собой источник уникальной лингвистической и паралингвистической информации, являясь уникальным материалом для выдвижения и проверки статистических гипотез [Там же, с. 10].

Н.В. Уфимцева подчеркивает тот факт, что словарь ассоциативных норм воссоздает «фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов» [Уфимцева 1996, с. 14].

Ассоциативные словари составляются на основе экспериментов, суть которых заключается в том, что испытуемому предлагается отреагировать на какое-либо слово-понятие (стимул) одной или несколькими лексемами. Объединение лексем (реакций) образует в итоге ассоциативное поле

заданного понятия. Ассоциативное поле, в свою очередь, используется лингвистами в процессе семантизации значений лексических единиц и заключенных в них вербализованных субъективных переживаний говорящего на данном языке народа.

Лексемы «Япония» и «японский» представлены в «Русском ассоциативном словаре» пятьюдесятью одной и сорока шестью реакциями соответственно.

«ЯПОНИЯ: страна 24, солнце 7, остров 5, техника 4, электроника 4, Токио 3, узкоглазый 3, Германия 2, качество 2, кимоно 2, Китай 2, маленькая 2, самурай 2, страна восходящего солнца 2, страна солнца 2, японцы 2, Japan 1, Sony 1, большая 1, Брюс ли 1, в средние века 1, вишни 1, восходящее солнце 1, гибония 1, далекая 1, класс 1, компьютерный век 1, косые глаза 1, красивая 1, кусок земли посреди океана 1, люди маленького роста с узким разрезом глаз 1, магнитофон 1, маленькая страна 1, маленький 1, Мао Дзе Дун 1, машины 1, нет жизни 1, облик глаза техника 1, организация 1, острова 1, развитая 1, рис 1, самурай 1, страна высокой культуры 1, телевизор 1, узкие глаза 1, узкоглазые 1, умная 1, умные 1, ЭВМ 1, японцам 1» [Русский ассоциативный... 2002, т. 1, с. 779].

«ЯПОНСКИЙ: язык 25, магнитофон 13, телевизор 7, бог 6, видеомагнитофон, городской, кимоно, компьютер, корейский, мотоцикл, остров, русский, стиль 2; аппаратура, вещь, видак, волк, гороскоп, дешевый, дзен-буддизм, дорого, житель, зонт, зонтик, камин, китайский, классный, косой, край, не знаю, образ жизни, острова, островной, передовой, принц, развитие, сакура, самурай, танкер, твой городской, узкий, узкоглазый, хин, Шарп, японка 1; 103 45 2 32» [Русский ассоциативный... 2002, т. 1, с. 779].

По нашему мнению, лексемы, составляющие ассоциативное поле стимула *Япония*, условно можно разделить на две группы: ассоциации, связанные в сознании носителя русского языка с положительным

восприятием этой страны, и ассоциации, заключающие в себе негативное отношение русских к Японии.

В центре ассоциативного поля лексемы *Япония* находятся понятия, которые можно объединить на основе общего компонента значения «геополитический объект»: *страна, остров, Токио, Китай*.

Реакцию *страна* в ассоциативном ряду лексемы *Япония* объясняет тот факт, что *Япония* в лингвокультурном сознании русских представляет собою «территорию, выделяемую по географическому положению и природным условиям», «государство» [Ожегов 2005, с. 1011].

Появление лексемы *остров* обусловлено возникновением ассоциаций в связи с расположением *Японии* на островах, *Япония* представляет собой островное государство. *Токио* же в сознании русского человека ассоциируется с образом *Японии* прежде всего как столица этого государства. Надо заметить, что эти реакции входят в ядро ассоциативного поля лексемы *Япония* и составляют одну из сторон облика страны как геополитического объекта в языковом сознании среднестатистического носителя русского языка следующим образом – «страна, расположенная на островах, со столицей в *Токио*». Эта информация общего плана о *Японии*, которой обладает большая часть русских, так как реакции *страна, острова, Токио* находятся в ядре ассоциативного поля рассматриваемой лексемы.

В вербально-ассоциативной сети слова *японский* на первом месте находится лексема *язык*. Она может быть причислена нами к реакции, обусловленной общим представлением русских людей о *Японии* как о стране, жители которой разговаривают на японском языке, который, в свою очередь, имеет статус государственного.

Ряд иных реакций, такие как *Германия, Китай*, в своем отношении к слову-стимулу *Япония* имеют, судя по всему, опосредованный характер. Так, ассоциация *Германия* привязана к образу *Японии*, скорее всего, на основе союзничества этих государств в борьбе за передел мира в ходе Второй мировой войны, ввиду общих интересов *Японии* и *Германии*. *Германия* и

Япония были главными врагами СССР во Второй мировой войне. Лексема *Китай* в ассоциативном ряду, хотя и находится в ядре ассоциативного поля рассматриваемого понятия, скорее всего связана с тем, что у русских было всегда недостаточно информации о Японии в силу неразвитости культурных, политических и экономических контактов, а Китай как геополитический объект, расположенный в одном азиатско-тихоокеанском регионе, воспринимается среднестатистическим носителем русского языка как соседнее близкое по расположению государство и, в силу этого, схожее в культурном и иных отношениях с Японией государство. Реалии из жизни и культуры китайцев переключивались в представления русских о Японии. Это в какой-то мере взаимозаменяемые образы в русском лингвокультурном сознании.

В ассоциативном поле лексемы *Япония* нами была выделена целая группа реакций, среди которых можно обозначить экзотизмы и слова-реакции, обусловленные тем фактом, что в русской культуре и литературе существует художественное восприятие этой страны, основанное на поэтизации как образа в целом, так и отдельных мотивов, связанных с Японией: *солнце, кимоно, самурай, страна восходящего солнца, восходящее солнце*, словосочетание *в средние века, далекая, красивая, самурай*; а в ассоциативном поле лексемы *японский* такие реакции, как: *дзен-буддизм, сакура, принц*. Большая часть выделенных нами слов, обозначающих реалии из жизни японцев, вошла в лексикон русского человека в начале XX века.

Ассоциации со словом *солнце* на слово-стимул *Япония* повторяются в вербально-ассоциативной сетке лексемы чаще остальных реакций. Ассоциация с солнцем – одна из частотных для ассоциативного ряда. Кроме того, реакции *солнце, страна восходящего солнца, восходящее солнце* – это реакции, которые находятся в ядре ассоциативного поля лексемы, а значит, в сознании представителя русской лингвокультурной общности имеют значительный вес в истолковании «обертонов» образа Японии. В сознании

русского человека Япония непременно отождествляется с солнцем – это Страна восходящего солнца.

Страна восходящего солнца – образное выражение, которое в русском языке стало метафорическим перифразом официального названия страны. История этого перифраза изложена Вс. Овчинниковым в книге «Ветка сакуры»: *«Именно под этим именем Япония впервые дала о себе знать западному миру со страниц книги Марко Поло. В главе “Здесь описывается остров Чипингу” путешественник приводит название, которым китайцы обозначали острова, лежащие к востоку от восточного края земли. Слово, которое прозвучало для Марко Поло как Чипингу, пишется тремя иероглифами “жи-бэнь” на диалектах Южного Китая произносятся как “я-пон” (такое звучание и перешло потом в европейские языки), а по-японски читаются как «ниппон» (как раз это слово и утвердилось официальным названием японского государства вместо древнего имени Ямато)»* (Вс. Овчинников. «Ветка сакуры»).

Все эти образы Японии, возникшие в русском языковом сознании в начале XX века, стали знакомы большому количеству русских и на данный момент, о чем свидетельствует состав ассоциативного ряда лексем *Япония* и *японский*, отраженный в «Русском ассоциативном словаре», продолжают свое функционирование в лексике современных носителей.

Пожалуй, самой массивной по количеству лексем, содержащихся в вербально-ассоциативной сети стимулов *Япония* и *японский*, является группа ассоциаций, основанных на представлениях русских о Японии как о высоко технологически развитой стране. Сюда войдут следующие слова-реакции из ассоциативного поля лексемы *Япония*: *техника, электроника, качество, класс, компьютерный век, магнитофон, машины, техника, организация, развитая, современная, телевизор, умная, умные, ЭВМ, Japan, Sony*; из ассоциативного поля лексемы *японский*: *магнитофон, телевизор, видеомангнитофон, компьютер, мотоцикл, аппаратура, вещь, видак, Шарп*.

К 80-90-м годам прошлого века Япония сумела прочно закрепиться на втором месте по экономическому развитию в мире, уступая только США. Этому во многом способствовало японское «экономическое чудо», благодаря которому экономика Японии стала одной из лидирующих в мире и продолжает оставаться таковой на современном этапе развития. В стране с 50-х годов прошлого столетия мощными темпами начало развиваться производство. Производимый и экспортируемый товар поступал из Японии в Россию (тогда Советский Союз), его высокое качество не могло не удивлять потребителей. Это твердо закрепило доверие к производимым вещам и товарам из Японии. Всемирно известные торговые марки Сони и Шарп стали ассоциироваться в сознании русского человека с Японией.

В ассоциативном ряду лексемы *японский* встречаются реакции *зонтик* и *зонт*. Эти лексемы связаны в лингвокультурном сознании русского человека с тем, что в Советском Союзе примерно в 70-е годы XX в. были невероятно популярны зонты японской фирмы «Три слона». Высокое качество товара из Японии до последнего времени не забыто российскими потребителями. В газете «Коммерсант» от 30 сентября 1995 года в рубрике «Культура. Рынок услуг. Зонты» автор отмечает следующее: «*Среди стран, поставщиков зонтиков среднего уровня доминируют Англия, Германия и, конечно, Япония. Наиболее популярны фирмы – немецкая Harry Rain, английская Fulton Umbrellas и японская Tri Slona (на бирке написано “самый лучший зонтик”)*» («В магазинах появились зонтики...» 30.09. 95).

Совсем иного толка смысловой ряд образуют следующие ассоциации: *узкоглазый, косые глаза, люди маленького роста с узким размером глаз, маленький, глаза, узкие глаза, узкоглазые*. Все они, представляя собой характеристику отличительных внешних данных японцев, обладают отрицательной коннотативной окраской, в них выражено пренебрежительное отношение носителей русского языка к Японии и японскому этносу в целом. Такие внешние черты азиатской внешности, как узкий разрез глаз и невысокий рост, всегда воспринимался представителями

европейских наций, в том числе и русской, как нечто такое, что заведомо ставит азиатов на ступень ниже европейцев. Приемы, целью которых является выработка и культивирование презрения к представителям «другого» народа, обычно применяются в период информационных и иного рода войн с целью утверждения морального превосходства над противником. В основе создания такого отрицательного образа страны или народа, как правило, лежит уже имеющийся стереотип восприятия той или иной нации. В данном случае ряд лексем ассоциативного поля *Япония* и *японский* содержат стереотипизированные элементы сознания русского человека в восприятии японской нации, основой для которых стали особенности внешности японцев: узкий разрез глаз, небольшой рост и другие.

Они, по всей видимости, переключались в сознание современных русских из периодов, когда в отношениях между Россией и Японией наблюдались конфликты и недопонимания (периоды вооруженных конфликтов между Россией и Японией).

Но заметим, что и для сознания современного русского человека реакции, указывающие на особенности внешности представителей японской нации, не потеряли своей актуальности, так как лексема *узкоглазый* находится в ядре ассоциативного поля стимула *Япония*. Она присутствует и в ассоциативном поле лексемы *японский*, хотя и не входит в число ядерных реакций.

В представленной в словаре ассоциативно-вербальной сети понятия *японский* обращают на себя внимание лексемы *бог*, *городовой* и выражение *твой городской*. Очевидно, что в ассоциативном ряду и в русском языковом сознании наличие этих лексем можно связать с устойчивыми фразеологическими выражениями *японский городской* и *японский бог*, которые активно функционируют в современном русском языке.

При проведении анализа лексем, образующих ассоциативное поле слов-стимулов *Япония* и *японский*, нам удалось установить связь между

лексическими единицами и детерминирующими их экстралингвистическими факторами. Образ Японии в сознании носителя русского языка репрезентуется несколькими ЛСГ, среди которых, помимо выделенных нами по итогам анализа других источников, можно отметить группу ассоциаций, основанных на представлениях русских о Японии как о высоко технологически развитой стране. Это новый компонент образа Японии, объяснить наличие которого позволяет экстралингвистический контекст: развитие в стране производства, японское «экономическое чудо», благодаря которому экономика Японии стала одной из лидирующих в мире и продолжает оставаться таковой на современном этапе развития.

§4. Образ Японии по результатам направленного ассоциативного эксперимента

Современная лингвистическая наука проблему описания семантики слова и реализуемого им в языковом сознании образа рассматривает не только как анализ значений, зафиксированных в толковых словарях русского языка, значение языковых единиц как факторов языкового сознания описывается во всей полноте их объема, единстве ядерных и периферийных компонентов. По мнению И.А. Стернина, в слове следует разграничивать два типа значений – «значение, представленное в толковом словаре, и значение, представленное в сознании носителя языка» [Стернин 2018, с. 6]. Как отмечает ученый, «значение, фиксируемое в толковых словарях, создается лексикографами в соответствии с принципами редукционизма, то есть минимизации признаков, включаемых в значение» [Там же, с. 6]. В связи с этим целесообразно говорить о выделении наряду с лексикографическим значением слова еще одного типа значения – психолингвистического.

По мнению И.Г. Овчинниковой, лексикографическое значение подразумевает словарное толкование, а психолингвистическое значение включает интерпретацию экспериментальных данных, за счет которых

можно более точно установить дополнительные смыслы в сознании носителей языка [Овчинникова 2009].

Как отмечает И.А. Стернин, «психолингвистическое значение всегда шире и объемней, нежели его лексикографический вариант» [Стернин 2011, с. 8]. «Антропоцентрический подход в современной лингвистике актуализировал использование антропометрических методов в языкознании. Антропометрические методы получили широкое распространение в современных семантических, когнитивных, психолингвистических, лингвокультурологических исследованиях. Исследование психологически реального обыденного языкового сознания носителя языка, описание психолингвистического значения слова возможно осуществить посредством антропоцентрических методов – методами лингвистического интервьюирования и экспериментальными методами разного типа» [Виноградова, Стернин 2016, с. 31].

Психолингвистическое значение слова в науке устанавливается путем лингвистических исследований, таких как: лингвистическое наблюдение, лингвистический эксперимент и лингвистическое интервьюирование (опрос).

С целью исследовать психолингвистическое значение лексем *Япония* и *японец* как элементов языкового сознания носителей русского языка, нами был проведен направленный ассоциативный эксперимент.

В ходе эксперимента участникам было предложено ответить на вопросы в атрибутивной форме (КАКОЙ?) по следующей инструкции: «Просим вас принять участие в психолингвистическом эксперименте. Просим вас ответить на вопросы первыми тремя пришедшими в голову словами. Ваши ответы будут считаться правильными. Спасибо!».

Нашей целью было получение данных для их последующего анализа к словам-стимулам *Япония* и *японец*, но для чистоты проведения эксперимента в анкете были предложены помимо интересующих нас стимулов другие, так называемые фоновые стимулы, среди которых: *Германия – немец, Америка –*

американец, Россия – русский, Африка – африканец, Европа – европеец и Азия – азиат.

В направленном лингвистическом эксперименте приняли участие студенты высших учебных заведений города Липецка (Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского и Липецкого государственного технического университета) в возрасте от восемнадцати до двадцати двух лет. Всего было опрошено сто семьдесят студентов.

На основе проведенного нами лингвистического интервьюирования была составлена ассоциативная цепь реакций:

«Япония – цветущая 28, сверхсовременная 17, развитая 17, высокотехнологичная 17, красивая 17, маленькая 17, солнечная 16, богатая 15, инновационная 10, обособленная 10, продвинутая 10, сакура 10, загадочная 7, традиционная 7, розовая 7, далекая 6, прогрессивная 6, красочная 6, культурная 5, яркая 5, технологичная 4, боевые искусства 4, высокоразвитая 4, процветающая 4, многолюдная 3, суши 2, страна роллов и суши 2, современная 2, самая прогрессивная 2, опасная 2, красочная 2, высокоразвитая 2, модернизированная 2, вулканическая 2, интересная 2, развивающаяся 2, утонченная 2, изящная 2, чистая 2, большая 2, однонациональная 2, передовая 2, восходящее солнце 2, самобытная 2, большая 2, разная 2, островная 2» [Попова, Казанцева 2020, с. 43].

Результаты направленного лингвистического эксперимента, семантика языковых единиц, полученных в качестве реакций на слово-стимул *Япония*, позволили нам говорить о трех основных смысловых компонентах образа *Японии* в русском языковом сознании.

Мы наблюдаем количественное преобладание ассоциаций с семантическим компонентом, актуализирующим в современном языковом сознании носителя русского языка образ Японии как экзотической страны со своеобразной культурой и необычной природой. Данную группу реакций составили следующие: *цветущая, красивая, солнечная* (ядерные реакции);

сакура, загадочная, розовая, далекая, красочная, яркая, культурная, традиционная, утонченная, изящная, восходящее солнце, самобытная, боевые искусства, суши, страна роллов и суши, разная.

Среди 47 реакций на долю реакций данной группы приходится 19, три из которых являются ядерными. Они значительно преобладают в общем количестве лексем. Поэтому, на наш взгляд, в русском языковом сознании восприятие Японии связано прежде всего с художественным образом этой страны, воссозданном авторами поэтических произведений Серебряного века. Реакция *цветущая* образует с другой реакцией ассоциативного ряда ассоциативную пару *цветущая сакура*. Этот ряд можно продолжить дополняющими его реакциями – *розовая, красочная, яркая*. Все они позволяют в сознании носителя визуализировать образ страны, воссоздавая картинку розового, красочного, яркого, цветущего дерева сакуры (японской вишни), являющейся визитной карточкой Японии во всем мире.

Реакции более общего характера *красивая, утонченная, изящная* также могут стать продолжением и дополнением к уже выделенным, но могут трактоваться и в более широком смысле, характеризуя восприятие всей культуры Японии в целом представителями русской лингвокультурной общности.

В русском языковом сознании преобладает и еще одна константа значения лексемы *Япония*. Это значение будет реализовываться реакциями *солнечная* и *восходящее солнце*. Япония традиционно олицетворяет собой страну восходящего солнца, так как находится в самой восточной части земного шара. Восходящее солнце изображено на флаге Японии.

Реакции *культурная, традиционная, самобытная, боевые искусства, суши, страна роллов и суши* из ассоциативного ряда слова-стимула *Япония* представляют собою новый пласт ассоциатов (относительно данных «Русского ассоциативного словаря») русского языкового сознания, обусловленный широким распространением японской национальной кухни в повседневной жизни россиян. В лексическом составе русского языка на фоне

данного явления появились заимствования из японского языка для обозначения явлений японской кулинарии. Например, такие реакции, как *суши* и *роллы*, употребляются в речи носителя русского языка в качестве наименований традиционных блюд японской кухни. Несмотря на широкое употребление данных лексем обывателем, мы можем встретить разночтения в толкованиях их значений: «Суши – это блюдо традиционной японской кухни, основными ингредиентами которого являются рис и различные морепродукты, представленное в виде комочка риса или роллов (суши-рулетов) с начинкой: *Она так любила суши, что ела их на завтрак, обед и ужин*» [Толковый словарь русского языка, электронный ресурс]. Роллы представляют собою обернутые морской капустой рулетики, одним из ингредиентов которых могут быть различные сорта рыбы, но их приготовление не имеет строгих правил по соблюдению ингредиентов, исключающих использование других продуктов, в том числе и вареных овощей и яиц. Поэтому, скорее всего, на данном этапе это более американизированный вариант японской кухни, так как в русский язык данная номинация была заимствована из английского (см. толкование лексемы *ролл* в [Новые слова и значения 2014, т. 3, с. 599]). Ввиду малой освоенности, лексемы *суши* и *роллы* чаще всего употребляются носителями русского языка как однородные понятия. Это можно продемонстрировать на примере интернет-ресурсов с объявлениями о доставке горячих блюд на дом: «Компания “Sushi-City” предлагает заказать суши и роллы в Липецке с доставкой по лучшим ценам. Пицца, суши, роллы в Липецке, доступные на официальном сайте нашего ресторана». Такое употребление мы наблюдаем и на примере ассоциаций из ассоциативного ряда слова-стимула *Япония*. Эти понятия еще недостаточно освоены, поэтому в их употреблении часто встречаются разночтения и ошибки [Казанцева, Попова 2019].

В русском языковом сознании *Япония* имеет еще одну интерпретацию – как страна, знаменитая своими боевыми искусствами, и ее образ сопряжен с лексемами *дзюдо* и *карате* (*каратэ*). Эти лексемы зафиксированы в

«Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина [Крысин 1998]. Широкое распространение имеют названия и других видов боевых искусств, таких как *джиу-джитсу, сумо, кэндо, айкидо* и др. Сюда можно отнести и ассоциативную пару *боевые искусства*. Реакций *культурная, традиционная, самобытная* примыкают к первой группе лексем и дополняют ее в качестве иллюстраций представителей русской лингвокультурной общности как о самобытной и традиционной стране Востока.

Рассмотренные реакции, а также сопряженные с ними бытующие стереотипы русского языкового сознания о Японии можно объяснить рядом частных факторов экстралингвистического характера. В период 1999–2004 годов в России наблюдался «японский бум», то есть сенсационная сумятица, вокруг популярности японской культуры, о которой говорили в октябре 2007 года в ИТАР-ТАСС на конференции с одноименным названием. У россиян появился доступ к различной информации о культуре и жизни Японии, благодаря пропагандистской политике японской стороны.

Еще одна группа реакций, актуализирующая значение слова *Япония* в языковом сознании носителей русского языка как страны с высоким уровнем технического прогресса и, как следствие, высоким уровнем жизни, представлена следующими лексемами: *сверхсовременная, высокотехнологичная, инновационная, продвинутая, прогрессивная, технологичная, высокоразвитая, самая прогрессивная, модернизированная*, а также *богатая, многолюдная, современная, интересная, чистая, передовая*.

В конце XX века Япония встала в один строй с высокоразвитыми индустриальными мировыми державами, прежде всего США. «Высокие технологии из жизни японцев и по сей день вызывают восхищение и немало положительных эмоций у русского человека. На примере данного ассоциативного ряда можно утверждать о наличии в русском языковом сознании представлений о Японии как о стране с высокоразвитыми технологиями, прогрессивной и инновационной, с высоким уровнем жизни,

с современными городами-мегаполисами, чистой и передовой» [Казанцева, Попова 2019, с. 143].

Еще одна группа реакций, составляющая семантически единую общность, состоит из четырех лексем *обособленная, опасная, однонациональная, островная*. Это незначительная группа реакций обращает на себя внимание прежде всего тем, что несет негативный заряд настроений по отношению к Японии. Однако стоит заметить, что в современном сознании носителей русского языка он значительно ослабел и в целом не определяет отношения к представителям японской нации как к вражескому этносу.

Проведенные нами исследования позволили вычислить индексы мелиоративности и пейоративности значения как отношение положительно-оценочных и отрицательно-оценочных ассоциатов к общему числу неединственных ассоциатов:

«Большинство ассоциатов принадлежит к числу мелиоративных: *цветущая 28, развитая 17, высокотехнологичная 17, красивая 17, солнечная 16, богатая 15, инновационная 10, продвинутая 10, загадочная 7, традиционная 7, розовая 7, прогрессивная 6, красочная 6, культурная 5, яркая 5, технологичная 4, боевые искусства 4, высокоразвитая 4, процветающая 4, многолюдная 3, современная 2, самая прогрессивная 2, красочная 2, высокоразвитая 2, модернизированная 2, интересная 2, развивающаяся 2, утонченная 2, изящная 2, чистая 2, большая 2, передовая 2, восходящее солнце 2, самобытная 2, разная 2.*

Пейротивность ассоциаций очень низкая: в список пейоративных ассоциаций однозначно входит только реакция *опасная (2)*.

Есть ассоциации, мелиоративность или пейоративность которых вне контекста неясна: *маленькая 17, обособленная 10, далекая 6, вулканическая 2, однонациональная 2, островная 2*» [Казанцева, Попова 2019, с. 143].

В ходе нашего исследования мы пришли к выводу о том, что потенциальная скрытая оценочность слова-стимула *Япония* будет

проявляться в контекстах как положительная с наибольшей степенью вероятности.

В языковом сознании носителя русского языка Япония предстает необычной, загадочной страной. Наличие таких реакций, как *загадочная* и *разная*, объясняет сложившийся стереотип страны традиционной, где соблюдаются обычаи. И в тоже время Япония – это страна с передовыми технологиями и высоким уровнем научно-технического прогресса. Часто в заголовках и названий мы можем встретить такие формулировки, как «Загадочная Япония», «Разная Япония», в которых отразился стереотип восприятия современными носителями русского языка Японии как **«страны цветущих деревьев сакуры»**, **«страны гейш и самураев»** и **«страны с высоким техническим прогрессом»**, **«страны экономического чуда»**.

Таким образом, анализ психолингвистического значения лексемы *Япония* в русском лингвокультурном сознании позволяет утверждать, что образ этой страны нашими современниками воспринимается неоднозначно. В ее современном образе совмещены традиционализм и абсолютно новый, появившийся лишь в середине прошлого столетия взгляд на Японию как на современную высокотехнологичную страну.

Для того чтобы дать более объективную оценку семантическим составляющим лексемы *Япония*, в ассоциативный эксперимент мы включили еще один стимул *японец*. Ассоциативный ряд, составленный нами по результатам эксперимента, включает 43 реакции.

Японец – маленький 30, трудолюбивый 29, умный 26, узкоглазый 24, хитрый 16, добрый 8, стрессоустойчивый 8, узкие глаза 7, спокойный 6, темноволосый 6, дисциплинированный 5, толерантный 5, быстрый 5, улыбчивый 4, культурный 4, развивающийся 4, своеобразный 3, следующий традициям 3, невысокий 3, богатый 2, красивый 2, приветливый 2, старательный 2, мудрый 2, смелый 2, анимэ 2, агрессивный 2, странный 2, низкого роста 2, сдержанный 2, патриотичный 2, ответственный 2, самурай 2, мелкий 2, забавный 2, точный 2, отаку 2, коммуникабельный 2,

строгий 2, улыбающийся 2, интересный 2, дружелюбный 2, традиция по жизни 2.

Ассоциации условно можно разделить на следующие семантические группы: реакции, связанные со стереотипными представлениями носителей русского языка о представителях японского этноса, и реакции, раскрывающие новые семантические компоненты образа японцев в русском лингвокультурном сознании. Исходя из данного принципа, к стереотипным представлениям отнесем все реакции, кроме *отаку* и *анимэ*. Выделенные нами лексемы представляют собой заимствования из японского языка.

Возможна и иная классификация ассоциаций по тематическим типам связей:

- характеристики внешности (*маленький, узкоглазый, узкие глаза, темноволосый, невысокий, красивый, низкого роста, мелкий*);
- характеристики качеств характера (*трудолюбивый 29, умный 26, хитрый 16, добрый 8, стрессоустойчивый 8, дисциплинированный 5, толерантный 5, быстрый 5, улыбчивый 4, культурный 4, развивающийся 4, своеобразный 3, следующий традициям 3, приветливый 2, старательный 2, мудрый 2, смелый 2, 6, агрессивный 2, странный 2, низкого роста 2, сдержанный 2, патриотичный 2, ответственный 2, забавный 2, точный 2, коммуникабельный 2, строгий 2, улыбающийся 2, интересный 2, дружелюбный 2, с традицией по жизни 2*);
- образ этнического представителя (*анимэ, отаку, самурай*).

Стереотип внешности японцев, сложившийся в восприятии представителя русской языковой общности, никак не изменился с момента первых контактов русских с японцами. Семантика языковых единиц в ассоциативном ряду подтверждает стереотипные представления о японцах: *маленького роста, с узкими глазами, темноволосый*. Что же касается реакций из второй семантической группы, то стоит обратить большее внимание не на семантику лексем, а скорее на их оценочную составляющую. В этой связи можно отметить, что из тридцати одной реакции на лексемы с

отрицательной оценкой приходится только две из них (*хитрый* и *агрессивный*). В целом же образ *японца* в современном языковом сознании носителя русского языка воспринимается достаточно позитивно. Это свидетельствует о постепенном стирании стереотипа агрессивного противника, актуального для языкового сознания русских начала прошлого столетия.

Третья группа реакций несколько по-новому обрамляет образ японца. Ассоциации с такими культурными явлениями из жизни Японии, как молодежная субкультура *отаку*, *анимэ*. Особое место в числе разнообразных субкультур современного общества принадлежит молодежной субкультуре как специфическому, характерному только для этой социальной группы способу поведения, общения, проведения досуга, представления о мире, воплощаемые в особом молодежном образе жизни.

Субкультура *анимэ* представляет собой заимствование из японской реальности. Она, как и любая субкультура, имеет свои законы и особенности. В рамках нашего исследования мы не ставили перед собой задачи подробно охарактеризовать саму субкультуру *анимэ* как японское явление, развивающееся на русской почве.

Таким образом, на более глубоком уровне существующий сегодня в нашей стране имидж Японии характеризуется набором большого числа многослойных и противоречивых компонентов. Анализ психолингвистического значения лексем показал, что образы *Японии* и *японца* нашими современниками воспринимаются неоднозначно. В современном образе *Японии* совмещены такие компоненты, как традиционализм и технократизм. Образ *японца* в современном языковом сознании носителя русского языка воспринимается достаточно позитивно. Это свидетельствует о постепенном стирании стереотипа агрессивного противника, актуального для сознания русских начала XX столетия.

Выводы по второй главе

1. Лексико-семантический и количественный анализ заимствований из японского языка (сплошная выборка была проведена из «Толкового словаря иноязычных слов» Л.П. Крысина [1998] и словаря-справочника по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века «Новые слова и значения» в 3-х томах [2009–2014]) позволил сделать заключение о том, что *образ Японии*, репрезентуемый в русском языке посредством японизмов, представляет собой некий набор стереотипов сознания носителей языка, основными из которых будут следующие: *«страна – родина восточных единоборств»*, *«страна рыбы (суши и роллов)»*, *«страна гейш и самураев»*.

2. В сознании носителей русского языка *образ Японии* представлен достаточно фрагментарно. Он объективируется главным образом лексемами из сферы культуры и спорта. Самыми многочисленными по своему составу и продуктивности употребления в русском языке стали языковые единицы, образующие лексико-семантические группы *«боевые искусства»* и *«культура Японии»*, такие как: *сакура, гейша, кимоно, самурай, синтоизм, икебана, бонсай, каратэ, дзюдо* и др.

3. Стереотип восприятия Японии как *«страны суши и роллов»* связан с бытующим в русском языковом сознании представлением о Японии как о стране, основным продуктом питания жителей которой является рыба и блюда, приготовленные из нее – *суши* и *роллы*. Количество и частотность употребления японизмов в сфере общественного питания постоянно увеличивается

4. Фразеологизмы с этнонимическим компонентом *японец* и производными от него *японский(-ая)*, такие как *япона мама (мать), японский бог, японский городской* и др., относясь к пласту субстандартной лексики русского языка, получили фиксацию в словарях соответствующего типа. Их употребление в художественных произведениях и разговорной речи чаще всего встречается в ироническом контексте.

5. Среди реакций, полученных по результатам направленного ассоциативного эксперимента, преобладают те, которые связаны с бытующим в русской культуре и литературе художественным восприятием Японии, основанным на поэтизации как образа. В языковом сознании носителя русского языка *образ Японии* визуализирован картиной цветущего дерева сакуры (японской вишни). Япония традиционно олицетворяет собою страну восходящего солнца и страну с высокоразвитыми технологиями, прогрессивной и инновационной.

6. Скрытая оценочность слова-стимула *Япония* будет проявляться в контекстах как положительная с наибольшей степенью вероятности на основании того, что большинство ассоциатов, полученных в ходе направленного ассоциативного эксперимента, принадлежит к числу мелиоративных. Пейоративность ассоциаций (*обособленная, опасная, однонациональная, островная*) очень низкая: в список пейоративных ассоциаций однозначно входит только реакция *опасная*. А негативное восприятие Японии сохраняется в современном сознании носителей русского языка лишь как обертоном образа этой страны.

Глава 3. Лексико-семантическая репрезентация образа Японии как объективация стереотипов сознания русского народа и их отражение в текстах различных литературных направлений и жанров

§1. Репрезентация образа Японии в русском языковом сознании на основе анализа текстов XIX–XX вв.

Россия стала проявлять интерес к Японии, начиная со второй половины XVII века, в связи с осуществлением политики территориальной экспансии на побережье Тихого океана. История встречи двух стран (посещение русскими японских берегов и случайные попадания японцев в Россию) насчитывает более ста лет. За это время российское правительство не раз пробовало войти в контакт с «закрытой» Японией, стремясь заключить с ней торговый договор и определить границу между двумя государствами. Но дипломатические отношения были установлены лишь во второй половине XIX века, незадолго до Реставрации Мэйдзи (1868).

Образ Японии, а также японца в русском языковом сознании сформировался под воздействием следующих факторов, с одной стороны, незаинтересованность в установлении тесных торговых и политических контактов со стороны Российского государства, с другой стороны, изоляция Японии, в связи с которыми на протяжении долгого времени Япония оставалась для России далекой экзотической страной, реально знакомой только узкому кругу специалистов из числа дипломатов, ученых или путешественников. «Большинство жителей России не имело представления об этой стране и довольствовалось лишь слухами и домыслами о ней. Следствием этого стало воплощение в образе Японии утопической мечты о «земле обетованной». В русской литературе мы можем встретиться с описаниями, в которых рассказывается о путешествии в «Беловодское царство», то есть в Японию.

Возникновение легенды о Беловодье связано со временем раскола, с неприятием старообрядцами церковных реформ, с поисками «истинного благочестия». История раскола знает «беспоповцев-яникудышников», не признававших ни одной из существующих иерархий священства, а также секту «бегунов», как главную добродетель проповедовавших бегство – от царя и помещика, от попа, армии, от любой власти.

Но скрыться от вездесущего государства, как верил народ, можно только в одной-единственной стране – в сказочном Беловодье. «Первое официальное упоминание о беловодской легенде относится к 1807 году. По всей стране тогда ходили листки, писанные крестьянской рукой называвшиеся “Путешественники”. В них подробно рассказывалось, как добраться до чудесной земли: “<...> Отъ нихъ есть проходъ Китайскимъ государствомъ, 44 дня ходу, черезъ Губань (Гоби?), потомъ въ Опоньское государство. Тамъ жители имеютъ пребываніе въ пределахъ окіяна-моря, называемое Беловодіе. Тамо древа равны съ высочайшими древами. Во время зимы морозы бываютъ необычайные съ рассединами земными. И громы съ землетрясеніемъ немалымъ бываютъ. И всякіе земные плоды бываютъ; родится виноградъ и сорочинское пшено. И въ “Шведскомъ путешественнике” сказано, что у нихъ золота и серебра несть числа, драгоценнаго каменія и бисера драгого весьма много. А оныя опонцы въ землю свою никого не пускають, и войны ни съ кемъ не имеютъ: отдаленная ихъ страна” [Чистов 1962, с. 127]» [Попова, Казанцева 2015, с. 31].

Легенда о Беловодье как о месте, где царит «древнее благочестие», появилась в среде старообрядцев. В XVIII в. было написано сообщение инока Марка из Топозерской обители (Архангельской губернии), якобы побывавшего в «Опоньском (японском) царстве», расположенном на семидесяти больших островах «моря-океана Беловодья». Смутность сведений о Японии того времени проявляется хотя бы в том, что Марк приписывает ее жителям христианство, «ассирийский язык», находит там сорок российских церквей «древлего благочестия»; русские люди, по его

словам, добрались сюда из Соловков через Северный Ледовитый океан. Жизнь в Беловодье ведется праведная, без преступлений, и «светского суда в том Опонском государстве они не имеют, всеми людьми управляют духовные власти». В романе П.И. Мельникова (Андрея Печерского) «В лесах», посвященном жизни староверов Заволжья, игумен Аркадий, посылая Стуколова на поиски Беловодья, почти дословно пересказывает текст инока Марка. См. также следующий фрагмент диалога из этого романа. Первая реплика принадлежит Стуколову, побывавшему в Беловодье:

« – <...> Опять же довольно годов выжил я в Беловодье, там далеко, Опонском государстве ...

– Какое же это государство? Про такое я что-то не слыхивал, – спросил у полонника Патап Максимыч.

– Не мудрено, что про Опонское царство ты не слыхивал, – сдержанно ответил Яким Прохорыч. – То государство не простое, не у всех на виду. Государство сокровенное...» (П.И. Мельников (Андрей Печерский). «В лесах»).

Беловодье и Опонское царство – вторичные номинации Японии, как указано в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера, слово *японский* имело разночтения в произношении. Японское царство, или Япония, в просторечии звучало как *Опонское царство*. Автор словаря в статье *Япония* со ссылкой на произведение П.И. Мельникова приводит прилагательное *опонский*, которое является народной формой к общеупотребительному слову *японский* [Фасмер 1987, т. 4, с. 558]. Как предполагает М. Фасмер, официальное название страны *Япония* пришло в русский язык из западноевропейских языков: «Возможно, через нем. *Japan* “Япония”, но вокализм лучше соответствует франц. *Japon* “Япония”» [Там же]. В определенный промежуток времени в народной среде в качестве номинации «Япония» употреблялись номинации «Опонское царство», «Беловодье». Этиноминативные единицы получили определенное семантическое наполнение «отдаленная страна», «государство не простое, не

у всех на виду», «государство сокровенное», детерминированные рядом экстралингвистических факторов субъективного и объективного характера, такими как вера в существование чистой, неиспорченной церкви, государства, где люди придерживаются идеальных правил, отсутствие достоверных сведений о Японии среди простого народа.

Семантическое наполнение лексемы *Беловодье* связано с прототипическими представлениям русского народа о существующем Рае на Земле. В книге «Звездные раны» Сергея Алексеева говорится следующее: *«Кто и когда в среде раскольников произнес это магическое название земли обетованной, рая земного – Беловодье, за давностью лет установить было невозможно. <...> Филарет, дескать, так и сказал: «Идите и ищите Беловодье, иначе зовомое Звездная Рана. Ведал Господь, что придется истинным рабам Его пострадать во славу Его, и бросил на землю звезду именов Крест Небесный, и где упала она, там и сотворился рай земной для страстотерпцев и великих мучеников, блюдящих древнее благочестие. Промыслил Бог воздать им, но сказал: Ищите и обряцете! Как найдете, так и счастливы станете».<...> Были и третьи приписывающие слова эти огнепальному Авакуму <...> Узрел он в миг последний Богородицу над собою и слова Ее услышал: «<...> Спасешься сам и спасешь всех детей благочестивых, кои не за сатаню Никоном пошли – за Христом Богом. Откроется им земля обетованная, рай земной. Имя ей – Звездная Рана, аще рекут Беловодье» (С. Алексеев. «Звездные раны»).*

Одной из главных причин того, что «сокровенное государство» народное сознание связывало именно с Японией, стала труднодоступность, отдаленность этой страны, отсутствие о ней достоверных сведений.

Таким образом, мы можем утверждать, что в определенный период в русском языковом сознании образ Японии был репрезентован лексическими единицами «отдаленная страна», «государство не простое, не у всех на виду», «государство сокровенное».

Позднее первые русские – Василий Михайлович Головнин («Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1831 годах. С приобщением замечаний его о Японском государстве и его народе») и И.А. Гончаров («Фрегат “Паллада”»), которым выпала возможность лично посетить Японию и познакомиться с ее народом, культурой, обычаями и традициями, – также отмечали ее особенное, отличное от европейского устройство. Рассказывая о Японии, И.А. Гончаров в очерке-путешествий «Фрегат “Паллада”» сравнивает ее с запертым ларцом с потерянным ключом: *«Вот достигается, наконец, цель десятимесячного плавания, трудов. Вот этот запертый ларец, с потерянным ключом, страна, в которую заглядывали, до сих пор с тщетными усилиями, склонить, и золотом, и оружием, и хитрой политикой, на знакомство.< ...> Хоть бы японцы допустили изучить свою страну, узнать ее естественные богатства: ведь в географии и статистике мест с оседлым населением земного шара почти только один пробел и остается – Япония. Странная, занимательная пока своею неизвестностью земля<...>»* (Гончаров И.А. «Фрегат “Паллада”»).

Образ Японии у Гончарова имеет много сходств с образом Беловодья из Сокровенного сказания, созданного старообрядцами. Япония, как и Беловодье, – это одновременно и существующее, и в то же время никому неизвестное, недостижимое государство: *«Вы, конечно, бывали во всевозможных балетах, видали много картин в восточном вкусе и потом забывали, как минутную мечту, как вздорный сон, прервавший строгую думу, оторвавший вас от настоящей жизни? Ну, а если б вдруг вам сказали, что этот балет, эта мечта, узор, сон – не балет, не мечта, не узор и не сон, а чистейшая действительность? – «Где-нибудь на островах, у Излера?» – возразите вы. Да, на островах конечно, но не у Излера, а у Овосавы Бунгоно-ками-сама, нагасакского губернатора. Мы сейчас от него. Не подумайте, чтоб там поразила нас какая-нибудь нелепая пестрота, от которой глаза больно, груды ярких тканей, драгоценных камней, ковров,*

арабески – все, что называют восточною роскошью, – нет, этого ничего не было. Напротив, все просто, скромно, даже бедно, но все странно, ново: что шаг, то небывалое для нас» (И.А. Гончаров. «Фрегат “Паллада”»).

На основе рассмотренного отрывка можно утверждать, что семантическое наполнение образа Японии в русском языковом сознании получает посредством лексем *мечта*, *узор*, *сон*. Лексема *мечта* используется в значении «предмет желаний и стремлений; мысленный образ чего-либо желаемого <...> // О чем-либо неосуществимом, недостижимом» [Словарь современного... 1957, т. 6, стб. 945]. Лексема *сон* реализуется в тексте во втором значении, которое зафиксировано в «Словаре современного русского литературного языка» и является переносным. Это значение слова *сон* за счет содержащихся в нем сем выводит нас на образ мечты: «То, что снится, сновидение. <...> // Перен. о мечте, грезе» [Словарь современного... 1963, т. 14, стб. 259]. Обращает на себя внимание и номинация «чудная сказка», которой автор репрезентует образ Японии в описании.

Таким образом, в очерках путешествий «Фрегат “Паллада”» И.А. Гончарова образ Японии представлен лексическими единицами со сходным семантическим наполнением *страна – мечта*, *страна – сказка*, *страна – сон*.

Еще одно произведение о Японии – «Дневники» св. Николая Японского. Их автор – святитель Николай Японский (1836–1912). На протяжении всего своего пребывания в Японии, то есть с момента прибытия туда в 1861 году и до своей смерти, Николай Японский вел дневники. Они сохранились и были обнаружены в 70-х годах прошлого века. Их след нашел японский профессор К. Накамура, который изучал творчество Ф.М. Достоевского (с Достоевским святитель Николай познакомился в Москве, на открытии памятника А.С. Пушкину в 1880 г., когда приезжал в Россию из Японии). Святитель Николай, по замечанию японской печати, знал историю и культуру Японии лучше многих японцев. Также стоит отметить то, что святитель был чуть ли не единственным христианским

миссионером, обладающим в эпоху Мэйдзи таким глубоким пониманием Японии. О. Николай думал даже о фундаментальном труде по Японии, где она была бы рассмотрена «в географическом, этнографическом и историческом отношении» («Дневники святого Николая Японского»). Однако этот замысел не удалось реализовать. Но сами по себе тексты «Дневников» представляют огромную ценность, потому что в них содержатся множество мыслей святителя Николая не только о делах церковных того времени, но и рассуждения, касающиеся проблем развития нации, истории Японии, и ключевые идеи по вопросам перспектив дальнейшего преобразования страны в связи с выходом Японии из длительного периода самоизоляции.

В основе репрезентации образа Японии в русском языковом сознании в тексте Николая Японского выступает лексема *невеста*: *«Когда я ехал туда, я много мечтал о своей Японии. Она рисовалась в моем воображении как невеста, поджидающая моего прихода с букетом в руках. Вот пронесется в ее тьме весть о Христе, и все обновится... Тогда я был молод и не лишен воображения, которое рисовало мне толпы отовсюду некающихся слушателей, а затем и последователей Слова Божия, раз это Последнее раздастся в Японской стране»* (Там же). Образ Японии представлен номинацией *невеста*. Свои корни он берет из раннего христианства (до разделения). Термин «христова невеста» использовался для описания связи между душой любого человека и Христом. Женщиной «невеста» стала позднее. В Новом Завете образ отношений Христа и Его Церкви в форме отношений Жениха и Невесты был обозначен апостолом Павлом: «О, если бы вы несколько были снисходительны к моему неразумию! Но вы и снисходите ко мне. Ибо я ревную о вас ревностью Божиею; потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою» (Библия 2 Кор. 11:2) [Библия 1968, с. 1269].

Кроме того, образ Церкви под символом благочестивой жены созерцал Евангелист Иоанн Богослов: «И явилось на небе великое знамение: жена,

облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд. Она имела во чреве, и кричала от болей и мук рождения» (Библия Откр. 12:1) [Библия 1968, с. 1335].

Исходя из всего вышесказанного понятно, что именование Церкви Невестой Христовой предполагает следующее осмысление: «как союз жениха и невесты строится на основе любви, так и союз Христа и Его Церкви имеет в основе любовь; как любящий муж не лишает жену попечения и заботы, так и Христос не оставит Своей Церкви: “и се, Я с вами во все дни до скончания века”» (Библия Мф. 28:20)[Библия 1968, с. 1053].

Таким образом, Япония, неизвестная тогда еще святителю Николаю, в русском языковом сознании представляет собой будущую православную страну, народ которой окажется под опекой православия. В этом заключалась суть православной миссии Николая Японского, где он до последнего мига своей жизни занимался миссионерской деятельностью.

В другом отрывке повествования святитель использует лексему *чудно*, выражая свои воззрения по поводу устройства страны: «*В этой 35-миллионной империи крайнего востока все как-то чудно, все не по-нашему, но вместе и не по-восточному*» («Дневники святого Николая Японского»). Япония предстает как страна *чудесная, загадочная и необычная* для русского человека, что опять же связано с проповедническими ожиданиями святителя Николая и оправдано малой изученностью, неизвестностью истинных порядков в стране, особенностей народа, населяющего его.

Проведенный анализ текстов произведений XIX века позволяет сделать вывод о том, что в качестве лексических репрезентантов образа Японии в русском языковом сознании, можно выделить лексемы с общим семантическим компонентом *недосягаемая, малодоступная страна; волшебная, чудесная сказка, страна-мечта, страна-сон, страна православной надежды*.

Крайняя степень идеализации, утопические представления о *земном рае, стране православных надежд*, загадочность и сказочность образа

Японии основаны, прежде всего, на крайне скудной информации о дальневосточном соседе России.

Начало XX века ознаменовано проникновением восточной культуры в отечественную литературу. Ориентальное направление в искусстве, включающее в себя совокупность мотивов и стилистических приемов восточного искусства, исторических и бытовых сюжетов Востока в культурах европейского типа, нашло безусловное отражение в отечественной литературе, способствовало знакомству русских людей с экзотической культурой, в том числе культурой Японии. В больших городах, прежде всего в Петербурге и в Москве, даже у не очень богатых людей, в моду вошли японские кимоно, ширмы, веера, гравюры укие-э, свитки как эмоно, лакированные шкатулки. Яркий пример этого – описание будуара Софьи Петровны Лихутиной, героини романа классика русского символизма Андрея Белого «Петербург». Японские атрибуты будуара героини, которую еще один персонаж называет, правда с негативной окраской, «японской куклой» («Если я – красный шут, вы – японская кукла!»), даны в романе именно как примета времени, как характерная черта петербургской семьи «среднего класса» в 1905 году: *«На стенах японские веера, кружева, подвесочки, банты, а на лампах: атласные абажуры разведали атласные и бумажные крылья, будто бабочки тропических стран. <...> Софья Петровна Лихутина на стенах поразвесила японские пейзажи, изображавшие вид горы Фузи-Ямы. <...> Когда Софья Петровна Лихутина в своем розовом кимоно по утрам пролетала из-за двери к алькову, то она была настоящей японочкой* (А. Белый. «Петербург»).

На русских художников и писателей Япония воздействовала почти исключительно опосредованно – через Европу. Экзотический образ Японии, существовавший тогда в Европе и нашедший свое отражение в первом произведении о Японии «Госпожа Хризантема» (1887) Пьера Лоти, был привнесен в русскую культуру. Недолгое время прожив в Японии, Лоти создал роман, основой которого стали его личные впечатления и восприятие

Японии. По замечанию В. Молодякова, «Лоти находился просто в “идеальных” обстоятельствах, чтобы не увидеть “настоящей” Японии. Нагасаки, причем квартал прилежащий к порту и обжитой европейцами, для него – вся Япония, *чайный домик* – вся японская жизнь, *девушка-“мусмэ”* – все японки (а может, и все японцы как нация) <...>. Лоти вполне довольствовался тем, что увидел, и описал это в меру своих способностей. Европейскому обывателю на тот момент в общем-то ничего другого и не требовалось. За первые пять лет “Госпожа Хризантема” выдержала двадцать пять изданий только во Франции. Издательство В.М. Саблина, одно из крупнейших в дореволюционной России, открыло полное собрание сочинений Лоти именно этим романом» [Молодяков 1996, с. 41]. Именно такой *экзотический образ Японии* в языковом сознании носителей русского языка был сформирован на основании культивирования интереса к японской традиционной культуре и жизни в широких массах носителей русского языка рассматриваемого периода: *«Сегодня мы не пойдем гулять; мне хочется остаться вот так лежать и слушать самисэн моей мусме. До сих пор я всегда писал гитара, дабы избежать экзотических терминов, в злоупотреблении которыми меня и так упрекают. Но ни слово гитара, ни слово мандолина не дают представления об этом тоненьком инструменте с длинным-длинным грифом, издающем высокие ноты, еще жеманнее, чем стрекот кузнечиков; с этого момента я буду писать самисэн. А мою мусме я стану называть Кику, Кику-сан; это имя подходит ей гораздо больше, чем Хризантема, которое хотя и точно переводит смысл слова, но не передает его причудливого звучания.*

Итак, я говорю Кику, моей жене:

– Поиграй, поиграй для меня; я останусь здесь и весь вечер буду тебя слушать» (П. Лоти. «Госпожа Хризантема»).

Важное значение имеет семантическое наполнение лексических единиц и образуемых ими лексико-семантических группы, посредством которых в русском языковом сознании репрезентуется образ Японии.

Первую группу составляют лексические единицы-номинации природных явлений, образы живой и неживой природы: *вишня, солнце, цапли, храмы, бамбуковые рощи, море, месяц, горы, жемчуг, ирис, чайные дома, хризантемы, цветущие сливы, журавли* и др. Вторую группу составляют японизмы (экзотизмы, варваризмы, топонимы и др.): *самурай, гейша, кимоно, майко, сямисен, оби, бонса, гонг, Ниппон, Нихон, Фуджи-Яма, нипонская княжна, Камакура, Будда, Хаконеи* др.

Национальная культура Японии в стихотворениях Константина Бальмонта («Гейши» (1916), «Самурай» (1916), «В Камакуре» (1924)) представлена большим количеством заимствований из японского языка (варваризмами и экзотизмами), а также японскими топонимами. Лексемноминации природы, японских женщин, самураев и храмов Японии использованы в качестве средств воссоздания уклада и традиций японского народа: «**Бамбуковые рощи, Бамбуковые рощи, / Буддийский храм. / О, что же, сердце, проще? / Предай себя богам. / <...> И чары вишни / В цвету – велики. / <...> Среди той природы, / Где Фуджи-Яма, / Есть переходы / Немого храма. / От тучек дымных / До мест, где воды, / В безгласных гимнах / Весь лик природы. / От самурая / До земледела / Все сердце края / Здесь песнь пропело. / Та песнь – создание / Страны красивой / И расцветанье / Дерев над нивой. <...> Ниппон в бессмертных / Веках сияет, / Иноплеменных / Ярма не знает. <...> В стране японца, / Где люди – пчелы, / Где ярко Солнце / В свой час веселый» (К.Д. Бальмонт. «Буддийский храм»). Экзотические наименования явлений из жизни Японии (*гейша, кимоно, самурай* и ряд других) в русском языковом сознании создают образ таинственной и загадочной страны. Лексемы *кимоно, оби* («пояс для кимоно»); *майко* как воплощение японской экзотики организуют сюжеты лирических произведений, например, в поэтическом мире Веры Клюевой и ее стихотворении «Майко»: «**Кимоно** сияет позолотой *солнца*, / Расшитое **оби** облегает стан. / И **Маи-ко** пляшет, окружив японца, / Разжигая страстью истомленных стран» (В. Клюева. «Майко»).**

Семантика лексемы *сон* (*зеленоглазый сон, узорный сон* и др.) раскрывает на контекстуальном уровне мифологическое наполнение образа Японии в русском языковом сознании как один из компонентов его репрезентации в текстах поэтических произведений Серебряного века. «Япония, **Ниппон, Нихон**, / **Основа Солнца**, корень Света, Прими от русского поэта / Его струны невучий звон. / Мне люб твой синий небосклон, **И древо вишни** в час расцвета, / Твоя весна светла, как лето, / **Резьба** всего – **узорный сон**» (П. Бутурлин. «К Японии»).

Таким образом, Япония в сознании носителей русского языка рассматриваемого периода репрезентована как страна, экзотичность культуры которой составляет основу стереотипного представления о ней: «Тебя писали тонкой и экзотной: Вулканы, храмы, чайные дома...» (А. Дебуа. «Японии»).

Помимо экзотической культуры Японии, в поэзии Серебряного века возникает еще одна грань репрезентации ее образа. Давид Бурлюк в стихотворении «Япония. Япония вся – сон...» противопоставляет традиционную культуру страны ее новому облику индустриальной державы. С этой целью он использует прием антитезы: образы *бамбука, сямисена, лубка, Гакусая, старинных островов, Фудзи* противопоставлены образу *экспресса*, в котором репрезентуется новая ипостась Японии как высокотехнологически развитой страны.

*Япония вся – сон,
Япония – бамбук
И сосен перезвон,
И сямисена стук,
Япония – лубок,
Что резал Гokusай
Здесь каждый уголок
Им порожденный край.
И пусть теперь экспресс*

*Прокосит мимо свет,
Свой посвящу сонет,
Старинным островам Юг,
Фудзи, сосны – Вам, –
Что жнут мой интерес.*

С наступлением эпохи модернизации, то есть примерно с середины прошлого века, Япония в лингвокультурном сознании русского человека приобретает объективацию *высокоразвитой индустриальной державы* и репрезентуется лексемами соответствующего семантического наполнения. Эти языковые единицы представлены в текстах литературных произведений и публицистики второй половины XX столетия.

Вс. Овчинников, прожив в Стране восходящего солнца семь лет, создал, пожалуй, самое популярное произведение современности о Японии «Ветка сакуры», в котором, по его же собственному выражению, предпринял попытку «проанализировать национальный характер, дабы объяснить незнакомую страну через ее народ» (Вс. Овчинников. «Ветка сакуры»).

Проводя параллель между прошлым и настоящим Японии, автор сравнивает серию картин великого живописца *Хиросигэ*, который, получив в подарок от сегуна коня, прошел по пути, соединяющему Токио и Киото, с тем, что наблюдает современный японец из окна *экспресса «Нодзоми»* по новой Токайдо (скоростная железная дорога, соединяющая Токио и Киото).

«<...> Экспресс «Нодзоми» стремительной кинолентой раскручивает перед глазами панораму Японии наших дней. Сохранила ли она сходство с портретом Хиросиге? <...>

<...> Мчится поезд – двести километров в час, и мысли теснятся, спеша поспеть за ним. Со времен Хиросиге иными стали не только формы жизни, но и ее ритм. “Пятьдесят три станции Токайдо” донесли до нас панораму страны, наглухо закрытой от внешнего мира, дремлющей накануне пробуждения от феодального сна. В противоположность замкнутости, статичности “Нодзоми” уже сам по себе воплощает

высокие скорости, разительные перемены» (Вс. Овчинников. «Ветка сакуры»).

Две основных составляющих – стремление к новизне и прогрессу с сохранением самобытности и вековых традиций в культуре народа Японии – становятся основой современного, отчасти парадоксального восприятия Японии в русском языковом сознании. Вс. Овчинников, повествуя о связи устройства традиционного японского *сада камней* с *экономическим устройством* страны, делает вывод о зависимости одного от другого в японском мироустройстве: *«Знаменитый сад камней в Киото чаще всего служит авторам книг о Японии отправной точкой для рассуждений о философии дзен, о ее влиянии на жизнь японцев.*

Пользуясь наглядностью этого уже изрядно примелькавшегося образа, хотел бы применить его в совсем иной плоскости. Сад камней, может символизировать собой своеобразие экономической структуры Японии, где утесы крупных заводов с ультрасовременной организацией производства и управления возвышаются над морем песчинок – мелких и мельчайших предприятий, основанных подчас на ручном труде надомников» (Там же).

В обыденном речевом сознании современных носителей русского языка Япония предстает в нескольких ипостасях: «как пример высоко развитой, модернизированной страны и как экзотический образ, который включает в себя легенды о героизме и преданности самураев, таинственности гейш, цветении сакуры и др.» [Серикова 2009, с. 357]. В рассказе Л.Е. Улицкой «Кимоно» восприятие Японии, японцев, японских продуктов питания сопровождается эпитетами *чуждая, непонятная* (страна), *бесподобный* (безумец), *безумные* (слависты), *особенные* (женщины), *невиданные*(овощи), *странные* (фрукты): *«Мы спустились с последнего этажа на первый и пошли гулять по парку, что возле Токийского университета, и дивиться деревьям, еще не освобожденным от зимней упаковки из соломы, и тонким конусам из жердей, сооруженным поверх*

сосен для защиты от снегопада – чтобы сырой тяжелый снег не сломал ненароком драгоценной ветки... **Чудная, чудная страна Япония**, все в ней **не так**, все **по-другому**, и понять хочется, и понимаешь, что невозможно ни в чем разобраться, и прежде всего в том, как маленькие японцы вырастают в грамотных взрослых, потому что для чтения средней сложности книги, без особых выкрутасов, надо знать четыре тысячи иероглифов... Еще непонятно было, почему они так заводятся от Достоевского, что их так тянет в бездну русского характера, и почему эти **безумные** слависты изучают творчество художника Матюшина и его жены Елены Гуро, в то время как про них в России не каждый профессор искусствоведения знает...

Словом, вот с таким **бесподобным** безумцем, специалистом по русскому авангарду, отправились мы на один день в город Киото, чтобы посмотреть **Золотой Павильон, Серебряный Павильон, Храм Тысячи Будд** и еще кое-что по списку в режиме «**фаст фуд**». <...> Итак, мы неслись на вокзал, и дорога наша лежала через рынок. Но времени уже почти не оставалось, и даже предаться свободному глазению на чужую еду, на **невиданные** овощи и **странные** фрукты было некогда. Но вдруг в каком-то закутке я увидела группу женщин, распаковывавших большие сумки. Женщины были какие-то **особенные**, между ними была некая неуловимая связь. У японцев все **непонятно**, и глаз все время обманывается, как и вкус...». Эти женщины были матерями детей-инвалидов, для них женщины из богатых семей собрали свою старую одежду на продажу. Именно здесь автор купила за бесценок несколько кимоно, о чем так мечтала. Все кимоно были раздарены «**осталось у меня только оранжевое, короткое, веселое, с невыводящимися пятнами ржавчины на белой подкладке. Теперь у меня сколько угодно времени разглядывать подлинный кусок настоящей Японии.** <...> Если очень долго и сосредоточенно смотреть, можно много узнать про Японию» (Л.Е. Улицкая. «Кимоно»).

Вс. Овчинников также отмечает, что в русском языковом сознании Япония репрезентована парадоксальным сочетанием явлений прошлого и

современной действительности: «...*вопреки первому впечатлению, что в облике Японии сегодняшний день полностью заслонил вчерашний, незримое присутствие прошлого сказывается доныне. Словно камень, лежащий на дне потока, оно не выпирает на поверхность, но дает о себе знать завихрениями и водоворотами. Нужно, стало быть, отдавать себе отчет и в существовании, и в происхождении этих “водоворотов”*» (Вс. Овчинников. «Ветка сакуры»).

Надо отметить тот факт, что в русском лингвокультурном сознании современного носителя русского языка сложился образ Японии, который сам по себе представляет смешение, порой парадоксальное, экзотической культуры Японии и современной технологически развитой жизни страны: «<...> *турист рассчитывает, что ее новые черты окажутся лишь парадоксальными добавлениями к чертам традиционным, что самые крупные в мире танкеры и самые умные в мире компьютеры, и самые быстрые поезда будут лишь контрастной ретушью на портрете экзотически живописной страны с ее женщинами в кимоно и древними храмами среди прихотливо изогнутых сосен. <...> Такая “японская Япония”, почти не подверженная переменам, присутствует везде и во всем*» (Вс. Овчинников. «Ветка сакуры»). В рассказе Л.Е. Улицкой «Кимоно» восприятие Японии, японцев, японских продуктов питания сопровождается эпитетами, в которых непонятность и странность японских реалий сочетаются с восхищением: *чудная, непонятная (страна), бесподобный (безумец), безумные (слависты), особенные(женщины), невиданные (овощи), странные (фрукты).*

На основе анализа текстов современных произведений литературы можно сделать вывод о том, что в русском языковом сознании образ Японии имеет двойственный характер, в нем парадоксально сочетаются представления об экзотической культуре Японии и о современной технологически развитой жизни страны. В современной литературе для репрезентации образа Японии используется прием антитезы,

противопоставляются образы традиционной культуры Японии и образы современной жизни страны. Например: *экспресс «Нодзоми»* в сопоставлении с древними картинами живописца *Хиросиге; сад камней* и *экономическое устройство Японии; гейша*, которая садится в *такси; полуфабрикат природы; Золотой Павильон, Серебряный Павильон, Храм Тысячи Будд* и *еще кое-что по списку в режиме «фаст фуд»* и др. В современной публицистике образы Японии, японцев предстают как непонятные, часто наполняясь комическим содержанием: *«Человек считался полуфабрикатом природы, и традиция не отставала от него до тех пор, пока он не терял с собой сходства. Так выглядела садящаяся в такси гейша в киотском районе Гион, где они встречаются, но не чаще, чем зубры в Беловежской пуще. Густо намазанное белилами существо с трудом ковыляло на цокающих гэта, неся на голове клумбу. В гейше нельзя было узнать женщину, но как раз это и делало ее неотразимой»* (А. Генис. «Сладкая жизнь»); *«Под головой макура – подушка, набитая гречневой крупой: говорят, полезно. Дней десять проспав на полу и поев бог знает чего палочками, глядишь с вожделием: отварить бы прямо в наволочке и – с маслицем ложкой из-за голенища»* (П. Вайль. «Гений места»).

Таким образом, в начале XX века в поэтическом творчестве футуристов и символистов формируется *экзотический образ Японии*. Экзотизмы, наименования реалий японской природы и быта, используемые авторами поэтических произведений Серебряного века для воссоздания колорита японской действительности, участвуют в репрезентации образа Японии в русском лингвокультурном сознании как страны с экзотической культурой и традициями. На основе анализа текстов современной прозы и публицистики нами был выявлен еще один компонент образа Японии в русском языковом сознании – парадоксального сочетания традиционализма и технократизма жизненного уклада жителей страны.

Подводя предварительные итоги исследования образа Японии в русском языковом сознании, репрезентуемого в текстах произведений

различных периодов и жанров, следует отметить, что нам удалось выявить семантические константы образа, воссоздать диалектику восприятия Японии и японцев носителями русского языка на разных этапах его формирования, дать лингвокультурологический комментарий языкового выражения стереотипов сознания носителей русского языка.

§2. Образ Японии и японца в русском языковом сознании, сложившийся в период русско-японских военных конфликтов

Культура и искусство Японии изначально вызывали интерес у русского образованного сословия. Как замечает В. Молодяков, в годы Русско-японской войны, «из Европы приходит мода на “жапонизмы” – увлечение не только японским изобразительным и прикладным искусством, но и предметами быта, они вошли в моду и не воспринимались как нечто вражеское» [Молодяков 1996, с. 19]. С другой стороны, русские авторы лубочных картинок того времени карикатурно и даже унижительно изображали японцев: на пропагандистских лубках времен Русско-японской войны японцы предстают в виде некрасивых карликов, а то и вообще лягушек. Да и сам русский император, как хорошо известно, именовал жителей Страны восходящего солнца не иначе как «макаками». Именно тогда японцы стали представляться официальной пропагандой в виде нехристей и язычников, затем возникла идея обвинить их в нарушении международного права и вероломстве, появились ассоциации между японцами и татаро-монголами, а с середины 1904 года были в ходу лубки под характерными названиями «Как русский матрос разбил японцу нос» и т.п. Тогда же стала массовыми тиражами издаваться «Дешевая библиотека», где русскому обывателю доходчивым языком рассказывалось о тяжелом бремени белого человека на Дальнем Востоке и о грозящей всему миру «желтой опасности».

Как отмечалось нами выше, образ другой страны, другого народа, как правило, представлен достаточно эклектично и соединяет в себе черты, резко отличающиеся по своему эмоциональному заряду: идеализирующие другой этнос и передающие к нему неприязнь.

Совсем иной аспект приобретает образ «другой» страны в свете конфликтных отношений. Этот образ из плоскости, разделенной на «своих» и «чужих», перетекает в плоскость «свой – враг».

Так, «образ врага» по отношению к Японии складывался в русском лингвокультурном сознании постепенно, исходя из ряда объективных и субъективных факторов. Одной из первых предпосылок к его формированию послужил конфликт Японии и России, который вылился в Русско-японскую войну начала XX в. Затем этот образ получил второе развитие в период нарастающей напряженности между странами, который перерос в военное противостояние между Советским Союзом и Японией в период Второй мировой войны, а в связи с политическими неурегулированными вопросами сохраняет свою актуальность и по сей день.

Вплоть до первых поражений, которые потерпела российская армия в Русско-японской войне, в российском обществе недооценивали угрозу милитаристской Японии. Япония продолжала оставаться *экзотической страной гейш и самураев* до тех пор, пока российским правительством не была развернута пропагандистская деятельность, целью которой было внушение основной массе российского общества презрения и ненависти к вражеской Японии. Таким образом, в лингвокультурном сознании носителей русского языка оформился *образ вражеского государства*.

Период Русско-японской войны обозначен в литературном творчестве русских писателей и поэтов достаточно ярко. На его основе можно выделить определенный стереотип русского мышления в отношении Японии, обозначить основные вехи в образе страны-противника, сформированного в период русско-японских военных конфликтов и политической неурегулированности отношений между двумя странами. Этот образ имеет

ряд характерных черт, которые отличают его от других наций и народов. Анализ языковых средств, с помощью которых создается образ враждебной Японии, позволяет более точно и объективно оценить особенности восприятия восточного соседа периода военных конфликтов, отраженных в русском языке.

Л.Н. Андреев в одном из своих произведений на тему Русско-японской войны «Красный смех» создает образ враждебного края: *«Дерево было чужое, и закат чужой, и вода чужая, с особым запахом и вкусом, как будто вместе с умершими мы оставили землю и перешли в какой-то другой мир – мир таинственных явлений и зловещих пасмурных теней. Закат был желтый, холодный; над ним тяжело висели черные, ничем не освещенные, неподвижные тучи, и земля под ним была черна, и наши лица в этом зловещем свете были желты, как лица мертвецов. Мы все смотрели на самовар, а он потух, отразил на боках своих желтизну и угрозу заката и тоже стал чужой, мертвый и непонятный»* (Л.Н. Андреев. «Красный смех»). В создании образа вражеского государства использован образ загробного мира. Он репрезентован лексемами *чужой, зловещие тени, черные тучи, мертвый и непонятный закат*. Это чужой, другой мир. Лексема *желтый*, которая является ключевой для понимания того, что действие рассказа происходит в Японии, помимо своей основной (ассоциация с этнической особенностью цвета кожи японцев), приобретает еще одну коннотацию. В сравнении *желты, как лица мертвецов* желтый цвет олицетворяет собою смерть. Япония в образе вражеского государства в русском лингвокультурном сознании предстает в качестве чужого, мертвого, непонятного мира.

В создании образа японца в художественных произведениях, посвященных Русско-японской войне, участвуют лексемы, обозначающие особенности внешнего облика японцев, такие как: желтоватый цвет кожи, узкие, раскосые глаза и выраженные скулы. Например, см. описание японского шпиона в рассказе А.И. Куприна «Штабс-капитан Рыбников»:

«<...> *это желтое, раскосое, скуластое лицо, эти постоянные короткие поклоны и потирание рук, и вместе с тем эта напряженная, нервная, жуткая развязность... Но если все это правда и штабс-капитан Рыбников действительно японский шпион, то каким невообразимым присутствием духа должен обладать этот человек, разыгрывающий с великолепной дерзостью среди бела дня, в столице враждебной нации, такую злую и верную карикатуру на русского забубенного армейца! Какие страшные ощущения должен он испытывать, балансируя весь день, каждую минуту над почти неизбежной смертью» (А.И. Куприн. «Штабс-капитан Рыбников»). Помимо этнических особенностей, выделяемых во внешности японца, подчеркивается и характерный для японца стереотип поведения: нормы национального этикета (постоянные короткие поклоны), *хитрость* (потирание рук), *фанатизм* (балансирующее каждую минуту над почти неизбежной смертью).*

В рассказе «Лишний» А.С. Новикова-Прибоя для номинации японцев используется сочетание – *косоглазые черти*: «Бей их, *косоглазых чертей!*.. За веру православную, братцы!.. За веру...» (А.С. Новиков-Прибой. «Лишний»). В.В. Вересаев по отношению к японцам употребляет пренебрежительную и презрительную номинацию *япошки*: «<...> Вполне ясно, в войне наступает перелом. До сих пор мы все отступали, теперь удержались на месте. В следующий бой разобьем *япошек*. А их только разграбить, – тогда так и побегут до самого моря» (В.В. Вересаев. «На японской войне»). Особенно пренебрежительное отношение к японцам возникает в результате употребления лексем, номинативная способность которых основана на лексике, обозначающей этнические особенности внешности азиатов, например, разрез и цвет глаз: «подмигнув желто-коричневым глазом»; «Ряженный! – торжествуя закричал тот же голос. – *А рожка косоглазая, японская! Шпион, Евстратъпалыч!*» (Б. Акунин. «Алмазная колесница»); «...а самурай, *косоглазаяобразина*» (Там же).

К указанным уничижительным номинациям японцев, которые используются в создании образа враждебной нации, следует добавить и то, что в текстах художественных произведений и публицистике, повествующей о периоде русско-японских военных конфликтов, японцы приобретают нечеловеческие черты: *«Что-то чрезвычайно знакомое, но такое, чего никак нельзя было ухватить, чувствовалось в этих узеньких, зорких, ярко-кофейных глазках с разрезом наискось, в тревожном изгибе черных бровей, идущих от переносья кверху, в энергичной сухости кожи, крепко обтягивавшей мощные скулы, а главное, в общем выражении этого лица – злобного, насмешливого, умного, пожалуй, даже высокомерного, но не человеческого, а скорее звериного, а еще вернее – лица, принадлежащего существу с другой планеты»* (А.И. Куприн. «Штабс-капитан Рыбников»); *«Теперь он упорно выдерживал пристальный взгляд Щавинского, и в его рыжих звериных глазах фельетонист увидел пламя непримиримой, нечеловеческой ненависти»* (Там же); *«А японцы, черт бы их побрал, работают как машины. Макаки, а на их стороне цивилизация, черт бы их брал!»* (Там же); *«Слушайте, – сказал доктор, глядя в сторону. – Вчера я видел: к нам пришел сумасшедший солдат. Неприятельский солдат. Он был раздет почти догола, избит, исцарапан и голоден, как животное; он весь зарос волосами, как заросли и мы все, и был похож на дикаря, на первобытного человека, на обезьяну»* (Л.Н. Андреев. «Красный смех»). Б. Акунин в романе «Алмазная колесница» в номинации японцев использует названия животных: *«начал раскачивать ногой в потрепанном сапоге, размахивать руками и нести всякий вздор: о скорой победе над японскими макаками; «Их, правда, макаки потом все одно разгрохали, но это уж, как говорится, не с нас спрос»; «Вот в Японии, говорят, сортиры на каждом шагу. Оттого и не можем побить проклятых мартышек»*. В данном случае репрезентативными средствами образа японца выступают лексемы со сниженными, презрительными коннотациями: *макаки, мартышки*. Лексема *мартышка*, как зафиксировано в «Большом академическом словаре русского

языка» (гл. ред. К.С. Горбачевич), помимо прямого значения «маленькая обезьяна, отличающаяся крайней живостью и подвижностью», имеет второе значение – с пометами переносное, просторечное и бранное (*Перен. Прост. Бранно*) «О некрасивом человеке» [Большой академический словарь... 2007, т. 9, с. 547]. Исторический словарь галлицизмов русского языка» Н.И. Епишкина в качестве второго значения лексемы *макака* содержит следующий комментарий: «Презрительное прозвище японцев, распространившееся в России в связи с русско-японской войной 1904–1905 гг. С первых дней русская черносотенная националистическая пресса начала потешаться над «желтыми макаками» – японцами. Эта глупая бравада при полной неподготовленности к войне царских генералов и занимавших жирные местечки в армии и флоте царских родичей, – воров, взяточников, и растратчиков, – дала Драгомирову повод к упомянутой крылатой фразе “война кое-каков с макаками”. РР 1993 1 125. Потом подали спаржу и шампанское. вел. кн. Алексей Александрович не удержался от каламбура, окуная головки спаржи в узкий бокал с пенящимся вином: “Nous allons les submerger dsns l’écume de champagne, comme va faire notre cher Zenobius avec ces masques japonaises dans l’écume de mer (мы их будем окунять в пену шампанского, точно так, как наш милый Зиновий адмирал Рождественский сделает с японскими макаками, утопив их в пене морской. За ваше здоровье!)”. 1904. В.Н. Селянин Из восп. // НН 1999 49 15» [Епишкин 2010].

В данном значении лексема *макаки* («японцы») с пометой *бран.* (бранное) впервые была зафиксирована в 3-м издании «Толкового словаря живого великорусского языка» В. Даля под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ, в томе, изданном в 1905 г., где приводятся следующие примеры его употребления: «“Ишь их, как надсаживаются, макаки!” Коренное население и русские, и китайцы иначе и не называют их как макаки. Война макаков с кое-каками» [Даль 1905, т. 3, с. 755]. У слова *кое-каки* в этом издании словаря В. Даля выделяется значение «люди, действующие кое-как, на авось» [Даль 1905, т. 3, с. 326]. Несложно догадаться, что речь здесь идет о

русских (наличие в лексическом значении семы 'на авось' предполагает только такую трактовку). Далее в словаре приводится показательный пример, относящийся к событиям Русско-японской войны 1904–1905 гг.: «*Война макаков с кое-каками*, т.е. японцев с русскими» [Даль 1905, т. 3, с. 326]. Примеры употребления этих слов находим в текстах, описывающих события начала XX в.: «*Эта бесшабашная сволочь, эти анархисты в мундирах сановников, – вот! – затеяли войну. Японцы бьют нас, как мальчишек, а они шутки шутят, шуточки! Макаки, кое-какии прочее...*» (М. Горький. «Савва Морозов»); «*Действительно воюют макаки с кое-каками, меткое словечко пустил в ход старик Драгомиров!*» (С.Р. Минцлов. «Петербург в 1903–1910 годах»).

Данные лингвистических словарей позволяют сделать нам вывод о том, что под влиянием экстралингвистических факторов, в частности военного конфликта между Россией и Японией 1904–1905 годов, в русском языковом сознании формируется некий стереотип в восприятии японцев. В текстовых этнических номинациях используется стилистически сниженная лексика, которая в словарях дается с пометой «бранная» на основании метафорического переноса значения внешности животного на человека – *мартышки, макаки*. В результате функционирования лексемы *макаки* в качестве номинации японцев появляется этнический инвектив *макаки, кое-каки*, смысловое наполнение которого включает в себе причины поражения русской армии в военном конфликте с Японией (неподготовленность к войне и слабость руководства русской армии). Эта этническая номинация японцев получила широкое распространение в русском языке начала XX в.

Еще одна составляющая образа Японии времен Русско-японской войны – многочисленные упоминания о японском шпионаже. Классическим примером создания такого образа японца-шпиона является повесть А.И. Куприна «Штабс-капитан Рыбников» (1904). Эта повесть, по выражению А.Е. Куланова, «на десятилетия сформировала у русских представление о японской опасности» [Куланов, электронный

ресурс]. Японский шпионаж в России являлся достаточно распространенным явлением. По словам Е.М. Османова – специалиста в области японской разведки, – «разведывательная служба в Японии имела многовековую историю, и, по далеко не полным данным, составленным на основании материалов жандармских органов России, количество японских шпионов, действовавших на территории нашего государства, к началу русско-японской войны доходило до пятисот человек» [Османов 2005, с. 216]. Б. Акунин в своем произведении рассказывает о деятельности японских шпионов в России: *«Японские агенты повсюду, действуют нагло, изобретательно, а ловить их мы не умеем. Опыта нет. Мы-то привыкли к шпионам чинным, европейским, которые служат под прикрытием посольств да иностранных компаний. Азиаты же нарушают все правила»* (Б. Акунин. «Алмазная колесница. Ловец стрекоз»).

Дальневосточная компания 1945 года, несмотря на всю свою историческую значимость, не вызвала к жизни столь же активного процесса пропаганды вражеского японского образа, как период Русско-японской войны 1904–1905 гг.: вероятно, на трагическом и масштабном фоне Великой Отечественной войны советско-японское столкновение оказалось на периферии народного сознания. На наш взгляд, внимание стоит обратить на песенное творчество военных лет.

В песне «Варяг» (автор Рудольф Грейнци), хотя и описывающей события Русско-японской войны 1904–1905 гг., но получившей популярность во время разгрома милитаристской Японии как союзника фашистской Германии, отношение к врагу выражено уничижительной номинацией *желтолицые черти*: *«Из пристани верной мы в битву идем, / Навстречу грозящей нам смерти, / За родину в море открытом умрем, / Где ждут желтолицые черти!»* (Р. Грейнци. «Варяг»).

Лексема *черт* имеет очень разветвленную структуру значений, одно из которых «бранное слово» [Словарь современного... 1955, т. 4, стб. 942].

В ряд произведений, фиксирующих русско-японские конфликтные отношения, можно включить и песню «По долинам и по взгорьям», которая родилась на Дальнем Востоке в народной среде: *«По долинам и по взгорьям / Шла дивизия вперед, / Чтобы с бою взять Приморье – / Белой армии оплот. / Наливались знамена / Кумачом последних ран, / Шли лихие эскадроны / Приамурских партизан. / Этих лет не смолкнет слава, / Не померкнет никогда! / Партизанские отряды / Занимали города. / И останутся, как сказка, / Как манящие огни, / Штурмовые ночи Спасска, / Волочаевские дни. / Разгромили атаманов, / Разогнали воевод / И на Тихом океане / Свой закончили поход»* (А. Александров, П. Парфёнов, С. Алымов. «По долинам и по взгорьям»).

Заключительные строчки «И на Тихом океане свой закончили поход» стали особенно популярны в 1945 году, слушатели понимали, что речь идет о японцах. Эта песня представляет собою эпическое повествование о мощном людском потоке, вытесняющем врага с родной земли.

Третья знаменитая песня, в которой враги-японцы коварно, ночью перешли «границу у реки», – это песня из фильма конца 1930-х гг. «Трактористы» режиссера И.А. Пырьева: *«Мчались танки, ветер поднимая, / Наступала грозная броня. / И летели наземь самураи / Под напором стали и огня»* (Борис Ласкин. «Три танкиста»).

Средством обозначения японца в песне «Три танкиста» становится лексема *самурай*, хорошо знакомая адресату и актуализирующая сразу три негативно воспринимаемых аспекта образа врага: принадлежность к другой национальности, принадлежность к чуждому классу и природную агрессивность противника.

В «Толковом словаре русского языка» в 4-х томах под редакцией Д.Н. Ушакова в толковании лексемы *самурай*, помимо прямого значения сословной принадлежности, содержится переносный оттенок значения: обозначение части вражеского народа по отношению к русскому (с пометой

презрительное). Слово *самурай* в переносном значении в 30-40-е гг. XX в. было неологизмом, о чем свидетельствует помета *нов.* (новое).

«САМУРАЙ, я, м. [японск. samurai – стражник, рыцарь]. Член привилегированной феодальной военной касты Японии (истор.). // преимущ. мн. Название, данное советским народом японской военщине, осуществляющей политику империалистических захватов (нов. презрит.) – Мы умеем воевать. Не позволим самураям нашу травушку топтать. Алымов» [Толковый словарь... 1996, т. 4, стб. 45]. Сходным образом объясняется переносное значение слова *самурай* и в других толковых словарях, например в «Словаре русского языка» в 4-х томах под ред. А.П. Евгеньевой: «Разг. пренебр. В настоящее время употребляется для обозначения агрессивной части японской военщины» [Словарь русского... 1999, т. 4, с. 25].

За время двух войн между Россией и Японией лексема *самурай(и)* приобрела новое, дополнительное уже к имеющемуся («военное сословие японских дворян») значение – «японская военщина», содержащее несколько элементов коннотации: эмоциональность (пренебрежительный, презрительный компонент значения), отрицательную оценочность, сниженную стилистическую окраску. Примеры употребления слова в этом значении можем видеть в текстах 30-40-х гг. XX в.: «В эту ночь решили *самураи*/ Перейти границу у реки; И летели наземь *самураи*, / Под напором стали и огня» (Б. Ласкин. «Три танкиста»); «Не позволим *самураям* / Нашу травушку топтать! (С. Алымов. «Травушка»); *Самурай*, не жди пощады, / Ждет тебя суровый суд – / Наши пули и снаряды / Смерть захватчикам несут!» (С. Алымов. «Бой у озера Хасан»).

В «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» (отв. ред. Н.Ю. Шведова) у слова *самурай* в переносном значении такие элементы коннотации, как эмоциональность и оценочность, отсутствуют: «Вообще о японских военных (разг.)» [Толковый словарь... 2007, с. 854]. Кроме отсутствия соответствующих помет (пренебрежительное, презрительное), в словарной дефиниции этого словаря

слово *военщина*, само по себе содержащее отрицательно оценочную сему и пренебрежительное, презрительное отношение, заменено на слово *военные*. См. также толкование слова *военщина* и характер помет: «Агрессивные военные круги капиталистических стран» [Словарь русского языка 1999, т. 1, с. 195]; «Собир. (неодобр.). Агрессивные военные круги» [Толковый словарь ...2007, с. 102].

К концу XX в. негативный заряд лексемы *самурай(и)* заметно ослабел. В последние годы наблюдается еще более нейтральное употребление данной лексемы, функционирующей в русском языке в качестве этнической номинации – «японцы». В качестве примера приведем стихотворение Л.А. Рубальской «Самурай»: «Три часа самолет над тайгой летит, / У окошка японец сидит и глядит. / И не может, не может понять **самурай** – / Это что за огромный, неведомый край? <...> **Самурай, самурай**, я тебе помогу, / Наливай, **самурай**, будем пить за тайгу. / Про загадочный край / Я тебе расскажу. / Наливай, **самурай**, / Я еще закажу» (Л.А. Рубальская. «Самурай»).

Дальневосточная кампания 1945 года, несмотря на всю свою историческую значимость, не вызвала к жизни столь же популярного произведения, как вышеупомянутые песни: вероятно, на трагическом и масштабном фоне Великой Отечественной войны советско-японское столкновение оказалось на периферии народного сознания.

Внешняя политика и межгосударственные отношения в 1970-е годы стали гораздо мягче позиционировать врагов Советского государства. СССР проявлял заинтересованность в нормализации отношений со своим восточным соседом, чьи научно-технические и экономические достижения становились все более значимыми в мировой политике. Пропагандистские штампы времен войны потеряли свою актуальность.

Следует также заметить, что для советского народа события 1938–1939 гг. были перекрыты более масштабными событиями Великой Отечественной войны.

Надо сказать, что в современном языковом сознании носителей русского языка образ врага по отношению к Японии практически потерял свою актуальность. Уничижительные номинации японцев мы можем встретить в современных произведениях только лишь как приметку времени военно-политических противостояний. В рассказе Л. Улицкой «Капустное чудо», описывая события послевоенного времени (после 1945 г.), автор акцентирует внимание читателя на едва заметной детали – лежащей в кармане девочки, вырезанной, очевидно, из журнала картинке с изображением японца: *«Теперь девочки шли за капустой, и Дуся прикидывала, куда же они ее поставят: бочонка в хозяйстве не было. В дырявом кармане Дусино пальто, кроме десятки, лежала еще и картинка из журнала с нарисованным желтым зубастым японцем, замахнувшимся кривым ножом на кусок географической карты»* (Л. Улицкая. «Капустное чудо»). Автор использует желтый цвет в описании японца, а также звероподобную внешность. Характерной, пожалуй, можно считать и позу, в которой изображен японец – *«замахнувшимся кривым ножом на кусок географической карты»*, именно в этом описании выражена мысль политической пропаганды времен войны – исходящей от Японии угрозы не только для России, но и для всего мира.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в русском языковом сознании в прошлом достаточно сильно проявлялось негативное восприятие Японии как *милитаристического и вражеского государства*, сформированное в сознании носителей русского языка в период развития военных конфликтов между двумя странами. В начале XX в. для номинации японцев использовались лексемы *макаки, мартышки, косоглазые черти* и др., обозначающие нечеловеческие свойства противника. Этнические и внешние особенности его представителей гиперболизируются в образе животных. Используются уничижительные этнические номинации *япошки, самураи*. Особая негативная семантика содержится в номинациях, в основе которых лежит пренебрежительное отношение к особенностям азиатской

внешности, – это желтый цвет кожи: *желтолицые, желтая раса*; небольшой рост; раскосый разрез глаз – *косоглазые, узкоглазые*.

§3. Особенности восприятия коммуникативного поведения японцев в сознании носителей русского языка как одна из составляющих целостного образа Японии

Изучение национальной специфики и особенностей коммуникации той или иной лингвокультурной общности является одним из приоритетных направлений современной лингвистики. Термин «коммуникативное поведение» впервые был использован в 1989 г. в работе И.А. Стернина «О понятии коммуникативного поведения» [см. Прохоров, Стернин 2006].

Ученый так трактует термин коммуникативное поведение: «коммуникативное поведение – это реализуемые в коммуникации правила и традиции общения той или иной лингвокультурной общности» [Стернин 2008, с. 104]. «Коммуникативное поведение имеет национально-специфический характер и выступает как аспект проявления в общении языковой личности. Неадекватное восприятие коммуникативного поведения одного народа другим народом создает «зону непонимания», нарушает коммуникацию и даже может приводить к возникновению межличностных и межэтнических конфликтов» [Там же].

Важным аспектом в изучении коммуникативного поведения является анализ коммуникативного сознания, под которым И.А. Стернин понимает «совокупность механизмов сознания человека, которые обеспечивают его коммуникативную деятельность <...> коммуникативные установки, совокупность коммуникативных категорий, определяющих принятые в обществе нормы и правила коммуникации. Язык дает нам лишь материал для построения высказываний. Механизм же построения высказываний определяется коммуникативным сознанием» [Стернин 2002, с. 5].

Коммуникативное сознание определяет своеобразие поведения представителей различных наций и культур: «Трудности в межкультурной коммуникации возникают из-за того, что коммуниканты оценивают поведение друг друга, исходя из своих норм и традиций, а также, общаясь на иностранном языке, как правило, пользуются этим языком, находясь под влиянием своего коммуникативного сознания. В результате имеет место лингвокультурная коммуникативная интерференция, которую можно определить как вмешательство факторов родной культуры, языка и национального сознания в интерпретацию инокультурного коммуникативного поведения и в собственное поведение при межкультурном общении» [Ларина 2009, с. 33].

Коммуникативное поведение японцев остается малоизученным потому, что, несмотря на то, что с момента «открытия» европейцами Японии прошло достаточно много времени, японцы мало изменили своим поведенческим принципам и традициям коммуникации.

Одной из причин недоступности и недопонимания истинных смыслов коммуникативного поведения японцев является, на наш взгляд, чрезмерная кодировка, завуалированность и труднодоступная пониманию носителей других культур информационная составляющая в коммуникации японцев. Наверное, нужно быть японцем, чтобы правильно расшифровывать и понимать коммуникативное поведение этого народа. Его нужно изучить на множестве примеров и в его вариативности. Толкования, казалось бы, одного и того же акта коммуникации японцев порой находят совершенно разные смыслы у иностранцев, нередко становясь причиной разногласий и недопониманий.

Ритуальность как особенность коммуникационного поведения японцев делают его малопонятным для представителей других культур. В нашей статье «Коммуникативное поведение японцев глазами И.А. Гончарова» [Казанцева 2017], описывающей восприятие коммуникативного поведения японцев сквозь призму русского коммуникативного сознания, мы

характеризуем ритуалы как «материальное воплощение норм и правил действительности» [Прохоров, Стернин 2006, с. 18]. Ритуал – это объективация культуры. Ритуалы, как правило «обладают ярко выраженной национальной спецификой, характерной не только для общекультурных норм (привлечение внимания, приветствие, прощание, знакомство, извинение и т.д.), но и для ситуативных норм, действующих тогда, когда общение ограничено составом участников или темой общения, а также ситуацией. Коммуникативная сторона может быть обнаружена практически во всех ритуалах. Общение выступает либо как самостоятельный ритуал в форме речевого этикета (приветствие, благодарность, прощание, соболезнование и др.), либо как сопутствующий, сопровождающий, осуществляемый параллельно с поведенческим (ритуалы свадьбы, похорон, пасхи, венчания, ритуалы собрания, торжественной линейки, дня рождения, субботника и мн. др.)» [Стернин 2002, с. 5].

Ритуал в коммуникации японцев играет особую роль. В ходе наблюдений за особенностями коммуникативного поведения японцев нами было замечено, что «свой устный язык японцы довели до уровня абстрактного искусства. Вежливость речи у японцев ценится выше ее доходчивости, нюансы этикета важнее тонкостей синтаксиса и грамматики. В общении японцы избегают слов “нет”, “не могу”, “не знаю”, “никогда”, будто это какие-то инвективы, которые нельзя высказывать прямо. Слова в общении японцев нередко заменены символами и ритуалами, они подсказывают участникам процесса то, что в японской культуре нельзя сказать напрямую собеседнику» [Казанцева 2017, с. 14].

Еще в середине XIX века излишняя склонность к ритуалам удивляла и даже возмущала первых западных наблюдателей. Один из первых русских путешественников, посетивших Японию того времени, русский писатель И.А. Гончаров в очерках путешествия «Фрегат “Паллада”», рассказывая о своем пребывании в Японии, обращает внимание на то, что отличает коммуникативное поведение русских от японцев. *«Ох, уж эти мне эмблемы*

да символы!» – негодует автор, повествуя об обеде у японских вельмож (И.А. Гончаров. «Фрегат “Паллада”»).

Светское общение (в данном случае мы понимаем светское общение как церемониальное и не лишённое формальности) в русской коммуникативной культуре традиционно считалось отождествлением неискренности и формализма. Светский тип коммуникации отличается характером закрытости и наличием особого кодекса, проявлениями которого являются такт, вежливость. Для русского человека привычнее общаться «по-простому» («Мы люди простые»), без соблюдения строгих норм.

В сознании русского человека излишняя церемониальность воспринимается негативно, ассоциируется с поддельностью и лживостью. «Для русского коммуникативного сознания характерно негативное отношение к светскому общению. Само выражение “светское общение” несет обычно в русском словоупотреблении некоторый неодобрительный оттенок: светское – значит “ненастоящее”, значит официальное, надуманное, неискреннее» [Стернин 2002, с. 23]. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля содержится выражение: «Не терплю я этих церемонников, люблю прямиков» [Даль, 1955, т. 4, с. 573]. Одно из значений глагола *церемониться, церемонничать* в русском языке – «соблюдать одну внешнюю, ложную и притворную, светскую вежливость» [Там же]. Русский человек не придает значения внешнему, для него важнее внутреннее содержание: «главное, чтобы человек был хороший». А к людям, уделяющим большое внимание внешним деталям и этикету, русские относятся с опаской и иронизируют на этот счет. Например, так, иронически изображает церемониальность общения японцев И.А. Гончаров: *«Вот появилось ровно шесть слуг, по числу гостей, каждый с подносом, на котором лежало что-то завернутое в бумаге, рыба, как мне казалось. Они поставили подносы, вышли на минуту, потом вошли и унесли их: перед нами остались пустые, ничем не накрытые столы, сделанные нарочно для нас, изкедрового дерева. “Ну, обычай не совсем патриархальный, – думал я, –*

что бы это значило?” – “Это наш обычай, – сказал старик, – подавать блюдо с “этим” на стол и сейчас уносить: это у нас символ приязни”. А это – была не рыба, как мне показалось сначала, а какая-то тесьма, видом похожая на вязигу. Я принял было ее за морскую траву, но она оказалась перепонкой какой-то улитки, прилипающей посредством ее, к скалам. Так вот видите: это у них и есть символ симпатии, привязанности или, буквально, “прилипчивости”<...>.

<...>Церемонийместер, с поклоном, подошел и открыл шелковый ящик. “Ужели такое большое письмо?” – думал я, глядя с любопытством на ящик. “Извольте же принимать”, – сказал переводчик. Г. взял ящик и насилиу держал в руках. Он пошел в “отдыхальню”, и мы за ним, а за ними понесли сундук. “Зачем же большой сундук?” – подумал я еще, глядя в недоумении на сундук. Открыли его: там стоял другой сундук, поменьше, потом третий, четвертый, все меньше и меньше. И вот в этот-то четвертый сундук и вставлялся шелковый, по счету пятый ящик. Но отчего же он тяжелый? Подняли крышку и увидели в нем еще шестой и последний ящик, из белого лакированного дерева, тонкой отделки, с окованными серебром углами. А уж в этом ящике и лежала грамота, в ответ на письмо из России, писанная на золоченой, толстой, как пергамент, бумаге и завернутая в несколько шелковых чехлов. **Какие затейники!**» (И.А. Гончаров. «Фрегат “Паллада”»).

Обратимся к анализу эволюции значений лексемы *церемония*. Так, в «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847) у этого слова выделяется одно значение: «Установленный или принятый обычаем порядок действий при торжественных случаях» [Словарь церковнославянского... 1847, т. 4, с. 419]. В. Даль тоже дает толкование слова *церемония* как однозначного: «Установленный или обычный внешний порядок, обряд, чин» [Даль 1955, т. 4, с. 573]. Но в словарях русского языка, созданных в более позднее время, у этой лексемы развились еще два переносных значения: «О чем-н., совершающемся медлительно, с соблюдением каких-н. затрудняющих

подробностей (разг. ирон.); Поступок, действия, свойственные церемонному человеку» [Толковый словарь... 1996, т. 4, стб. 1220]; «*Разг. шутл.* Какое-л. действие, совершаемое длительно, методически, в определенной последовательности; *Разг.* Условности в поведении, обращении, свойственные церемонному человеку» [Словарь русского языка 1999, т. 4, с. 644]; «*Разг. Обычно шутл.* О каком-нибудь действии, длительном или совершаемом методически; Условности в поведении, свойственные церемонному человеку; поведение церемонного человека» [Словарь современного... 1965, т. 17, стб. 663-664]; «Принужденность, стеснение в поступках, обращении (разг.)» [Толковый словарь русского языка с включением сведений... 2007, с. 1079]. Обращая внимание на первое переносное стилистически сниженное значение с пометой «ироническое» или «шутливое», можно предположить, что изначально рассматриваемая лексема функционировала в языке и выполняла свою прямую функцию – обозначала «установленный порядок совершения какого-нибудь обряда, торжества; обряд, торжество, проводимые в строгом порядке» [Словарь современного... 1965, т. 17, стб. 663], но со временем расширила свое значение на основе метафорического переноса, и в парадигме значений появился новый лексико-семантический вариант, отражающий отношение русского народа к самому понятию «церемония». А так как представители русской лингвокультурной общности иронизируют, нередко и подшучивают над излишними церемониями в общении, данная лексема приобрела ироническое, шутливое значение в определенных контекстах и ситуациях. Отношение русского народа к церемониям, их неприятие показывает и стилистически сниженный шутливый, ироничный фразеологизм *китайские церемонии*, употребляющийся в значении «чрезмерная вежливость, излишние условности в отношениях между людьми» [Фразеологический словарь... 1997, т. 2, с. 359]. Очень точно значение этого фразеологизма отражено в «Большом словаре русских поговорок» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной: **«Китайские церемонии. Разг. Шутл.-ирон.** Утомительные и ненужные условности;

излишнее проявление вежливости; бессмысленный этикет» [Мокиенко, Никитина 2008, с. 727]. Такая формулировка фразеологического значения включает все элементы коннотации: эмоциональность, оценочность, экспрессивность, стилистическую окраску, национально-культурный компонент. Несмотря на то, что в составе фразеологизма употребляется этнонимическое прилагательное *китайские*, а не *японские*, данная фраза может использоваться для характеристики и оценки проявлений этикета и в целом коммуникативного поведения не только китайцев, но и японцев, тем более что в русском языковом сознании данные этнонимические прилагательные тесно связаны между собой: по данным «Русского ассоциативного словаря», слово *китайский* является одной из реакций на стимул *японский* [Русский ассоциативный... 2002, т. 1, с. 746], а слово *японский* – на стимул *китайский* [Там же, с. 253].

Другая особенность коммуникативного поведения японцев, которая в русском коммуникативном сознании трактуется негативно, – стремление найти компромисс в процессе общения. Компромисс в русской коммуникативной культуре рассматривается как беспринципность, неумение проявить волю, настоять на своем. По нашим наблюдениям, японцы, напротив, «в процессе общения стараются обходить “острые камни”, тем самым переводя процесс общения в затяжной и практически безвременный, так как не могут задеть чувств собеседника прямым отказом. И.А. Гончаров описывая процесс переговоров, целью которых являлось налаживание дружеских и торговых связей с японцами использует ироничные иносказательные фразы, демонстрирующий негативизм в отношении японцев: “Мы целый месяц здесь: знаем подробно японских свиней, оленей, даже раков, не говоря уж о самих японцах, а о Японии еще ничего сказать не могли <...>. В этом японском, по преимуществу тридцатом, государстве можно еще оправдываться и тем, что «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается”»(И.А. Гончаров «Фрегат “Паллада”») [Казанцева 2017, с. 15].

«Различны манеры и нормы этикета у русских и японцев, что вызывает негодование и создает недопонимания и проблемы в общении между представителями двух этносов. К примеру, для японцев сидеть на полу и вести диалог – это норма, а в сознании русских – это неприемлемо: “Обычай сидеть на пятках происходит у них будто бы, как я читал где-то, от того, что восточные народы считают неприличным показывать ноги, особенно перед высшими лицами<...>».

<...> Ежедневно ездили к нам гокейнсы договариваться о церемониале нашего посещения. Вы там в Европе хлопчете в эту минуту о том, **быть или не быть** (здесь и далее курсив автора. – В.К.), а мы целые дни бились над вопросами: **сидеть или не сидеть, стоять или не стоять, потом как и на чем сидеть и т.п.** Японцы предложили сидеть по-своему, на полу, на пятках. Станьте на колени и потом сядьте на пятки – вот это и значит сидеть по-японски. Попробуйте, увидите, как ловко: пять минут не просидите, а японцы сидят по несколько часов. Мы объявили, что не умеем так сидеть; а вот не хочет ли губернатор сидеть по-нашему, на креслах? Но японцы тоже не умеют сидеть по-нашему, а кажется чего проще? с непривычки у них затекают ноги. Припомните, как угощали друг друга Журавль и Лисица – это буквально одно и то же” (И.А. Гончаров. «Фрегат “Паллада”»)» [Казанцева, Попова 2018, с. 43].

Различие этикетных норм японцев и русских отмечено и Б. Акуниным в «Алмазной колеснице»: “Одна шайка что-то не поделила с другой, понял Эраст Петрович. Все в точности, как у нас. **Только наши головорезы обуви не снимают** (здесь и далее курсив автора. – В.К.). Последнее наблюдение было вызвано тем, что нападавшие, прежде чем ступить на циновки, скинули свои деревянные сандалии. И пошла такая потасовка, какой Фандорин в своей жизни видеть еще не доводилось”» (Б. Акунин. «Алмазная колесница»).

То, что в культуре русского человека вызывает недоумение и рассматривается как нарушение элементарных этикетных норм, у японцев

считается нормой: *«Старик вынул пачку бумаги, тщательно отодрал один листок, высморкался, спрятал бумажку в рукав, потом кротко возразил, что, по японским обычаям, при первом знакомстве разговоры о делах обыкновенно откладываются, что этого требуют приличия и законы гостеприимства <...> Вообще и важные сановники, и неважные после обеда выражались больше междометиями, которых невозможно передать словами.*

<...>Грудные звуки раздавались из всех углов. О деле неприлично говорить, а это ничего!» (И.А. Гончаров. «Фрегат “Паллада”»).

Эти наблюдения за различиями коммуникативного поведения японцев и русских были сделаны И.А. Гончаровым более чем сто пятьдесят лет назад, но, несмотря на это, большинство из них можно считать актуальными и сегодня.

О японской вежливости писал А.П. Чехов в произведении «Остров Сахалин», при этом она получала положительную оценку писателя: *«Японская вежливость не приторна и потому симпатична, и как бы много ее ни было перепущено, она не вредит, по пословице – масло каши не портит. Один токарь-японец в Нагасаки, у которого наши моряки офицеры покупали разные безделушки, из вежливости всегда хвалил все русское. Увидит у офицера брелок или кошелек и ну восхищаться: “Какая замечательная вещь! Какая изящная вещь!” Один из офицеров как-то привез из Сахалина деревянный портсигар грубой топорной работы. “Ну, теперь, – думает, – подведу я токаря. Увидим, что он теперь скажет”. Но когда японцу показали портсигар, то он не потерялся. Он потряс им в воздухе и сказал с восторгом: “Какая прочная вещь!”»* (А.П. Чехов. «Остров Сахалин»).

В современном коммуникативном поведении японцев церемонии играют не менее важную роль, чем сто лет назад. Это подчеркивает В.В. Овчинников в своем произведении «Ветка сакуры», показывая, что чрезмерная вежливость японцев заметно отягощает процесс общения:

«Вежливость японцев подобна смирительной рубашке, стесняющей словесное общение между людьми.<...>Ничто так не гипнотизирует в этой стране на первых порах, как экзотическая учтивость. В разговорах все поддакивают друг другу, при встречах отвечают церемоннейшие поклоны, уместные, казалось бы, лишь в исторических фильмах да на театральной сцене» (Вс. Овчинников. «Ветка сакуры»).

В описании Вс. Овчинникова, как и у И.А. Гончарова, подчеркнута чуждая русскому коммуникативному поведению церемониальность японцев. В современном русском лингвокультурном коллективе стандартное общение японцев выглядит как экзотическое (*экзотическая учтивость*) или как пережиток прошлого (*«церемоннейшие поклоны, уместные, казалось бы, лишь в исторических фильмах да на театральной сцене»*).

Чопорность, манерность, сдержанность и особая этикетная вежливость затягивает процесс выяснения подробностей и важных деталей. Такого рода особенности коммуникативного поведения японцев в восприятии представителя русской лингвокультурной общности расцениваются как неуважение к собеседнику. В этом отношении показателен отрывок из романа Б. Акунина «Алмазная колесница»:

«– <...>. Полагаю, инспектор, это все факты, которые вы хотели нам сообщить.

– Факты все. Но еще есть предположения. Если они представляют для вас ценность, я с вашего позволения...

*– Да говорите же, черт бы вас п-побрал! **Не тяните!** – взорвался, наконец, и Фандорин, но тут же пожалел о своей вспышке – губы несносного японца дрогнули в едва заметной усмешке: мол, я знал, что ты того же поля ягода, только притворяешься воспитанным человеком.*

*– Говорю. Не тяну. – **Вежливый наклон головы**<...>.*

– <...> Годаун, к-конечно, под наблюдением?

– Очень строгим и аккуратным. Из Токио мне в помощь прислали самых лучших специалистов. Как только появятся сацумцы, мне немедленно

сообщат, и можно будет провести арест. Конечно, с санкцией господина вице-консула.

Последняя фраза была произнесена столь почтительным тоном, что Фандорин стиснул зубы – так это **отдавало издевательством**.

– Б-благодарю. Но, по-моему, вы уже все решили без меня.

– Решили – да. Однако произвести без вас арест было бы невежливо. И без вас, конечно, тоже, господин сержант. – Снова **издевательски вежливый поклон**» (Б. Акунин. «Алмазная колесница»).

Этот пример наглядно демонстрирует то, что Фандорину как представителю русской лингвокультуры излишне вежливое коммуникативное поведение кажется странным, даже издевательским, что вызывает неприятие этих особенностей японского общения. Японцы же не считают поведение русского недостаточно вежливым и учтивым в данной ситуации.

Задавать вопросы напрямую или, что свойственно русскому коммуникативному поведению «в лоб», для японцев считается неприемлемой манерой поведения: *«Возникла пауза. Титулярный советник думал, не спросить ли напрямую: “Что это вы на меня все волком смотрите?” Но с точки зрения японского этикета это, вероятно, будет чудовищной невежливостью»* (Там же).

Русские более эмоциональны в выражении чувств и переживаний, чем японцы. Реакция на проигрыш в азартной игре, описанная в Б. Акуниным «Алмазной колеснице», демонстрирует эти явные различия: *«Удивительно было то, что результат игры не вызывал у сидящих вокруг стола никаких эмоций. У нас выигравшие разразились бы радостными матюгами, а проигравшие – тоже матюгами, но свирепыми. Эти же молча разобрали деньги, большая часть которых досталась горбуну, и принялись потягивать из чашечек какую-то мутноватую жидкость»* (Там же).

Таким образом, наблюдения за различиями коммуникативного поведения японцев и русских, которые нашли свое отражение в

литературных произведениях и публицистике, позволяют сделать выводы о различиях в коммуникативном сознании двух народов. На основе этих различий формируется образ Японии в русском лингвокультурном сознании. Япония воспринимается как страна, поведение народа которой отличается чрезмерной церемонностью и излишней нормированностью. В русском коммуникативном сознании эти особенности истолковываются как излишний формализм и неискренность.

Подводя итог, следует отметить, что сравнительный анализ коммуникативного поведения русских и японцев субъективно отражает особенности восприятия тех или иных норм и правил поведения представителя другого этноса, сформированных в русском коммуникативном сознании под воздействием культуры и традиций русского народа. Такие отличительные черты в коммуникации японцев, как *склонность к формальностям и сдержанность* в выражении эмоций, *церемониальность* японского коммуникативного поведения, *стремление прийти к компромиссу* и *медлительность*, воспринимаются носителями русского языка достаточно негативно, а именно как проявление поддельности и лживости японских коммуникантов.

Выводы по третьей главе

1. В текстах художественной прозы, публицистике и поэтических произведениях *образ Японии* репрезентован языковыми единицами, образующими лексико-семантический ряд со сходными компонентами значений: *недосягаемая, малодоступная страна; волшебная, чудная* и др. В русской литературе XVIII Япония ассоциируется со сказочным Беловодьем, в произведении «Фрегат “Паллада”» И.А. Гончарова использован образ запертого ларца: «*Вот этот запертый ларец, с потерянным ключом*». В «Дневниках» святого Николая Японского художественной репрезентацией *Японии* становится лексема *невеста*.

2. В поэтических текстах символистов и футуристов нашел реализацию образ «экзотной» Японии. Он репрезентован в русском языковом сознании номинациями природных явлений, образами живой и неживой природы: *вишня, солнце, цапли, храмы, бамбуковые рощи, чайные дома, хризантемы, цветущие сливы, журавли* и др.; японизмами (экзотизмами, варваризмами, топонимами и др.) *самурай, гейша, кимоно, майко, сямисен, оби, Ниппон, Нихон, Фуджи-Яма, Камакура* и др.

3. В текстах современных литературных произведений образ Японии представлен, с одной стороны, лексическими единицами, обозначающими технические средства Японии, с другой – лексическим рядом обозначений традиционной культуры страны: *экспресс «Нодзومي»* и древние картины живописца *Хиросиге; сад камней* и *экономическое устройство Японии; гейша, садящаяся в такси* и т.д. Япония в языковом сознании носителей русского языка воспринимается двойственно: парадоксально сочетая в себе черты экзотики и технократизма. В современной публицистике образы Японии, японцев предстают как непонятные, часто наполняясь комическим содержанием.

4. Негативное отношение к Японии в русском языковом сознании реализуется в *образе врага*, сформированном на основе изображения Японии, прежде всего, как безликого, резко отрицательного враждебного государства, олицетворяющего собою смерть. В отношении японцев используются уничижительные этнические номинации *япошки, самураи*. В результате функционирования лексемы *макаки* в качестве номинации японцев появляется этнический инвектив *макаки, кое-каки*. Особый негативизм к враждебной расе выражен в номинациях, в основе которых лежит пренебрежительное отношение к физическим и внешним отличиям японцев от русских, таким как: желтый цвет кожи (*желтолицые, желтая раса*); небольшой рост; раскосый разрез глаз (*косоглазые, узкоглазые*).

5. Анализ парадигмы значений лексемы *церемония* в русском языке показывает отрицательное отношение русского народа к церемониям, их

непрятие, об этом свидетельствует и ироничный фразеологизм *китайские церемонии*, употребляющийся в значении «чрезмерная вежливость, излишние условности в отношениях между людьми». В русском языковом коллективе общение японцев выглядит как экзотическое (*экзотическая учтивость*) или как пережиток прошлого («*церемоннейшие поклоны, уместные, казалось бы, лишь в исторических фильмах да на театральной сцене*»).

Заключение

Исследователи различных направлений в области антропоцентрических наук сходятся во взглядах на бесспорность взаимосвязи и взаимозависимости сознания народа и его культуры. Язык народа является компонентом национальной культуры его носителей. Уникальность языка соразмерна уникальности культуры народа, идеалы и ценности которого отражены на лексическом, фразеологическом и синтаксическом уровнях.

Современные исследования по этноцентризму показывают, что люди положительно оценивают происходящее в своей культуре и крайне негативно относятся к тому, что происходит в других, обычаи своей группы они рассматривают как универсальные, считают свои нормы и ценности безусловно верными. Это ведет к появлению этнических стереотипов, которые, в свою очередь, становятся серьезным барьером в процессе межкультурной коммуникации.

В современной науке о языке стереотип (языковой, этнический стереотип) рассматривается как составная часть языковой картины мира. Этнический стереотип фиксирует оценочное отношение к себе как к этносу и другим этносам. Это, как правило, схематичный и эмоционально-окрашенный образ какой-либо этнической группы, распространяемый на всех ее представителей.

Изучение образа Японии как стереотипа национального представления о «другом» по результатам анализа языковых данных лексикографических источников, текстов различных стилей и жанров, фразеологических единиц и результатов направленного ассоциативного эксперимента, а также соотнесение полученных результатов анализа с экстралингвистическими детерминантами позволило нам проследить формирование данного образа выявить его основные лексико-семантические компоненты.

В современном лингвокультурном сознании русского народа в связи с недостаточностью сведений о Японии сложилось стереотипное представление об этой стране преимущественно исходя из ограниченной информации о ее культуре. В целом же понимание Японии основано на домыслах и предположениях и порой сводится к крайне обобщенному образу в сознании носителей русского языка.

Одним из источников конструирования образа Японии в нашем исследовании стали описания этой страны, представленные в текстах художественной прозы, публицистики и поэтических произведениях различных периодов (произведения И.А. Гончарова, А.П. Чехова, Николая Японского, П.И. Мельникова. (Андрея Печерского), В.В. Вересаева, А.С. Новикова-Прибоя, К.Д. Бальмонта, В.В. Овчинникова, Л.Е. Улицкой, Б. Акунина, П. Вайля и др.). *Образ Японии* в них репрезентирован языковыми единицами, образующими лексико-семантический ряд со сходными компонентами значений: *недосягаемая, малодоступная страна; волшебная, чудная, странная страна (земля), страна-мечта, страна-сон, страна-поэма* и др.

В современной литературе в репрезентации образа Японии, наряду с названной выше группой лексем, активно участвуют лексические единицы, которые обозначают технические средства Японии и создают в сознании русского народа образ технологически развитой страны. Вс. Овчинников («Ветка сакуры»), Л.Е. Улицкая («Кимоно»), П. Вайль («Гений места») и др. противопоставляют явления традиционной культуры Японии и современной жизни страны, что создает парадоксальное сочетание: *экспресс «Нодзоми» и древние картины живописца Хиросиге; сад камней и экономическое устройство Японии; гейша, садящаяся в такси*, и т.д.

Лексико-семантический и количественный анализ заимствований из японского языка дал представление о том, что *образ Японии*, репрезентуемый в русском языке посредством японизмов, представляет некий набор стереотипов сознания носителей русского языка, основными из которых

будут следующие: «*страна – родина восточных единоборств*», «*страна рыбы (суши и роллов)*», «*страна гейш и самураев*». Каждый из этих стереотипов основан на ряде лексем, пришедших в русский язык в связи с необходимостью номинации того или иного явления действительности, и детерминирован экстралингвистическим фактом межкультурного взаимодействия. Например, стереотип восприятия Японии как «*страны суши и роллов*» связан с распространением в России блюд японской национальной кухни, основным ингредиентом которой является рыба и блюда, приготовленные из нее, т.е. *суши и роллы*.

Фразеологизмы с этническим компонентом *японец* и производными от него *японский(-ая)* (*япона мама, японский городской, японский бог* и др.) активно употребляются в современной русской речи как жаргонизмы, в том числе жаргонные эвфемизмы. Негативный заряд Русско-японской войны 1904–1905 годов практически не актуализирован в восприятии Японии современного нам российского общества, но оставил свой след в языке и опосредованно напоминает носителям русского языка о существовании в определенный период образа милитаристской Японии. Так, и в литературных произведениях современных авторов мы встречаем эмотивно наполненные номинации японцев как отголоски военных лет.

Оценка стереотипа коммуникативного поведения японцев, сложившегося в русском лингвокультурном сознании, показывает, что присущие им светскость и церемониальность воспринимаются носителями русского языка негативно, вызывая ассоциации с поддельностью и лживостью. Анализ парадигмы значений лексемы *церемония* выявляет отрицательное отношение русского народа к церемониям. Неприятие церемонности демонстрирует и стилистически сниженный шутливый, ироничный фразеологизм *китайские церемонии*, употребляющийся в значении «чрезмерная вежливость, излишние условности в отношениях между людьми». Русское коммуникативное поведение намного эмоциональнее японского, сдержанность и соблюдение строгих правил

вежливости японцами оценивается носителями русского языка как закрытость и дистанцированность в общении, что мешает построить продуктивный диалог и требует продолжительного общения для установления взаимопонимания.

В русском лингвокультурном сознании в прошлом достаточно сильно проявлялось негативное восприятие Японии, на основе которого оформился милитаристический образ или *образ вражеского государства*. Он формируется в сознании носителей русского языка в период развития военных конфликтов между двумя странами. В начале XX в. для номинации японцев использовались лексемы *макаки*, *мартышки*, *косоглазые черти* и др., обозначающие нечеловеческие свойства противника. Этнические и внешние особенности его представителей гиперболизируются в образе животных и сверхъестественных злых существ. В результате функционирования лексемы *макаки* в качестве номинации японцев появляется этнический инвектив *макаки*, *кое-каки*. Используются уничижительные этнические номинации *япошки*, *самураи*. Особый негативизм к враждебной расе выражен в номинациях, в основе которых лежит пренебрежительное отношение к физическим и внешним отличиям японцев от русских, таким как: желтый цвет кожи (*желтолицые*, *желтая раса*); небольшой рост; раскосый разрез глаз (*косоглазые*, *узкоглазые*).

Современный же стереотип в восприятии Японии был реконструирован нами на основе данных, проведенного нами направленного ассоциативного эксперимента, и частично посредством анализа данных «Русского ассоциативного словаря». Образ Японии нашими современниками воспринимается неоднозначно. Реакции *загадочная* и *разная*, полученные в ходе эксперимента, объясняют сложившееся в русском языковом сознании стереотипное представление о Японии как о стране, сочетающей традиционные начала с высоким уровнем экономического и технологического прогресса в жизни людей.

В русском языковом сознании Япония прежде всего ассоциируется с цветущей страной и визуализируется в образе розового, красочного, яркого, цветущего дерева *сакуры* (японской вишни), так разнообразно представленного в русской поэзии Серебряного века и по сей день остающегося визитной карточкой Японии не только в России, но и во всем мире. Реакции *солнечная* и *восходящее солнце* дополняют смысловые ассоциации с Японией как олицетворение Страны восходящего солнца.

Наряду с этим восприятием у носителей русского языка сложился стереотип технократической Японии. Об этом говорит большое количество реакций со сходным лексико-семантическим компонентом: *сверхсовременная, высокотехнологичная, инновационная, продвинутая, прогрессивная, технологичная, высокоразвитая, самая прогрессивная, модернизированная, а также богатая, многолюдная, современная, интересная, чистая, передовая*. В связи с этим, мы можем говорить о наличии устойчивых стереотипов в сознании современных носителей русского языка, выявленных нами в результате проведенного направленного ассоциативного эксперимента: *«страна цветущей сакуры», «страна гейш и самураев», и «страна экономического чуда и высоких технологий»*.

Образ *японца* в современном языковом сознании носителя русского языка воспринимается достаточно позитивно. Так, негативный заряд, имевшийся у лексемы *самурай*, к концу XX в. заметно ослабел, в современных толковых словарях ее лексическое значение раскрывается как: «Вообще о японских военных (разг.)». В последние годы наблюдается еще более нейтральное употребление данной лексемы, функционирующей в русском языке в качестве этнической номинации – «японцы». Таким образом, стереотип «вражеская страна» в восприятии Японии постепенно ушел в прошлое.

Перспективы исследования образа Японии в русском лингвокультурном сознании видятся нам, в главной степени, как расширение кросс-культурного контекста и привлечение материала исследований образов

других этносов в русской языковой картине мира с целью сопоставления и проработки вопросов более широкого круга задач имагологических исследований в языкознании.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники исследования

1. Александров, А. По долинам и по взгорьям / А. Александров, П. Парфенов, С. Алымов. – [Электронный ресурс]. – URL:<http://yandex.ru/clck/jsreidir?from=yandex.ru>(дата обращения: 19.01.2020).
2. Алексеев, С. Звездные Раны / С. Алексеев.– [Электронный ресурс]. – URL:<https://libcat.ru/knigi/fantastika-i-fjentezi/fentezi/18937-sergej-alekseev-sokrovishha-valkirii-zvezdnye-rany> (дата обращения: 23.01.2019).
3. Андреев, Л. Красный смех / Л. Андреев.– [Электронный ресурс]. – URL:<http://ilibrary.ru/text/1646/p.1/index.html>(дата обращения: 23.01.2019).
4. Акунин, Б. Алмазная колесница. Ловец стрекоз / Б. Акунин. – М.: Захаров, 2006. – 171 с.
5. Артюх, А. Император и герой (2003) / А. Артюх // Искусство кино.30.06.2003. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://processing.ruscorpora.ru/search.xml> (дата обращения: 17.09.2017).
6. Бальмонт, К.Д. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5: Сонеты солнца, меда и луны: песня миров; Голубая подкова; Под новым серпом; Воздушный путь; Три расцвета / К.Д. Бальмонт. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010.– 525 с.
7. Белый, А. Петербург Роман в восьми главах с прологом и эпилогом / А. Белый. – М.: Наука, 1981. – 694с.
8. Бурлюк, Д.Д. Стихотворения / Д. Бурлюк, Н. Бурлюк; Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. С.Р. Красицкого. – СПб.: Гуманитар. агентство «Акад. Проект», 2002. – 582 с.
9. Бурмистров, П. Чудо японское / П. Бурмистров // Русский репортер.– 2012. – [Электронный ресурс].– URL: <http://processing.ruscorpora.ru/search.xml> (дата обращения: 15.10.2017).

10. Бурносов, Ю. Революция. Японский городской / Ю. Бурносов; автор идеи Константин Рыков. – М.: АСТ: Популяр. лит.: Этногенез, 2010. – 248 с.
11. Бутурлин, П. Двадцать сонетов / Гр. П. Бутурлин. – Киев: тип. Г.Л. Фронцкевича, 1891. – 21 с.
12. Вайль, П. Гений места / П. Вайль. – М.: Изд-во АСТ, Corpus, 2015. – 443 с.
13. Вересаев, В.В. На японской войне / В.В. Вересаев. – СПб.: Лениздат, 2014. – 379 с.
14. В магазинах появились зонтики. Это к дождю //Коммерсант. 30.09.1995. №181.
15. Гаррос А., Евдокимов А. Головоломка (2001) / А. Гаррос, А. Евдокимов. – [Электронный ресурс].– URL: <http://processing.ruscorpora.ru/search.xml> (дата обращения: 15.10.2017).
16. Генис, А.А. Сладкая жизнь: рассказы и эссе / А.А. Генис. – М.: Вагриус, 2004. – 350 с.
17. Головнин, В.М. Записки капитана флота / В.М. Головнин; [вступ. ст. А. Хорошевский]. – М.: Эксмо, 2012. – 473 с.
18. Гончаров, И.А. Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия в двух томах / И.А. Гончаров. – Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1986. – 608 с.
19. Городской портал. Москва. – [Электронный ресурс].– URL:<http://gorodskoyportal.ru/moskva/news/cult/> (дата обращения 12.12.2019).
20. Горький, М. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 3. Рассказы (1916–1925). Очерки (1904–1930) / М. Горький. – М.: Сов. Россия, 1988. – 448 с.
21. Грейнци, Р. Варяг / Р. Грейнци. – [Электронный ресурс].– URL:<http://yandex.ru/clck/jsredir?from=yandex.ru>(дата обращения: 20.04.2017).
22. Дебуа, А. Японии // Япония в русской поэзии начала XX века (наброски антологии): начало. – [Электронный ресурс].– URL:<https://lucas-v-leijden.livejournal.com/170020.html>(дата обращения: 25.04.2017).

23. Дневники святого Николая Японского. Том 1: (с 1870 по 1880 годы); сост. К. Накамура. – СПб.: Гиперион, 2004. – 464 с.

24. Иличевский, А. Матисс // «Новый Мир», 2007. – [Электронный ресурс].– URL: <http://processing.ruscorpora.ru/search.xml> (дата обращения: 15.11.2018).

25. Коваленко, А. В горах – без снаряжения и спецподготовки... (2004) / А. Коваленко // Солдат удачи.06.10.2004. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://processing.ruscorpora.ru/search.xml> (дата обращения: 21.11.2017).

26. Колмогоров, А.Г.Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой / А.Г. Колмогоров. – [Электронный ресурс].– URL: <http://processing.ruscorpora.ru/search.xml> (дата обращения: 8.04.2018)

27. Ключева, В. «Когда за душою приходит ветер»: [стихи и проза] / В. Ключева. Лесная Лилия / Любовь Белкина. – М.: Сам полиграфист, 2012. – 44 с. (Из архива В.В. Португалова).

28. Красноармейские песни (под редакцией В. Лебедева-Кумача, А. Новикова и П. Акуленко). – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.old-songbook.ru/list.php?idpesennik=29>(дата обращения: 25.01.2020).

29. Куприн, А.И. Штабс-капитан Рыбников / А.И. Куприн.– [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.ru/LITRA/KUPRIN/rybnikov.txt>(дата обращения: 29.01.2019)

30. Ласкин, Б. Три танкиста / Б. Ласкин. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://yandex.ru/clck/jsredir?from=yandex.ru>(дата обращения: 29.01.2019).

31. Лоти, П. Госпожа Хризантема / П. Лоти. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=134088>(дата обращения: 20.01.2017).

32. Маринина, А. Последний рассвет. – [Электронный ресурс].– URL: <http://processing.ruscorpora.ru/search.xml> (дата обращения: 23.01.2019).

33. Мельников, П.И. (Андрей Печерский). В лесах: Роман. В 2-х кн. Книга первая / П.И. Мельников (Андрей Печерский). – М.: Худож. лит., 1989. – 630 с.

34. Минцлов, С.Р. Петербург в 1903–1910 годах/ С.Р. Минцлов. – Б.м.: Salamandra P.V.V, 2012. – 287 с.
35. Моторов, А. Преступление доктора Паровозова (2013) / А. Моторов. – [Электронный ресурс].– URL: <http://processing.ruscorpora.ru/search.xml> (дата обращения: 29.11.2019).
36. Мунипов, А. Шумный балаган. Краткие итоги музыкального сезона / А. Мунипов // Известия.15.072002. – [Электронный ресурс].– URL: <http://processing.ruscorpora.ru/search.xml> (дата обращения: 8.10.2019).
37. Новиков-Прибой, А.С. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5 / Предисл. В. Лидина/ А.С. Новиков-Прибой. – М.: Правда, 1963. – 355 с.
38. Овчинников, Вс. Размышления странника (2012) / Вс. Овчинников. – [Электронный ресурс].– URL: <http://processing.ruscorpora.ru/search.xml> (дата обращения: 12.10.2017).
39. Овчинников, Вс.В. Сакура и дуб: Ветка сакуры; Корни дуба. / Вс.В. Овчинников – М.: Изд-во АСТ: Восток-Запад, 2008. – 444 с.
40. Овчинников, Вс. Своими глазами (2006) / Вс. Овчинников. – [Электронный ресурс].– URL: <http://processing.ruscorpora.ru/search.xml> (дата обращения: 9.10.2017).
41. Опережая время // Труд.04.01.1988. – [Электронный ресурс].– URL: <http://processing.ruscorpora.ru/search.xml> (дата обращения: 15.10.2017).
42. Пелевин, В. Бэтман Аполло (2013) / В. Пелевин. – [Электронный ресурс].– URL: <http://processing.ruscorpora.ru/search.xml> (дата обращения: 8.10.2019).
43. Рубальская, Л. Самурай / Л. Рубальская. [Электронный ресурс].– URL: <https://rustih.ru/larisa-rubalskaya-samuraj/> (дата обращения: 05.03.2020).
44. Симонов, К. Рассказы о японском искусстве (1958) / К. Симонов. – [Электронный ресурс].– URL: <http://processing.ruscorpora.ru/search.xml> (дата обращения: 15.10.2017).

45. Симонов, К. Япония (1946) / К. Симонов. – [Электронный ресурс].– URL: <https://www.litmir.me/br/?b=70056> (дата обращения: 20.01.2020).
46. Улицкая, Л. Капустное чудо / Л. Улицкая. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://e-libra.ru/read/323832-kapustnoe-chudo.html>(дата обращения: 23.01.2019).
47. Улицкая, Л. Люди нашего царя / Л. Улицкая. – М.: Эксмо, 2008. – 365 с.
48. Улицкая, Л. Пиковая дама (1995–2000) / Л. Улицкая. – [Электронный ресурс].– URL: <http://processing.ruscorpora.ru/search.xml> (дата обращения: 12.10.2017).
49. Черепанов, М. Космос, истребитель, девушка (2014) / М. Черепанов. – [Электронный ресурс].– URL: <http://processing.ruscorpora.ru/search.xml> (дата обращения: 12.10.2017).
50. Чехов, А.П. Собрание сочинений в 12 т. Т. 10. Из Сибири. Остров Сахалин. Фельетоны, статьи. Записные книжки. Дневники. 1882–1904 / А.П. Чехов. – М.: ГИХЛ, 1963. – 639 с.
51. Чистов, К.В. Легенда о Беловодье / К.В. Чистов // Тр. Карельского фил. АН СССР. – Петрозаводск, 1962. Т.35. – С. 116-181.

Список литературы

1. Алпатов, В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку / В.М. Алпатов // Вопросы языкознания. –1993. – № 3. – С. 15-26.
2. Анохина, Ю.А. Русская безэквивалентная лексика и стереотипы России: на материале французского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ю.А. Анохина. – М., 2002. – 29 с.
3. Антропология языка: сборник статей; отв. ред. С.Р. Омельченко. – Вып. 1. – М.: Флинта-наука, 2010. – 224 с.

4. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37-67.

5. Арутюнова, Н.Д. Стиль Достоевского в рамке русской языковой картины мира / Н.Д. Арутюнова // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г. Винокур. – М., 1996. – С. 61-90.

6. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

7. Балакай, А.Г. Что мы говорим, когда говорим «ничего...» / А.Г. Балакай // Русская речь. – 2000. – №4. – С. 53-59.

8. Баранова, Л.А. Этноним «русский» в фразеологии русского и европейских языков / Л.А. Баранова // Русское слово в мировой культуре: материалы X Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Пленарные заседания: сборник докладов. В 2-х т. Т. I. – СПб.: Политехника, 2003. – 468 с.

9. Бартмицкий, Е. Базовые стереотипы и их профилирование / Е. Бартмицкий // Стереотипы в языке, коммуникации, культуре: сб. статей / сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова. – М.: РГТУ, 2009. – С. 11-21.

10. Бартмицкий, Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Ежи Бартмицкий; сост. и отв. ред. С.М. Толстая. – М.: Индрик, 2005. – 527 с. – (Традиционная духовная культура славян: ТДКС. Зарубежная славистика).

11. Белова, О.В. Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян: Этнолингвистическое исследование: автореф. дис. ... доктора филологических наук: 10.02.03 / О.В. Белова. – М., 2006. – 35 с.

12. Беляева, С.А. Словообразовательная активность заимствованного слова / С.А. Беляева // Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку: ежег. межвуз. тематич. сб. – Владивосток, 1979. – Вып. 7. – С. 33-39.

13. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.

14. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Издание Московской Патриархии, 1968. – 1372 с.

15. Бокова, О.А. Отражение русской ментальности в идиостиле Ф.М. Достоевского (на материале языка романов «великого Пятикнижия»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О.А. Бокова. – Орел, 2015. – 25 с.

16. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.

17. Вайсгербер, Й.Л. Родной язык и формирование духа / Й.Л. Вайсгербер / Пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.

18. Вендина, Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т.И. Вендина. – М.: Индрик, 2002. – 336 с.

19. Вендина, Т.И. Этнолингвистика, аксиология и словообразование / Т.И. Вендина // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. Том I / Ред. коллегия: Т.А. Агапкина, А.Ф. Журавлев, С.М. Толстая. – М.: Издательство «Индрик», 1998. – С. 39-48.

20. Веревкина, Т.В. Утро в приветствии «Доброе утро!» / Т.В. Веревкина // Русская речь. – 2009. – № 2. – С. 121-123.

21. Виноградова, О.Е. Интегральная методика углубленного описания значения слова (на материале семантического описания слов разных частей речи): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О.Е. Виноградова. – Воронеж, 2016. – 304 с.

22. Виноградова, О.Е. Психолингвистические методы в описании семантики слова: монография / О.Е. Виноградова, И.А. Стернин. – Воронеж: издательство «Истоки», 2016. – 160 с.

23. Винокур, Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур. – М.: Наука, 1993. – 172 с.

24. Гринев-Гриневиц, С.В. Основы антропологистики (к человеческим основаниям эволюции мышления человека) / С.В. Гринев-Гриневиц, Э.А. Сорокина, Т.Г. Скопюк. – М.: Компания Спутник+, 2005. – 114 с.
25. Грищенко, В.Д. Национальный менталитет и национальный характер / В.Д. Грищенко // Диалог языков и культур в современном мире: Материалы Второй Международной заочной научно-практической конференции. – Электросталь: Новый гуманитарный институт, 2012. – С. 44–46.
26. Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода / В. фон Гумбольдт // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / Общ. ред. Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1984. – [Электронный ресурс].– URL: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=157183&page=92>(дата обращения: 15.04.2018).
27. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры: перевод с немецкого языка / В. фон Гумбольдт; сост., общ. ред. и вступ. статьи А.В. Гулыги, Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
28. Добродомов, И.Г. Заимствование / И.Г. Добродомов // Языкознание: Большой энцикл. слов. / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. (репр.) «Лингв. энцикл. слов.» 1990 г. – М.: Большая рос. энцикл., 1998. – 682 с. – (Серия «Большие энциклопедические словари»). – С. 158-159.
29. Еникеев, М.Н. Основы судебной психологии. Психические свойства личности: учебное пособие / М.Н. Еникеев. – М.: Всесоюзный юридический заочный институт, 1982. Ч. 1. – 266 с.
30. Зеленин, А.В. Немцы в русской культуре (Лингвистическая имагология) / А.В. Зеленин // Русский язык в школе. – 2013. – № 4. – С. 63-71.
31. Земсков, В.Б. Образ России «на переломе» времен (Теоретический аспект: рецепция и репрезентация «другой» культуры) / В.Б. Земсков //

Новые российские гуманитарные исследования. Литературоведение. 2006. № 1. – [Электронный ресурс].– URL: http://www.nrgumis.ru/archives/full_art.php?aid=37&binn_rubrik_pl_articles (дата обращения: 14.15.2019).

32. Иванцова, Е.В. Лингвоперсонология: основы теории языковой личности / Е.В. Иванцова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 160 с.

33. Исина, Г.И. Стереотипы и национальная языковая картина мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01/ Г.И. Исина. – Алматы, 2008. – 55с.

34. Казанцева, В.А. Коммуникативное поведение японцев глазами И.А. Гончарова / В.А. Казанцева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2017. – №1. – С. 14–17.

35. Казанцева, В.А. Образ Японии в языковом сознании современных носителей русского языка (по данным направленного ассоциативного эксперимента) / В.А. Казанцева, Е.А. Попова // «Святитель Тихон Задонский на перекрестке традиций (Афон – Валаам – Задонск – Оптина Пустынь – Соловки)». Материалы XIV Международного форума. Под редакцией Н.Я. Безбородовой, Н.В. Стюфляевой. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. – С. 141–143.

36. Казанцева, В.А. Образ Японии и особенности коммуникативного поведения японцев в русской лингвокультуре (на материале русской художественной литературы и публицистики) / В.А. Казанцева, Е.А. Попова // ФИЛОЛОГОС. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2018. – Выпуск 1(36). – С. 37–44.

37. Казанцева, В.А. Фразеологизмы с этнонимическим компонентом «японский» в русском языке / В.А. Казанцева // Первые Щеулинские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Василия Васильевича Щеулина (Липецк, 25 марта 2016 года). – Липецк: ЛГПУ, 2016. – Часть 1. – С. 92–98.

38. Караулов, Ю.Н. Русская речь, русская идея и идиостиль Достоевского / Ю.Н. Караулов // Слово Достоевского 2014. Идиостиль и картина мира. – М., 2014. – С. 20-34.
39. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 263 с.
40. Колесов, В.В. «Жизнь происходит от слова...» / В.В. Колесов. – СПб.: Златоуст, 1999. – 368 с.
41. Колесов, В.В. Язык и ментальность – Languageandmentality / В.В. Колесов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – 238 с.
42. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1990. – 108 с.
43. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: учебное пособие / О.А. Корнилов. – 3-е изд. испр. – М.: КДУ, 2011. – 350 с.
44. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – [Электронный ресурс].– URL: <https://bookree.org/reader?file=670969&pg=3> (дата обращения: 18.12.2018).
45. Крысин, Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни / Л.П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / В.Л. Воронцова, М.Я. Гловинская, Е.И. Голанова и др.; отв. ред. Е.А. Земская; Ин-т рус. яз. Рос. акад. наук. – М.: Языки рус. культуры, 1996. – С. 142-161.
46. Крысин, Л.П. Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы / Л.П. Крысин // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллективная монография; отв. ред. Н.А. Купина и М.Б. Хомяков. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – С. 450-455.

47. Кубрякова, Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус / Е.С. Кубрякова // Известия РАН. СЛЯ. – 1994. – Т. 53. – №2. – С. 3-15.
48. Куланов, А. Образ Японии в России: правда и вымысел / А. Куланов, Ю. Стоногина // Новый журнал.– 2003. – № 231.– URL:<http://magazines.russ.ru/nj/2003/231/kulanov.html>(Дата обращения:27.10.2016).
49. Ларина, Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т.В. Ларина. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – 512 с.
50. Леонтович, О.А. Введение в межкультурную коммуникацию / О.А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2007. – 368 с.
51. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.
52. Леонтьев, А.Н. Словарь стереотипных ассоциаций русского языка, его теоретические основы, задачи и значение для обучения русскому языку иностранцев / А.Н. Леонтьев // Вопросы учебной лексикографии: сборник статей. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 372 с.
53. Липман, У. Общественное мнение / У. Липман. – М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
54. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие / В.А. Маслова. – Мн.: Тетра Системс, 2004. – 256 с.
55. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова – М.: Академия, 2001. – 208 с.
56. Молодяков, В.Э. Образ Японии в Европе и России второй половины XIX – начала XX века / В.Э. Молодяков – М.: Институт востоковедения РАН, 1996. – 184 с.
57. Овчинникова, И.Г. Диалог субкультур (концепты деньги и бизнес в сознании молодых россиян) / И.Г. Овчинникова // Я и другой в пространстве

текста. Вып. 2. Под ред. В.А. Салимовского. – Пермь-Люблина, 2009. – С. 256-280.

58. Омельченко, С.Р. В поисках антропологии языка / С.Р. Омельченко // Научный диалог. – 2012. – № 12. – С. 76-84.

59. Османов, Е.М. Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг.: сборник материалов к 100-летию со дня окончания войны / Автор-составитель Е.М. Османов. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. – 470 с.

60. Пеньковский, А.Б. О семантической категории «чуждости в русском языке» / А.Б. Пеньковский // Очерки по русской семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 6-27.

61. Попова, Е.А. Образ Японии в произведениях русской литературы / Е.А. Попова, В.А. Казанцева // Малая Родина – большая литература: проблемы развития современной филологии: материалы Всероссийской научно-практической конференции 22-23 апреля 2015 года. – Липецк: ГАУДПО ЛО «ИРО», 2015. – С. 56-62.

62. Попова, Е.А. Роль стереотипов в формировании образа Японии в русской языковой картине мира / Е.А. Попова, В.А. Казанцева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2020. – № 2. – С. 42–45.

63. Попова, Е.А. Русский синтаксис в лингвокультурологическом освещении / Е.А. Попова // Жизнь языка. Жизнь в языке: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Василия Васильевича Щеулина (Липецк, 13 марта 2013). Сборник научных трудов. – Липецк, ЛГПУ, 2013. – Часть 2. – С. 132-155.

64. Попова, Е.А. Япония и японцы в зеркале русской фразеологии / Е.А. Попова, В.А. Казанцева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2017. – № 4. – С. 58–60.

65. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.

66. Постовалова, В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Академия наук СССР, Ин-т языкознания; Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – С. 8-69.

67. Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – Киев: СИНТО, 1993. – 192 с.

68. Прохоров, Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю.Е. Прохоров. – М.: Педагогика-пресс, 1996. – С. 21-

69. Прохоров, Ю.Е. Русское коммуникативное поведение / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин; Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. – М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2002. – 277 с.

70. Садохин, А.П. Этнология / А.П. Садохин, Т.Г. Грушевицкая – М.: Издательский центр «Академия», 2000. – 304 с.

71. Сахарный, Л.В. К тайнам мысли и слова / Л.В. Сахарный. – М.: Просвещение, 1983. – 160 с.

72. Сепир, Э. Язык. Введение в изучение речи / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии: пер. с англ. / Общ. ред. А.Е. Кибрика. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. – С. 26-203.

73. Серебренников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 244 с.

74. Серикова, Н.А. Художественное переосмысление стереотипного образа Японии в романе Б. Акунина «Алмазная колесница» / Н.А. Серикова // Слово. Словарь. Словесность (к 225-летию основания Российской Академии): Материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 12–14 ноября 2008 г. – СПб.: САГА, 2009. – С. 357-360.

75. Сорокин, Ю.А. Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных культур (Художественная литература в культурологическом аспекте) // Национально-культурная специфика

речевого поведения / А.А. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин и др.; Ред. коллегия: д-р филол. наук А.А. Леонтьев и др.; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1977. – С. 120-136.

76. Степанов, Ю.С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований / Ю.С. Степанов // Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – С. 5-16.

77. Стернин, И.А. Избранные работы. Теоретические и прикладные проблемы языкознания / И.А. Стернин; науч. ред. З.Д. Попова; Воронежский гос. ун-т. – Воронеж: Истоки, 2008. – 595 с.

78. Стернин, И.А. Исследование значения как феномена языкового сознания: монография / И.А. Стернин – Алматы: КазУМОиМЯ имени Абылай хана, издательство «Полилингва», 2018. – 200 с.

79. Стернин, И.А. Коммуникативное и когнитивное сознание / И.А. Стернин // С любовью к языку: сборник научных трудов. – М.-Воронеж: ИЯ РАН, ВГУ, 2002. – С. 44-51.

80. Стернин, И.А. Методика исследования структуры концепта / И.А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ВорГУ, 2001. – С. 58-64.

81. Стернин, И.А. Психолингвистическое значение слова / И.А. Стернин // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранный языки и методика их преподавания. – 2011. – № 1. – С. 5-13.

82. Стернин, И.А. Русское коммуникативное поведение / И.А. Стернин // Проблема национальной идентичности в литературе и гуманитарных науках XX века. Т.1. – Воронеж, 2000. – С. 95-128.

83. Сукаленко, Н.И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира / Н.И. Сукаленко. – Киев: Наукова думка, 1992. – 262 с.

84. Супрун, А.Е. «Экзотическая» лексика / А.Е. Супрун // Филологические науки. – 1958. – № 2. – С. 52-54.

85. Телия, В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Академия наук СССР, Ин-т языкознания; Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – С. 173-204.

86. Токарев, Г.В. Культурные аспекты грамматики // Вестник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. – Вып. 18: Филологическая серия (4). – Елец, 2008. – С. 250-257.

87. Трусов, В.П. Этническая психология (этнические процессы и образ жизни людей: сборник научных трудов кафедры педагогики и психологии. под ред. Андреева Н.Н. / В.П. Трусов, А.С. Филиппов – М.: Российский Университет Дружбы народов, 1984. – 124 с.

88. Ушинский, К.Д. Родное слово: кн. для детей и родителей / К.Д. Ушинский. – Новосибирск: Мангазея: Дет. лит. Сиб. отд-ние, 1999. – 447 с.

89. Чарыкова, О.Н. Роль глагола в репрезентации индивидуально-авторской модели мира в художественном тексте: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / О.Н. Чарыкова. – Воронеж, 2000. – 301 с.

90. Человеческий фактор в языке: Коммуникация. Модальность. Дейксис; отв. ред. Т.В. Булыгина. – М.: Наука, 1992. – 280 с.

91. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи; отв. ред. Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1991а. – 238 с.

92. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности; отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1991б. – 214 с.

93. Шаклеин, В.М. Этноязыковое видение мира как составляющая лингвокультурной ситуации / В.М. Шаклеин // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.– 2000. – № 1. – С. 73-88.

94. Шведова, Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» / Н.Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 1999. – № 1. – С. 3-16.

95. Шмелев, А.Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. / А.Д. Шмелев – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.

96. Шмелева, Е.Я. «Неисконная русская речь» в восприятии русских / Е.Я. Шмелева, А.Д. Шмелев // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Индрик, 1999. – С. 162-169.

97. Щеулин, В.В. Антропоцентризм на современном этапе лингвистики / В.В. Щеулин, Е.А. Попова // Антропоцентризм современной лингвистической ситуации; отв. ред. Е.А. Попова. – Липецк: ЛГПУ, 2002. – С. 3-27.

98. Язык и личность; отв. ред. Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1989. – 216 с.

99. Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. – М.: Издательство «Гнозис», 1994. – 344 с.

Словари

100. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.

101. Большой академический словарь русского языка; гл. ред. К.С. Горбачевич. Т. 9: Л-Медь. – М.-СПб.: Наука, 2007. – 659 с.

102. Грачев, М.А. Словарь тысячелетнего русского арго / М.А. Грачев. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. – 1120 с.

103. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. – 3-е изд., испр. и знач. доп., изд. под ред. [и с предисл.] проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ / В. Даль. – СПб. - М.: Издание т-ва М.О. Вольф, 1905. – 1019 с.

104. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4 / В. Даль. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. – 683 с.

105. Елистратов, В.С. Толковый словарь русского сленга / В.С. Елистратов. – М.: АСТ – ПРЕСС КНИГА, 2010. – 672 с.
106. Епишкин, Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка / Н.И. Епишкин. – М.: ЭТС, 2010. – 5140 с. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm (дата обращения: 18.03.2020).
107. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. / Т.Ф. Ефремова – М.: Рус. яз. 2000. Т. 1: А – О. – 1209 с.
108. Комлев, Н.Г. Словарь иностранных слов / Н.Г. Комлев. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 627 с.
109. Крысин, Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин – М.: Рус. яз., 1998. – 848 с.
110. Лопатин, Л.Е. Русский толковый словарь: Ок. 35 000 слов: 70 000 словосочетаний / В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. – 6-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2000. – 831 с.
111. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Н. Никитина. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 784 с.
112. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 17.12.2018).
113. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 3 т. / Сост. Т.Н. Буцева, Е.А. Левашов, Ю.Ф. Денисенко, Н.Г. Стулова, Н.А. Козулина, С.Л. Гонобоблева; Отв. ред. Т.Н. Буцева. Ин-т лингвистических исследований РАН. – Т. 1. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009.–815 с.
114. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т. / [сост. Т.Н. Буцева, Е.Н. Геккина, Ю.Ф. Денисенко, О.М. Карева, А.Ю. Кожевников, Н.А. Козулина, Е.А. Левашов, С.Д. Левина, Ю.С. Ридецкая, Е.П. Снегова, Н.Г. Стулова, Е.Н. Шагалова]; под ред. Т.Н. Буцевой (отв. ред.) и

Е.А. Левашова; Ин-т лингвистических исследований РАН. – Т. 2: Клиент-банк – Паркетный. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. – 1392 с.

115. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т. / [Т.Н. Буцева, Е.Н. Геккина, Ю.Ф. Денисенко, О.М. Карева, А.Ю. Кожевников, Н.А. Козулина, Е.А. Левашов, С.Д. Левина, Ю.С. Ридецкая, Е.П. Снегова, Н.Г. Стулова, Е.Н. Шагалова]; под ред. Т.Н. Буцевой (отв. ред.) и Е.А. Левашова; Ин-т лингвистических исследований РАН. – Т. 3: Паркомат – Я. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. – 1360 с.

116. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: Ок. 53000 слов / С.И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – 24 изд., испр. – М.: ООО «Издательство Оникс» ООО «Издательство «Мир и Образование», 2005. – 1200 с.

117. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 784 с.

118. Сеничкина, Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка / Е.П. Сеничкина. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.

119. Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 1 / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999. – 702 с.

120. Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 2 / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999. – 736 с.

121. Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 3 / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999. – 752 с.

122. Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 4 / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999. – 800 с.
123. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР. – Т. 2. – 1951. – 1395 с.
124. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР. – Т. 4. – 1955. – 1364 с.
125. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР. – Т. 6. – 1957. – 1459 с.
126. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР. – Т. 14. – 1516 с.
127. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук. – СПб., 1847. Т. 4. – 487 с.
128. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 838 с.
129. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 1; под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М.: ТЕРРА, 1996. – 824 с.
130. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 2; под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М.: ТЕРРА, 1996. – 520 с.
131. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 3; под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М.: ТЕРРА, 1996. – 712 с.
132. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 4; под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М.: ТЕРРА, 1996. – 752 с.
133. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. – URL:<https://www.vedu.ru/exrdic/121919/> (дата обращения 10.12.2018).
134. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. Под ред. Г.Н. Складчиковой. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 944 с.

135. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. – 1175 с.

136. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 3 (Муза – Сят) / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1987. – 832 с.

137. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 4 (Т – ящур) / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1987. – 864 с.

138. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2-х томах: более 12 000 фразеологических единиц; сост. д-р филол. наук А.И. Федоров. Т. 1: А – М. – М.: Цитадель, 1997. – 390 с.

139. Фразеологический словарь русского языка; авт.-сост. А.А. Легостаев, С.В. Логинов. – Ростов н/Д.: Феникс, 2003. – 448 с.